

ГОДЪ

LVI

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 1

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Киевской духов-
ной Семинаріи.

1917 года 1-го января.

Содержаніе: I. Съ новымъ годомъ. Н.—П. Новогоднія размышленія.
Н. Гумилевскаго.—III. Христіанская жизнь и война. Архіеп.
Антонія.—IV. Сектанты и миссія. Вир. Тихомирова.—V. Зна-
меніе времени. В. Садовничій.—VI. Церковно-общественная
жизнь II.—VII. Библиографія.

Съ Новымъ Годомъ!

Благослови, Господи, вѣнецъ лѣта Твоея благодати!
Теперь, когда мы стоимъ на рубежѣ двухъ лѣтъ, одного
истекшаго и другого наступающаго, что скажемъ о про-
шедшемъ и чего пожелаемъ для наступающаго.

Безъ сомнѣнія, теперь всѣхъ насъ объединяетъ одно
чувство, одна мысль, одно желаніе, чтобы наступающій годъ
былъ насколько возможно мирнымъ, счастливымъ, свѣтлымъ
и радостнымъ. Но... такъ, именно съ такими мыслями, чув-
ствами и пожеланіями встрѣчали мы и протекшій годъ. И
что же? Исполнились-ли наши привѣтствія и благопожеланія?
Что унесъ съ собою истекшій годъ? Были, конечно, въ

прошедшемъ году событія и радости, въ которыхъ мы можемъ видѣть знаки великой милости Божіей, или, по крайней мѣрѣ,нисхожденія и долготерпѣнія Божія къ намъ. Но вмѣстѣ съ этимъ, сколько всѣмъ намъ пришлось пережить въ истекшемъ году событій тяжелыхъ и прискорбныхъ и для насъ и для нашей дорогой и многострадальной Родины. Сколько пришлось наблюдать проявленій вражды злости и неправды въ жизни общественной и частной. Что сказать о той великой страдѣ, вызванной войной, какую несетъ нашъ народъ уже третій годъ, несетъ терпѣливо и безропотно какъ крестъ, посланный намъ Самимъ Богомъ! И кто изъ насъ не испыталъ такъ или иначе тяжесть этого креста?

Такъ мало зависитъ наша жизнь отъ нашихъ новогоднихъ привѣтствій и благопожеланій. Однако, не слѣдуетъ осуждать обычай —привѣтствовать и желать въ новомъ году счастья. Въ этомъ обычаѣ есть и добрая сторона, онъ несомнѣнно напоминаетъ и отчасти возогрѣваетъ въ насъ чувства братолюбія и благожелательности. Пусть не все высказываютъ свои благопожеланія знакомымъ и друзьямъ со всею искренностью, пусть нѣкоторые говорятъ ихъ не только машинально, но даже лицемерно, однако, и въ этихъ случаяхъ человекъ какъ бы невольно сознается, что высшій законъ жизни, какой мы должны осуществлять въ своихъ отношеніяхъ къ ближнимъ, это законъ любви и единомыслія. Наконецъ, обычай взаимныхъ привѣтствій и благопожеланій можетъ побудить насъ задуматься надъ вопросомъ: въ чемъ же заключается истинное счастье, гдѣ искать его и возможно ли оно здѣсь на землѣ, и если возможно, то при какихъ условіяхъ оно можетъ быть прочнымъ, не уподобляясь тому лукавому рабу, который всякую минуту готовъ обмануть и покинуть своего господина.

Первое условіе, или вѣрнѣе, источникъ нашего счастья—Господь Богъ. Имъ мы живемъ, движемся и есмь, отъ Него мы имѣемъ жизнь, дыханіе и вся. Напротивъ,

забвеніе Бога есть источникъ всѣхъ несчастій и бѣдствій человѣческихъ. И, однако, люди не хотятъ знать этой простой, вѣками испытанной истины, и большею частью ищутъ счастья не тамъ, гдѣ слѣдуетъ, ищутъ его вездѣ и во всемъ: въ богатствѣ, славѣ, мудрости, въ удовольствіяхъ, въ высокомъ положеніи въ обществѣ и т. п. Люди забываютъ о своей зависимости отъ Бога, думаютъ, что могутъ достигнуть всѣхъ своихъ цѣлей въ жизни своими средствами, считаютъ свои силы, свои средства, свою жизнь исключительно своей собственностью, и думаютъ распоряжаться жизнью по своему усмотрѣнію, думаютъ и желаютъ устраивать ее по своимъ прихотямъ и желаніямъ и такимъ образомъ сами обезцѣниваютъ свою жизнь и размѣниваютъ ее, такъ сказать, на мелочи.

Что же удивительнаго послѣ этого, если люди не могутъ вполне удовлетвориться такою жизнью: при богатствѣ и знатности испытываютъ скуку; послѣ удовольствій, шумныхъ и беззаботныхъ, терпятъ томленіе духа; въ мудрости и знаніяхъ не свободны отъ сомнѣній, часто тяжелыхъ и мучительныхъ. Что удивительнаго, если люди, забывшіе Бога, испытавъ въ жизни неудачи, теряютъ всякую цѣль и отрицаютъ всякій смыслъ въ жизни.

Есть старое, но вполне справедливое и полное глубокаго смысла сравненіе искателей счастья только здѣсь на землѣ съ путешественникомъ по безводной пустынѣ. Утомленный, обезсиленный, умирающій отъ голода и жажды путникъ вдругъ видитъ предъ собой прекрасный пейзажъ: къ небу высятся могучія пальмы, полныя зрѣлыхъ плодовъ. въ тѣни растеній струится прохладный ручей... Путникъ спѣшитъ туда, тратитъ послѣднія свои силы, послѣднюю искру жизни. Но подулъ вѣтеръ, и миражъ исчезъ, разсѣялся безъ слѣда. Предъ путникомъ опять та же безпредѣльная мертвая пустыня. Не то же ли бываетъ и съ тѣми странниками жизни, которые ищутъ счастья только здѣсь на землѣ?

Конечно, въ жизни необходимы и богатство, и власть, и пища, и жилище, необходимы и удовольствія и то или иное положеніе въ обществѣ; тѣмъ болѣе необходимы знаніе и мудрость. Но все это только условія и средства къ истинному счастью, и при томъ условія не главныя, а второстепенныя; все это никогда не можетъ и не должно быть главнымъ предметомъ нашихъ желаній и стремленій, все это не должно быть послѣдней цѣлью нашей жизни. Высочайшее наше благо—это Господь. Онъ источникъ и подаватель всѣхъ благъ. Онъ сіяетъ Свое солнце на злыя и благія, дождитъ на праведныя и неправедныя. Онъ устанавливаетъ времена и лѣта. Онъ даетъ законы, которые одни только могутъ благоустроить нашу жизнь. Онъ указываетъ истинный смыслъ нашей жизни и цѣль нашихъ знаній. Вотъ почему наша жизнь должна проходить въ Богѣ, у Него мы должны просить и въ Немъ искать себѣ истиннаго счастья. Молитва къ Богу, жизнь въ Богѣ—это главное, а остальное приложится само.

Второе условіе нашего счастья здѣсь на землѣ, это правильныя отношенія къ людямъ: къ семьѣ, народу, Церкви, обществу и всему человѣчеству. Эти отношенія явились не случайно, они возникли изъ глубочайшихъ потребностей человѣческаго существа, и безъ нихъ и внѣ ихъ невозможно счастье для насъ, но конечно, для этого самыя эти отношенія должны быть правильными, должны вытекать не изъ эгоизма, или другого подобнаго ему чувства, а изъ чистой христіанской любви. И отдѣльные люди, и цѣлыя народы могутъ устроить свое счастье, могутъ процвѣтать и развиваться, пока живутъ мирно, по братски, но какъ только какой-нибудь народъ или отдѣльный человѣкъ пожелаетъ создать свое благополучіе, свое величіе и славу на несчастьи, позорѣ другихъ, тотчасъ возникаетъ вражда, ненависть, кровавая борьба, въ которой гибнуть лучшія силы, драгоценныя жизни, приносится въ жертву столько благъ, сколько не искупитъ никакая побѣда. Только одна

любовь можетъ устроить наши человѣческія отношенія, и пока любовь Христова не станетъ закономъ жизни, человѣческія отношенія будутъ оставаться явной или тайной борьбой всѣхъ противъ всѣхъ.

Итакъ, счастье возможно при условіи правильныхъ отношеній къ Богу и людямъ. Когда же установятся эти отношенія? Нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта, отвѣтилъ нѣкогда Господь Своимъ ученикамъ на подобный вопросъ. Наше дѣло, заповѣданное намъ Христомъ, это воспитывать себя для Царствія Божія, воспитывать въ себѣ чувства вѣры и любви къ Богу, чувства любви и благожеланія къ ближнимъ, ибо Царствіе Божіе, т. е., наше истинное счастье, не внѣ насъ, а въ насъ самихъ.

Л.

Новогоднія размышленія.

Въ день новаго года принято желать другъ другу новаго счастья, новаго здоровья и т. д. Новый годъ обычно изображается въ видѣ прекраснаго, многообѣщающаго младенца, а старый—въ видѣ дряхлаго, уродливаго старика. Очевидно, что новое отождествляется съ лучшимъ, а старое, стало—быть, не удовлетворяетъ насъ. И дѣйствительно, трудно найти человѣка, который былъ бы вполне удовлетворенъ своимъ положеніемъ и не стремился бы къ его улучшенію. Въ отношеніи къ нравственному совершенствованію такая неудовлетворенность вполне понятна и естественна: нравственный идеаль безпредѣленъ; и потому, на какой бы нравственной высотѣ человѣкъ ни стоялъ, онъ не можетъ сказать, что достигъ высшаго совершенства. Но наша неудовлетворенность сравнительно рѣдко простирается на нравственную область, о которой мы задумываемся не часто, а относится болѣе всего къ тому, что принято считать счастьемъ: къ внѣшнему положенію въ обществѣ, усло-

віямъ жизни, обстановкѣ. Въ этой то области, гдѣ наши желанія особенно ненасытими, приходится наблюдать странныя явленія. Стремится человѣкъ къ какой либо цѣли, часто не щадя своихъ силъ и не разбираясь въ средствахъ, достиженіе намѣченнаго считаетъ верхомъ возможнаго благополучія; наконецъ, цѣль достигнута, а что же?—въ первый моментъ человѣкъ считаетъ себя вполне удовлетвореннымъ и счастливымъ, но скоро достигнутое уже кажется ему малымъ, и погоня за счастьемъ начинается снова. То, что въ мечтахъ манило, какъ высшее счастье,—при осуществленіи оказалось безсильнымъ дать болѣе или менѣе продолжительное удовлетвореніе. И вѣчно для человѣка счастье представляется находящимся впереди, счастьемъ считается новое, то, чего еще нѣтъ, а то, что есть, по примѣнимому во всѣ времена изреченію ветхозавѣтнаго мудреца,—суета суеть и томленіе духа.

Итакъ, какой же смыслъ имѣеть это неискоренимое стремленіе сердца человѣческаго къ новому, если новое въ самый моментъ своего достиженія уже начинаетъ свой переходъ въ область стараго и становится также не удовлетворяющимъ? Очевидно, данное явленіе происходитъ оттого, что этому стремленію дается неправильное направленіе: не тамъ ищеть человѣкъ новаго, гдѣ нужно. Никакое улучшеніе внѣшнихъ обстоятельствъ и условій жизни не можетъ дать полного и прочнаго удовлетворенія потому, что сами то внѣшнія условія непрочны и скоропреходящи, а еще болѣе потому, что они не соотвѣтствуютъ истиннымъ запросамъ духа человѣческаго. Назначеніе человѣка заключается не въ томъ, чтобы расходовать свои силы на постоянное отысканіе вѣчно новаго и никогда не достигаемаго счастья, а въ томъ, чтобы „обновиться духомъ ума своего и облечься въ новаго человѣка, созданнаго по Богу, въ праведности и святости истины“ (Еф. 4, 23—24), потому что „кто во Христѣ, тотъ новая тварь; древнее прошло, теперь все но-

вое“ (2 Кор. 5, 17). О необходимости такого обновленія намъ и нужно думать всегда, а особенно въ тотъ моментъ времени, съ которымъ принято соединять начало новаго года.

Провѣримъ же себя: можемъ ли мы признать себя „новою тварью“?—Новое должно быть отлично отъ стараго, должно характеризоваться существенно иными чертами, которыхъ въ старомъ не было. Вѣдь и теперь не мало людей, которые живутъ такъ, какъ если бы на землѣ никогда не раздавалась христіанская проповѣдь о томъ, чтобы не любить міра и того, что въ мірѣ, чтобы искать прежде всего царствія Божія и правды Его. Что же, можемъ ли мы сказать, что существенно (настолько, чтобы представлять собою иное, новое твореніе) отличаемся отъ людей „міра сего“ или, подобно имъ, мы всецѣло погружены въ земныя, житейскія попеченія, служимъ „обольстительнымъ похотямъ“ (Еф. 4, 22)? Ходимъ ли мы въ обновленной жизни, или грѣхъ еще царствуетъ въ смертномъ тѣлѣ нашемъ (Рим 6, 4, 12)?—А вѣдь если мы—не „новая тварь“, то мы и не во Христѣ; но кто не пребываетъ во Христѣ, тотъ „извергнется вонъ, какъ вѣтвь, и зосохнетъ; а такіа вѣтви собираютъ и бросаютъ въ огонь, и онѣ сгораютъ“ (Іоан. 15, 6).

Пожелаемъ же другъ другу въ новомъ году не новаго земного благополучія, а того духовнаго обновленія, которое даетъ неотъемлемые никакими земными злостраданіями плоды— „праведность и миръ и радость во Святомъ Духѣ“ (Рим. 14, 17).

Н. Гумилевскій.

Христіанская вѣра и война.

Отъ разныхъ лицъ получаю я письменные запросы о томъ, какъ можно оправдать войну съ христіанской точки зрѣнія. Отвѣтить на вопросъ, поставленный въ такой общей формѣ, совершенно невозможно: нужно разложить его на болѣе частные и болѣе опредѣленные вопросы. Это необходимо потому уже, что войну ведетъ государство, а Христово ученіе и ученіе Св. Апостолъ не устанавливаетъ никакихъ правилъ для жизни государственной, и нигдѣ въ Новомъ Заветѣ не предусмотрено о томъ, что будутъ существовать когда-либо христіанскія государства: приказано только исполнять тѣ пассивныя требованія, которыя предъявляются со стороны государства подданнымъ: повиноваться властямъ (Рим. 13, 1—7), въ особенности же царю и другимъ начальникамъ, какъ поставленнымъ отъ него (I Петр. 2, 13), за тѣмъ молиться за Царя, и тѣхъ, кто во власти (I Тим. 2; 1, 2), платить подати, установленныя царскимъ закономъ и т. п. (Мтѣ. 22, 21). Можно съ увѣренностью прибавить къ этому, что на государство, даже языческое, Господь, Предтеча и Апостолы не взираютъ какъ на явленіе отрицательное, но какъ на разумный порядокъ человѣческой жизни. Такъ святой Іоаннъ Креститель не осудилъ ремесла ни мытарей, ни воиновъ, но только приказалъ имъ не допускать злоупотребленій (Луки 4, 13); въ Своихъ притчахъ нашъ Спаситель нерѣдко говоритъ о царяхъ и ихъ распоряженіяхъ, какъ о явленіи вполнѣ нормальномъ и разумномъ, причемъ цари представляются обыкновенно милостивыми и справедливыми. Благоразумный разбойникъ изрекаетъ слова, помѣщенные Евангелистомъ съ полнымъ сочувствіемъ его мыслямъ: „Мы убо вправду (осуждены), достойная бо по дѣломъ наю воспріемлема, сей же ни единого зла сотвори. (Лука 23 41). Еще опредѣленнѣе высказываетъ благовольтельное отношеніе христіанства къ идеѣ государственной власти Ап. Павелъ въ посланіи къ Римлянамъ: „Всякая

душа да будетъ покорна высшимъ властямъ: ибо нѣтъ власти не отъ Бога; существующія же власти отъ Бога установлены. Посему противящійся власти противится Божію установленію. А противящіеся сами навлекутъ на себя осужденіе. Ибо начальствующіе страшны не для добрыхъ дѣлъ, но для злыхъ. Хочешь ли не бояться власти? Дѣлай добро, и получишь похвалу отъ нея. Ибо начальникъ есть Божій слуга, тебѣ на добро. Если же дѣлаешь зло,—бойся; ибо онъ не напрасно носитъ мечъ, онъ Божій слуга, отмститель въ наказаніе дѣлающему злое. И потому надо повинываться не только изъ страха наказанія, но и по совѣсти. Для сего вы и подати платите: ибо они Божіи служители, симъ самымъ постоянно заняты. Итакъ, отдавайте всякому должное: кому подать—подать; кому оброкъ—оброкъ, кому страхъ—страхъ; кому честь—честь (13, 1—7).

Конечно, для послѣдователей Толстого, совершенно отрицающаго авторитетъ посланій и особенно Ап. Павла, эти слова не имѣютъ значенія, но во всякомъ случаѣ толстовцы не правы, навязывая приведенному изреченію такой смыслъ, будто бы цари всегда поступаютъ справедливо: такого смысла здѣсь нѣтъ; здѣсь просто указывается преобладающій—справедливый характеръ правительственныхъ распоряженій, которому невольно подчиняется даже и неправедный судія Христовой притчи; но этимъ совершенно не отрицается возможность рѣзкихъ и частыхъ исключеній, какъ и въ словахъ Спасителя о томъ, что даже злой отецъ не подастъ сыну камня, когда онъ проситъ у него хлѣба.

Таково ученіе Священнаго Писанія: оно повелѣваетъ уважать и исполнять требованія языческой государственной власти, не осуждаетъ званія война, судьи и сборщика податей,—но нигдѣ не даетъ указаній на желательные порядки въ государствѣ христіанскомъ, ни на то, что когда-либо будутъ существовать такія государства. Болѣе опредѣленно выражается о семь Церковь въ своихъ каноническихъ постановленіяхъ, которыя для сознательнаго христіанина должны имѣть такое

же значеніе, какъ и слова Христовы. потому что самое собраніе послѣднихъ, т. е., составъ святыхъ Евангелій и вообще Новаго Завѣта, мы приедемъ по указанію тѣхъ же церковныхъ канонѣвъ, тогда какъ протестанты, отвергающіе каноны вселенскихъ соборовъ, не имѣютъ рѣшительно никакихъ основаній для того, чтобы во 1) вмѣстѣ съ нами признавать 4 Евангелія, 21 посланіе и Апокалипсисъ подлинными, а прочія существующія 8 Евангелій подложными и 2) признавать боговдохновеннымъ нашъ составъ Новаго Завѣта, а не вошедшія въ него посланія учениковъ Христовыхъ и Павловыхъ—Варнавы и Климента, а также и посланіе Ап. Павла къ Лаодикійцамъ—хотя и подлинными, но человѣческими произведеніями, а не глаголомъ Святаго Духа.

Итакъ, если вѣра въ Священное Писаніе основывается на вѣрѣ въ непогрѣшимость вселенскихъ соборовъ, то намъ, казалось бы, остается только привести изреченія послѣднихъ по интересующему насъ предмету, но мы предчувствуемъ, что, поведя дѣло такимъ способомъ, т. е., безъ всякихъ оговорокъ, мы не достигнемъ цѣли, т. е., не убѣдимъ сомнѣвающихся. Увы, послѣдовательность мысли или логика является достояніемъ немногихъ умовъ: для большинства гораздо больше значенія имѣетъ привычка, а постановленія вселенскихъ соборовъ современнымъ христіанамъ совершенно неизвѣстны, къ стыду нашей школы. Заговорите о значеніи соборовъ—съ вами всѣ согласятся, а какъ начнете приводить ихъ правила и постановленія, вы сейчасъ же почувствуете, что бросаете горохъ на стѣну: настолько новы и не сродны эти глаголы Церкви для умовъ и сердець ея одичалыхъ чадъ.

Поэтому, прежде, чѣмъ обратиться къ ученію вселенскихъ соборовъ, остановимся еще разъ на той мысли, что Священное Писаніе Новаго Завѣта не устанавливаетъ законовъ или правилъ жизни государственной, а только личной или церковно-общественной. Посему ставить вопросъ: не

воспрещена ли война христіанскому государству во святомъ Евангеліи?—безмысленно. Можно ставить вопросъ такъ: погрѣшаетъ ли христіанинъ, согласившись вступить въ ряды воиновъ? Погрѣшаетъ ли царь или члены высшихъ государственныхъ учрежденій, объявляя войну или принимая вызовъ на войну? Наконецъ, погрѣшаетъ ли всякій христіанинъ, солѣйствуя успѣху войны: пожертвованіями, выдѣлкой оружія и тому подобными способами? Утвердительного отвѣта на всѣ эти три вопроса вы нигдѣ не найдете въ святой Библии, ни въ Ветхомъ, ни въ Новомъ Завѣтѣ.

Помилуйте, перебѣте меня иной собесѣдникъ на такой фразѣ: «да вѣдь прямо сказано: «не убій!»—Да, на эту заповѣдь Божию чрезвычайно увѣренно ссылались на нашихъ парламентскихъ трибунахъ и въ прессѣ, когда требовали въ 1906 году упраздненія смертной казни, подготавливая военный бунтъ. Помню, какъ одушевленно ораторствовалъ тогда въ Государственномъ Совѣтѣ сенаторъ Таганцевъ, и какъ на мой вопросъ: «значитъ, вы безусловно отрицаете участіе христіанина въ войнѣ и въ усмиреніи вооруженнаго возстанія?» отвѣтилъ: „э, нѣтъ! Для насъ юристовъ это имѣетъ совсѣмъ иное значеніе“. Но тогда при чемъ-же тутъ заповѣдь? Вѣдь въ ней объ юристахъ ничего не сказано? Очевидно, она понадобилась профессору не какъ христіанину, не какъ послѣдователю еще ветхозавѣтной заповѣди, а лишь въ качествѣ ораторскаго приема. И мы сейчасъ увидимъ, что самый популярный способъ возраженія противъ войны черезъ ссылку на шестую заповѣдь является выраженіемъ либо невѣжества, либо лицемерія, либо того и другого вмѣстѣ, и во всякомъ случаѣ—нежеланіемъ вникнуть въ дѣло серьезно. Впрочемъ, столь же несерьезны и неискренни бываютъ всѣ почти ссылки нашихъ современниковъ на слово Божіе.

Десять заповѣдей написаны въ 20-й главѣ книги Исходъ. Въ этой же главѣ продолжается рѣчь Господня къ

народу и въ Моисею, и кончается затѣмъ безъ перерыва послѣднимъ стихомъ главы 23—й. Какія же правила и законы изложены въ этой рѣчи Господней, начинающейся съ десяти заповѣдей?

Выписываемъ слѣдующія слова: „кто ударить челоуѣка такъ, что онъ умретъ, да будетъ преданъ смерти (21, 12); кто злословить отца своего или мать, того должно предать смерти (15); если (чей либо) волъ былъ бодливъ вчера и третьяго дня и хозяинъ его, бывъ извѣщенъ о семъ, не стерегъ его, а онъ убилъ мушину или женщину, то вола побить камнями, а хозяина его предать смерти (29)“. Въ той же рѣчи Божіей говорится о войнѣ: „если будешь слушать гласа его (ангела) и исполнять все, что скажу тебѣ, то врагомъ буду враговъ твоихъ.. и истреблю ихъ отъ лица вашего (23, 20—23)“.

Вторично десять заповѣдей Господь рукою Моисея излагаетъ въ 5-й главѣ Второзаконія и въ той же рѣчи Своей, именно, въ главѣ 7-ой, законодатель говоритъ слѣдующее: „когда введетъ тебя Господь Богъ твой въ землю, въ которую ты идешь, чтобы овладѣть ею, и изгнать отъ лица твоего многочисленныя народы.. и предасть ихъ тебѣ Господь Богъ твой, и поразишь ихъ: тогда передай ихъ заклятію (т. е., поголовному избіенію), не вступай съ ними въ союзъ и не шади ихъ (7, 1—2). Истребишь всѣ народы, которые Господь Богъ даетъ тебѣ; да не пощадитъ ихъ глазъ твой (16).

Рѣчь законодателя продолжается до главы 27-ой, а въ главѣ 20-ой вотъ что говорится о войнѣ: „въ городахъ сихъ народовъ, которыхъ Господь Богъ твой даетъ тебѣ во владѣніе, не оставляй въ живыхъ ни одной души, но предай ихъ заклятію“ (ст. 16—17).

Гдѣ же тутъ воспрещеніе какого бы то ни было убійства? Не ясно ли, что заповѣдью возбраняется не война, и не смертная казнь, но смертоубійство личное, внушаемое ненавистью или самоуправствомъ. „Но мы не признаемъ ев-

рейскихъ законовъ, не считаемъ ихъ за волю Божию, а признаемъ только слова Спасителя, затараторятъ наши собесѣдники. Но тогда зачѣмъ же вы ссылаетесь на ветхозавѣтную заповѣдь? Можно быть невѣрующимъ, но надо же быть сколько-нибудь честнымъ, хотя, конечно, и то правда, что при невѣріи нѣтъ разницы между честнымъ и нечестнымъ, добрымъ и злымъ. Да и какъ вы будете вѣрить Христу, отрицая Моисея, когда Господь Самъ сказалъ: „если бы вы вѣрили Моисею, повѣрили бы и Мнѣ, потому что онъ писалъ о Мнѣ. Если же его писаніямъ не вѣрите, какъ повѣрите Моимъ словамъ (Іоан. 5. 46—47). Въ частности присужденіе къ смертной казни за оскорбленіе родителей Господь прямо признаетъ заповѣдію Божіею: „Зачѣмъ и вы престоупаете заповѣдь Божию ради преданія вашего? Ибо Богъ заповѣдалъ—почитай отца и мать и злословящій отца или мать смертію да умретъ“ (Мѡ. 15, 4; сравн. Марк. 7, 10—14).

Итакъ, спросятъ меня читатели: по вашему слѣдуетъ предавать смертной казни всякаго, оскорбившаго своихъ родителей? Нѣтъ, отвѣтимъ мы: изъ приведенныхъ словъ Писанія слѣдуетъ только то, что, во первыхъ, заповѣдью „не убій“ воспрещается не война, не смертная казнь, а только самовольное убійство. Это во-первыхъ. А во-вторыхъ, изъ сказаннаго ясно, что Господь Самъ повелѣлъ въ Ветхомъ Завѣтѣ Своему народу вести истребительныя войны и за извѣстныя преступленія казнить людей смертію: наконецъ, въ третьихъ, Христосъ Спаситель признаетъ эти ветхозавѣтныя постановленія заповѣдью Божіею. Имѣютъ ли эти заповѣди значеніе для новозавѣтной Церкви?—Нѣтъ, отвѣтимъ мы: обязательнаго значенія онѣ не имѣютъ. Церковь ветхозавѣтная была въ то же время государствомъ, пріуроченнымъ къ опредѣленной территоріи и опредѣленному племени; Церковь же новозавѣтная есть царство; война же и смертная казнь, какъ и всякій вообще принудительный судъ, является дѣломъ государства, къ каковому, какъ мы сказали, не обращено ни одно указаніе Новаго Завѣта.

При всемъ томъ мы уже видѣли, что Христось Спаситель и апостолы не возбраняли Своимъ послѣдователямъ исполнять государственной повинности и требовали послушанія даже языческому правительству. Такимъ образомъ, ясно, что хотя Господь соединилъ Своихъ послѣдователей не въ госуд. союзъ, а въ союзъ церковный, но не возбраняетъ объединяться сверхъ того и въ союзы физической самозащиты, т. е., въ государство; государство же безъ судовъ, тюремъ и войны никогда не будетъ существовать, и надежды нашихъ современниковъ на то, будто теперешняя война есть послѣдняя въ исторіи, находятся въ прямомъ противорѣчій не только съ дѣйствительностью и ея обостреннымъ націонализмомъ, но и съ совершенно ясными предсказаніями Спасителя о послѣднихъ временахъ, когда возстанетъ царство на царство, народъ на народъ (Мѡ. 24, 6—21. Сравн. Луки. 21, 10—26). («Русск. инокъ»)

Архіеп. Антоній.

Сектанты и миссія.

Характернымъ явленіемъ послѣдняго времени является крайне зазорный, приподнятый тонъ сектантскихъ изданій. Они уже не отстаиваютъ и не защищаютъ только себя, а грозятъ Правословію. „Присмотритесь пристальнѣе, писалъ недавно какой то сектантъ въ „Утренней Звѣздѣ“, посмотрите на мятущееся море русской жизни, и вы безъ затрудненія увидите признаки приближенія таинственной гостьи“. Изъ заглавія статьи „Реформація“ идетъ ясно, о какой таинственной гостьѣ здѣсь говорится.

Эти признаки приближенія реформаціи сектанты усматриваютъ въ томъ внутреннемъ броженіи, которое возбуждаютъ и поддерживаютъ въ народѣ разные братцы. Еще немного, радуются пашковцы, и Православіе, какъ господствующее исповѣданіе въ Россіи, рухнетъ. Ожиданіе этого

событія фанатизируетъ сектантскую массу и пробуждаетъ въ ней склонность къ назойливой пропагандѣ своихъ вѣрованій среди православныхъ. Два сектантскихъ всероссійскихъ съѣзда, бывшіе въ столицѣ въ теченіи 1910 года, много содѣйствовали сектантскому фанатизму и объединенію столичныхъ сектантовъ въ борьбѣ съ Православіемъ. Этимъ, въ частности, и объясняется приподнятое ихъ религіозное настроеніе. «Евангельскіе христіане» главною своею цѣлью считаютъ объединеніе всѣхъ христіанъ, какъ бы они ни назывались, на основаніи одного принципа: въ главномъ—единство, во второстепенномъ—свобода, а во всемъ—любовь. Къ этой же цѣли неуклонно стремятся и современные пашковцы. Съ этою цѣлью они основали въ 1910 г. газету „Утренняя Звѣзда“, назначеніе которой защищать всѣхъ сектантовъ: баптистовъ, духовныхъ христіанъ, пашковцевъ и др. Редакція газеты часто призываетъ всѣхъ оставить взаимныя упреки, устные и печатныя, и приняться за еднородную работу религіознаго пробужденія русскаго народа.

Не важно то, чтобы вновь поступившій въ общину твердо усвоилъ ея ученіе и былъ искреннимъ ея приверженцемъ. Хорошо, если онъ только оторвется отъ Православія. Баптисты, напримѣръ, очень неразборчивы въ принятіи въ свою общину. Ихъ вожакъ Фетлеръ прямо говоритъ: разбирать станемъ послѣ. Теперь пока надо какъ можно больше набирать себѣ послѣдователей“. Но зато на своихъ „закрытыхъ“ собраніяхъ сектантскіе вожаки стараются наэлектризовать „вѣрующихъ“ и сдѣлать ихъ всѣхъ поголовно пропагандистами. Фетлеръ каждый разъ и всякаго спрашиваетъ: „привелъ ли кого-либо ко Христу, и сколько привелъ?“ Религіозно-нравственной сплоченности столичныхъ сектантовъ много содѣйствовали союзы молодежи мужеской и женской. Эти союзы ставили цѣлью укрѣплять своихъ членовъ въ вѣрѣ взаимною поддержкою другъ друга, помогать дѣлу миссіи, какъ личнымъ трудомъ, такъ и матеріальными средствами.

До сихъ поръ борьба съ сектантами значительно облегчалась тѣмъ, что ихъ вожаки и представители являлись лицами съ случайнымъ образованіемъ, въ большинствѣ случаевъ простыми начетчиками. Но теперь пашковцы, какъ слышно, открыли свой «Библейскій институтъ», въ которомъ преподаются даже такія науки, какъ логика, сравнительный курсъ религій, систематическое богословіе. Такимъ образомъ въ рядахъ русскихъ сектантскихъ проповѣдниковъ мы скоро увидимъ образованныхъ дѣятелей, что несомнѣнно усложнить религіозную борьбу съ сектантствомъ.

„Что же дѣлать?“, спрашиваетъ херсонскій епархіальный миссіонеръ, останавливаясь на вопросѣ о борьбѣ съ сектантствомъ и, стараясь дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, приходитъ въ замѣтное затрудненіе. Дѣло православной миссіи, по его мнѣнію, при настоящей неопредѣленности положенія ея дѣятелей можетъ только прозябать, а не процвѣтать. Миссія до тѣхъ поръ будетъ безсильна въ борьбѣ съ расколомъ—сектантствомъ, пока не выйдетъ на настоящую свою дорогу и не станетъ миссіей народной.

Разными дѣятелями миссіи всегда будутъ предлагаться различныя мѣры къ поднятію миссіонерскаго дѣла въ Россіи: будутъ говорить о необходимости истоваго совершенія богослуженія, объ улучшеніи церковнаго чтенія и пѣнія, объ упрощеніи церковно—богослужебнаго языка, усиленіи церковной проповѣди. Будутъ повторять извѣстную фразу: „каждый священникъ въ своемъ приходѣ долженъ быть первымъ миссіонеромъ“; скажутъ о необходимости церковныхъ бібліотекъ, о распространеніи среди народа брошюръ и листовъ религіозно—нравственнаго содержанія; будутъ, наконецъ, говорить объ усиленіи церковной дисциплины и поднятіи авторитета духовенства и проч., и проч.

Конечно, всѣ эти пожеланія хороши; будучи осуществлёны, они несомнѣнно помогутъ дѣлу миссіи. Но сами по себѣ они все же явятся мѣропріятіями внѣшняго характера, успѣхъ которыхъ будетъ зависѣть отъ той почвы, на кото-

рую будутъ бросаться эти сѣмена. Нужно разбудить дремлющія силы самаго православнаго люда и направить ихъ на борьбу съ врагами Церкви, разумеется, одиѣми только мѣрами внутренняго религіозно—нравственнаго воздѣйствія. Церковь есть союзъ любви, и пока такой союзъ представляеть собою то или другое мѣстное общество,—ему не страшна никакая пропаганда чуждаго ученія. Но бѣда въ томъ, что нашъ православный приходъ давно пересталъ быть союзомъ любви, а обратился въ сборище лицъ, связавшихъ лишь внѣшнимъ образомъ.

Единство храма и единство пастыря страннымъ образомъ превратилось только въ единство мѣста отправленія необходимыхъ церковныхъ требъ. Въ народѣ спитъ религіозный интересъ. Заглохло живое сознание необходимости принадлежать къ Церкви, чтобы жить полною религіозною жизнью. Только по инерции, малоподвижности, эти люди держатся около ограды храма. Живись кто пибудь и покажи имъ, какъ можно возбудить религіозное чувство, затронуть мысль и развить живое молитвенное настроеніе, и они пойдутъ за нимъ, не вѣдая того, что этотъ путеводитель заведетъ ихъ въ концѣ концовъ въ пустыню сухого раціонализма или грубаго и даже безнравственнаго суевѣрія.

Нужно, чтобы священникъ изъ требоисправителя и случайнаго обличителя своихъ прихожанъ выросъ въ постояннаго ихъ духовнаго руководителя. Нужно, чтобы каждый прихожанинъ хоть разъ почувствовалъ, что Церковь есть великій союзъ любви, объединяющій вѣрующихъ всѣхъ концовъ земли, соединяющій ихъ ветхую сельскую деревянную церковь въ одно духовное цѣлое не только съ роскошными храмами древней богомольной Византіи, но и съ темными нещерпыми гробницами катакомбъ, на которыхъ совершали евхаристію мученики первыхъ вѣковъ христіанства. Только тогда, когда приходъ или хоть нѣкоторая его часть, почувствуетъ себя живымъ религіознымъ союзомъ, — падутъ на плодородную почву и всѣ тѣ внѣшнія мѣры, которыя будутъ

прилагаться къ развитію религіозной жизни. Сначала нужно бросить въ землю сѣмя, а потомъ ужъ поливать ее. Сколько есть у насъ церквей, въ которыхъ образцово и истово совершается богослуженіе, а между тѣмъ и здѣсь религіозная жизнь прихода слаба.

Въ самой борьбѣ съ сектантствомъ у насъ такъ часто сказывается стремленіе къ внѣшнимъ мѣрамъ: запретить, не допустить. Но тамъ, гдѣ явилась пытливость, гдѣ людей мучить неудовлетворенная жажда, напрасно ставить внѣшнія преграды. Онѣ только дадутъ большую силу удерживаемому стремленію. Не слѣдуетъ и ругать сектантовъ, набрасываясь на нихъ и въ литературѣ, и въ устныхъ миссіонерскихъ бесѣдахъ, съ гикомъ и крикомъ. Такая суровость только оттолкнетъ и озлобитъ сектантовъ;—это обычная психологія заблуждающихся, которую отмѣчалъ еще старый семинарскій учебникъ гомилетики Оаворова.

Нужно старательно изучить, со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ подробностяхъ, психологію сектанта до малѣйшихъ оттѣнковъ его настроенія. Изучить объективное, ничего не преувеличивая, но и ничего не упуская изъ виду. Этѣмъ-то, къ сожалѣнію, мы и не можемъ похвалиться. Нельзя сказать, чтобы сектантство росло у насъ быстро, особенно, если имѣть въ виду ту благопріятную почву, которую оно находитъ въ религіозномъ состояніи массъ. Но оно приноситъ вреда гораздо больше, чѣмъ можно думать.

Вредъ этотъ заключается въ томъ религіозномъ волненіи, далеко не благопріятномъ Православной Церкви, которое оно производитъ вокругъ. Такъ, гдѣ были сектантскіе проповѣдники или появилось хоть нѣсколько сектантовъ, по сѣянъ раздоръ уже во многихъ сердцахъ. Сектантская проповѣдь привлекаетъ къ себѣ немногія, болѣе пылкія натуры, но зато во многихъ вселяетъ религіозный индифферентизмъ и порождаетъ сомнѣніе. Въ этомъ, можетъ быть, даже самое главное зло сектантской пропаганды; отсюда и необходимость энергичной борьбы съ ея вліяніемъ не только для Церкви, но и для государства.

Кур. Тихомировъ.

Знаменіе времени.

Послѣ занятія русскими Львова былъ взятъ въ плѣнъ, какъ извѣстно, униатскій митрополитъ іезуитъ графъ Шептицкій. Намъ нѣтъ нужды распространяться о томъ, что это за личность. Его ненависть къ Россіи и къ Православію достаточно извѣстны. Около него группировались угнетатели православнаго русскаго народа въ Галиціи, онъ заведывалъ дѣломъ ополячиванія русскихъ галичанъ, онъ былъ однимъ изъ главныхъ вдохновителей мазешиства и т. д. Неоднократно подъ видомъ простаго торговца (официально въѣздъ въ Россію ему былъ воспрещенъ) іезуитъ этотъ пробирался шпионить въ Россію съ тѣмъ, чтобы по возвращеніи къ себѣ плести новыя сѣти русскому народу. И вотъ, онъ оказался вдругъ въ заятюмъ русскими войсками Львовѣ. Русскіе отнеслись къ нему на первыхъ порахъ съ чрезмѣрною любезностью и корректностью, каковыхъ онъ вовсе не заслуживалъ. Его оставили на свободѣ, позволили ему совершать богослуженіе, говорить проповѣди. Въ благодарность за все это въ проповѣдяхъ своихъ онъ началъ возбуждать населеніе противъ Россіи. Пришлось поневолѣ отправить его въ тылъ. Сначала онъ содержался подъ надзоромъ полиціи въ Курскѣ, но и здѣсь почему то оказалось невозможнымъ его дальнѣйшее пребываніе, и въ началѣ сентября 1916 г. его перевели въ Суздальскій Спасо-Евфиміевскій монастырь, гдѣ наблюдали за нимъ жандармскія власти. Какъ видно, отношеніе къ человѣку, — котораго въ Австріи за подобное давно отправили бы на висѣлицу, слишкомъ мягкое: его не сослали на каторгу, надъ нимъ не издѣвались, не морили его голодомъ въ вонючихъ тюрьмахъ, какъ это съ его благословенія дѣлалось съ православными священниками въ Галиціи; его только, какъ человѣка вреднаго, изолировали. Но вотъ въ Петроградѣ нашлись у него почитатели и радѣтели. Недовольные тѣмъ, что Шептицкій „лишенъ связи съ внѣшнимъ міромъ, что онъ помѣщенъ въ православномъ монастырѣ

(какъ „любитель восточнаго обряда“, онъ долженъ былъ бы остаться глубоко благодарнымъ за такую честь), лишень переписки, свиданій, права совершать богослуженіе (и права произносить свои проповѣди въ духѣ прежней галиційской дѣятельности?), права выхода за ограду монастыря“ ¹⁾, они вносятъ въ Гос. Думу по этому поводу запросъ и требуютъ, чтобы Дума обратилась къ министрамъ иностранныхъ дѣлъ, юстиціи, внутреннихъ дѣлъ и оберъ-прокурору св. Синода съ слѣдующимъ запросамъ:

„Извѣстно ли имъ, что въ суздальскомъ Спасо-Евфиміевскомъ монастырѣ незаконно содержится австрійскій подданный митрополитъ греко-католической церкви гр. А. Шептицкій, и если извѣстно, то какія мѣры приняты для немедленнаго освобожденія митрополита изъ-подъ стражи изъ монастыря, и что сдѣлано для привлеченія къ отвѣтственности должностныхъ лицъ гражданскаго и духовнаго вѣдомства, незаконно лишившихъ свободы упомянутаго графа Шептицкаго.

Что можно представить возмутительнѣе и нахальнѣе этого запроса? Думскіе друзья Шептицкаго требуютъ „привлечь къ отвѣтственности должностныхъ лицъ гражданскаго и духовнаго вѣдомства“ за то, что они, видите-ли, обижаютъ злѣйшаго врага русскаго народа, не позволяютъ ему гулять на свободѣ по городамъ и селамъ православной Руси, которую онъ, еслибы могъ, давно бы стеръ съ лица земли. Они не просятъ для него милости и снисхожденія. а требуютъ, какъ должнаго, требуютъ сверхъ того и расправы. Нѣтъ, панове, прошло то время, когда вы могли сѣчь и пороть до потери жизни русскаго человѣка при малѣйшемъ проявленіи съ его стороны любви къ Россіи, къ св. Православію! На что болѣе рассчитывали, спрашивается, эти господа, подавая свой запросъ? На безграничное добродушіе или простодушіе русскихъ? Съ чѣмъ мы имѣемъ здѣсь дѣло: съ природною спѣсью или съ обдуманномъ желаніемъ дѣйствовать на-

¹⁾ „Рус. Слово №“ 276.

храпомъ? Они требуютъ для Шептицкаго того, чѣмъ онъ, какъ зловредный іезуитъ, не имѣлъ права пользоваться у насъ еще до начала войны. Не хочется вѣрить, чтобы русская Гос. Дума въ данномъ случаѣ поступила по указкѣ друзей Шептицкаго, чтобы она въ переживаемыя нынѣ великія историческія минуты, отложивъ въ сторону заботы о благѣ русскаго народа, стала тратить время на собираніе розогъ для наказанія „обидчиковъ“ сіятельнаго хищника, на хлопоты предъ правительствомъ объ удобствахъ пана іезуита, не безъ извѣстныхъ, конечно, цѣлей и расчетовъ отдавагося въ русскія руки. Освобожденіе Шептицкаго и представленіе ему свободы явилось бы лишнимъ доказательствомъ нашей слабости, нашихъ колебаній; это было бы безумнымъ ударомъ въ грудь родины; это было бы оправданіемъ и поощреніемъ направленной противъ Православія и Россіи разрушительной дѣятельности, смѣшною пляскою подъ дудку нашихъ враговъ. Личныя обиды мы должны прощать, но когда врагъ заноситъ ударъ на нашу родину, на св. Церковь, тогда нужно дѣйствовать, сираяясь лишь со своею совѣстью, а не съ тѣмъ, что скажутъ о насъ друзья пана Шептицкаго.

Печальныя мысли наводитъ вся эта исторія. Грустно видѣть, что о правахъ и удобствахъ жизни и дѣятельности разныхъ Шептицкихъ у насъ вносятъ громогласные запросы въ Думу, поднимается искусственный шумъ, дѣло односторонне раскрашивается и раздувается, а въ это время наше православное духовенство, обезличенное и забытое, должно терпѣть молча разнаго рода униженія и незаслуженныя пачемъ и влачить полуголодное нищенское существованіе. Много ли внесено въ Думу въ защиту его запросовъ? У насъ очень резниво оберегаютъ интересы всякихъ проходимцевъ, даже враговъ Россіи, а о многорѣчковомъ самоотверженномъ труженикѣ на благо народное, о нашемъ православномъ духовенствѣ мало кто думаетъ. У насъ обижаются, когда жидъ назовешь его собственнымъ именемъ,

которымъ народы земного шара называютъ его уже сотни и тысячи лѣтъ, а ироническая кличка „попъ“ все чаще фигурируютъ въ обыденныхъ разговорахъ и какъ бы поощряется даже на страницахъ нашей новой „изящной“ литературы. Малѣйшіе недочеты и промахи въ жизни и дѣятельности духовенства, весьма часто происходящіе непроизвольно и являющіеся слѣдствіемъ тяжелыхъ условій жизни, сейчасъ же находятъ себѣ ярыхъ критиковъ и высмѣвателей, а на продѣлки разныхъ Шептицкихъ общество закрываетъ у насъ глаза, хлопчуть объ ихъ удобствахъ, о предоставленіи имъ возможности продолжать ихъ „полезную“ дѣятельность.

Да, запросъ о Шептицкомъ служитъ знаменіемъ времени. Онъ свидѣтельствуетъ, наряду съ другими печальными явленіями нашей дѣйствительности, насколько обнаглѣли дѣйствующія въ Россіи темныя силы, насколько низко у нихъ мнѣніе о достоинствѣ и чести русскаго народа, къ которому они присосались. Ему наносятъ кровавыя раны, посягаютъ на самое святое для него—на его вѣру и національность, а когда онъ сдѣлаетъ движеніе, чтобы обезвредить кого-нибудь изъ этихъ паразитовъ, то поднимается шумъ и гвалтъ, его начинаютъ обвинять въ дикости, варварствѣ и пр. Все это говоритъ намъ, что въ жизни нашей мы допускаемъ какую-то крупную ошибку, которая служитъ источникомъ всѣхъ нашихъ бѣдъ и золъ. Ошибка эта кроется въ нашемъ равнодушіи, въ нашей халатности и пасивномъ отношеніи къ совершающемуся вокругъ насъ. Это дѣлаетъ насъ слабыми, неспособными къ борьбѣ и противодѣйствию злу и въ то же время ободряетъ и придаетъ дерзости нашимъ врагамъ. Этимъ главнымъ образомъ и можно объяснить, что у насъ доселѣ хозяйничали и все прибрали къ рукамъ чуждые намъ темныя элементы. Они привыкли смотрѣть на насъ, какъ на косную и инертную массу, которую можно лишь безгранично пользоваться въ своихъ интересахъ, которую можно заставить дѣлать, что угодно,—какъ на слѣпую силу, которую можно повернуть,

куда угодно. Только при такомъ положеніи дѣль и возможны подобныя „запросы“. Пора намъ серьезно призадуматься надъ условіями нашего существованія, созданіе которыхъ въ значительной степени зависитъ отъ насъ самихъ, пора перестать отмахиваться отъ всего рукою, пора осмотрѣться и выйти изъ состоянія младенчества.

В. Садовничій.

Церковно—общественная жизнь.

Оцѣнку переживаемаго момента русской жизни нельзя сдѣлать, не отошедши отъ нея на нѣкоторое разстояніе, не ставши въ позу сторонняго наблюдателя.. Кто находится въ полосѣ думскихъ дебатовъ, обличеній и криковъ, тому, мнѣ кажется, за деревьями не видно лѣса. Въ такомъ именно положеніи сторонняго и спокойнаго наблюдателя находится русскій человѣкъ, попавшій во время войны въ Англію.

„Мы, русскіе,—пишетъ гр. А. Толстой (извѣстный беллетристъ),—безконечно свободнѣе англичанъ. Съ легкимъ сердцемъ объявить пережиткомъ всѣ свои обычаи, нарочно забывъ исторію и географію Россіи, относительно будущаго приди приблизительно къ такому заключенію, что куда—нибудь да придемъ все—таки, что—нибудь да случится, мы въ настоящемъ освобождаемъ всѣ свои силы и хотимъ абсолютной свободы. Въ этомъ—наша трагедія: мы любимъ свободу до анархій, хотимъ сразу всего въ настоящемъ. возможности наши непомѣрны.. Мы своевольны и кипучи. Англичане скованы и покойны за будущее. Каждое изъ этихъ свойствъ и достойно, и таитъ въ себѣ начало гибели. Англичанамъ грозитъ окаменѣлость, намъ—пожаръ, летучій пепель. У насъ нѣтъ общества, а—лишь милліонъ людей, у насъ нѣтъ единой воли, того маховика, который такъ сильно чувствуется въ Англии“.

„Судьба общественнаго или политическаго дѣятеля въ Англии зависитъ отъ его безупрочности: на него смотрятъ

вся страна, всё страсти свои онъ долженъ направить на дѣло, на благо.. Пройтись снизу вверхъ доступно всякому. Нужно быть только безупречнымъ *).

Эти строки были написаны задолго до извѣстныхъ дебатовъ въ нашихъ палатахъ, вскрывшихъ многія язвы русской—жизни, и самого главнаго изъ нихъ,—отсутствіе безупречности у нѣкоторыхъ изъ нашихъ государственныхъ людей, недостатокъ единой, твердой власти, а затѣмъ—безудержное своеволие многихъ дѣятелей торговыхъ, общественныхъ... Потомъ пришли рѣчи депутатовъ, кипѣвшихъ чувствами, пожаромъ и требовавшія „сразу всего въ настоящемъ“, создавшихъ міровые и общерусскіе скандалы.. Дѣйствительно, намъ не удастся равновѣсіе государственнаго управленія, торговли, общественныхъ настроеній, вообще—всей нашей жизни,—вплоть до самыхъ скромныхъ ея уголковъ. „Мы любимъ свободу до анархій.“ Какъ это вѣрно для русскихъ! Я не видѣлъ ни одного учрежденія (изъ тѣхъ, конечно, которыя мнѣ извѣстны), гдѣ твердо стоялъ бы порядокъ, соподчиненіе силъ, гдѣ не обходилось бы безъ внутреннихъ треній, всыншекъ самоволья или ненужнаго давленія, гдѣ не унижалась бы личность не только тѣми, кто имѣетъ надъ нею власть, но и людьми равными ей, даже раздѣляющими либеральныя убѣжденія. Я мало знаю людей, которые цѣнили бы наши культурныя достижения, не подходили бы къ нимъ безъ чувства критиканства, подшучиванья или подозрительности. Мы не любимъ точнаго режима, мы крайне индивидуалистичны и если заводимъ строгій порядокъ, то—лишь путемъ самаго тяжелаго нравственнаго давленія на подчиненныхъ, отъ котораго стонемъ, мечтая о порядкѣ покладистомъ, предоставляющемъ свободу личной инициативѣ... Не удивительно, поэтому, если мы не знаемъ, куда идемъ,

*) Гр Алексѣй Н. Толстой, Въ Англии, на Кавказѣ, по Волынѣ и Галиціи, т. VI сочиненій, 1916,-2 68 - 69.

если по многимъ больнымъ вопросамъ приходится говорить: „его разрѣшать ближайшія сто лѣтъ, а не та или другая партія нашего времени“.

Отсюда—характерная особенность нашего времени,—рядъ странныхъ, на первый взглядъ, неожиданностей: министра подозрѣваютъ въ симпатіяхъ къ нѣмцамъ; общественный дѣятель, вмѣсто разговоровъ про оборону, мечтаетъ о политическомъ переворотѣ; неграмотный монахъ ищетъ епископства... Мало этого, мы способны говорить и думать только объ этихъ язвахъ; только онѣ и будоражатъ насъ, отодвигая на задній планъ даже вопросы войны. Я охотно допускаю, что есть какія—то вредныя для русскаго дѣла силы,—которыя, пользуясь шатаніями русскаго общества,—создаютъ явленія, способныя вывести его изъ равновѣсія... Но значить—ли это, что нужно приходить въ экстазъ, вопить, ругаться, ссориться, устраивать скандалы съ неприличными словами, заботиться объ охранѣ личной чести, будоражить этимъ всю Россію, заставляя ее заниматься посылкой привѣтственныхъ телеграммъ?... Вся эта „страстная шумиха“ справедлива лишь въ самомъ началѣ, когда русское сердце поражаютъ печальныя неожиданности, но не дальше. А дальше—то идетъ будораженіе страсти искаженными рѣчами депутатовъ, темными слухами, политическими сплетнями. Печальнѣе же всего то, что всѣмъ этимъ, повторяемъ, отодвигается на задній планъ главная мысль страны,—мысль о войнѣ въ самой критической моментъ ея исторіи. Вѣло говорить въ Думѣ о продовольствіи, но очень горячо о скромномъ самарскомъ архимандритѣ, который почему—то символизируетъ собою крайнюю государственную и церковную опасность...

Нѣтъ, дѣло не въ Штюрмерѣ только, не въ самарскомъ архимандритѣ и его покровителяхъ, а еще въ насъ самихъ: являемся—ли мы въ данный моментъ крѣпко спаянной націей, которая хорошо разбирается въ главномъ, или же насъ можетъ вывести изъ равновѣсія любой рѣз-

кій случай нашей внутренней жизни? Спокойнѣ, спокойнѣ, русский народъ! Одно у тебя сейчасъ дѣло,—борьба съ врагомъ, которому интересна наша неуравновѣшенность, нервозность!

II.

Библиографія.

Прот. Александръ Анисимовъ. Методика начальнаго преподаванія Закона Божія въ Россіи, Пермь 1916. Цѣна 150 коп. О. Александръ Анисимовъ оказалъ большую услугу русской методикѣ Закона Божія. Его книга представляетъ собою, прежде всего, обзоръ главнѣйшихъ книгъ и статьи по методикѣ этого предмета. Цѣнность обзора увеличивается, главнымъ образомъ, оцѣнкой нѣкоторыхъ популярныхъ книгъ, оказавшихся, по изслѣдованію о. Александра, самымъ откровеннымъ плагіатомъ.

Въ положительной части книга представляетъ полный обзоръ литературныхъ мнѣній по вопросамъ преподаванія Закона Божія. Этотъ обзоръ окажется полезнымъ для тѣхъ лицъ, которыя преподаютъ методику. Часто вѣдь нѣтъ подъ руками многихъ книгъ по этому предмету. Не говоримъ уже о томъ, что литературный обзоръ о. Александра—захватываетъ, между прочимъ, самые свѣжіе построенія методики. Да и рядовой законоучитель найдетъ въ книгѣ о. Александра рядъ любопытныхъ мнѣній, которыя внесутъ въ его практику извѣстный методическій кругозоръ.

II.

А. М. Бухаревъ (Архимандритъ Θεодоръ), Изслѣдованія Апокалипсиса, Серіевъ Посадъ, 1916, стрр. 649, цѣна 4 р.

Съ именемъ А. М. Бухарева, бывшаго архимандрита Θεодора, связано одно печальное событіе прошлаго столѣтія, имѣющее непосредственное отношеніе и къ данной книгѣ.

Архимандритъ Ѳеодоръ написалъ толкованіе [на Апокалипсисъ, примѣнивъ въ немъ довольно оригинальный приѣмъ: онъ въ фактахъ церковной и гражданской исторіи видитъ осуществленіе тѣхъ пророчествъ, которыми изобилуетъ Апокалипсисъ.

Такъ, напр., довольно подробно сопоставлены символы Апокалипсиса съ исторіей царства. „Въ Апокалипсисѣ, — да-дѣе — опредѣлены характеръ и благодатное назначеніе славяно—русскаго народа“ (43 стр.). „Апокалипсическіе признаки сына“ мужскаго, рожденнаго женою, „суть, по мнѣнію автора, признаки славяно—русскаго народа“ (434 стр.). Съ точки зрѣнія Апокалипсиса толкуется авторомъ вся русская исторія: „исторія російскаго народа свидѣтельствуетъ о назначеніи его“ упасти „во Христѣ всякія боговраждебныя, языки жезломъ желѣзнымъ“ (441 стр. Въ Апокалипсическомъ Вавилонѣ авторъ видитъ турецкій Константинополь. Автору удалось выйти въ Апокалипсисѣ „назначеннаго православно—русскаго вѣнценосца“, который „долженъ былъ возвеличиться и дѣйствовать во имя Господа Іисуса Христа“ (573 стр.). Въ словахъ Апокалипсиса: „И положи (повергъ) сѣдѣй на облацѣхъ серпъ свой на землю, и пожата бысть земля“, А. М. Бухаревъ толкуетъ примѣнительно къ дѣятельности императора Павла I. „Навель, — читаемъ, — былъ духа пламеннаго, стремителенъ въ поступкахъ и нетерпѣливо грозенъ въ отношеніи къ усматриваемому имъ злу; уже и по личному своему праву онъ вооруженъ былъ острымъ серпомъ... Въ непродолжительное время своимъ острымъ серпомъ (Суворовъ) пожаты были всѣ скороспѣлыя плевелы революціи (578 стр.).

Конечно, въ этихъ толкованіяхъ, при всемъ ихъ добромъ тонѣ, много субъективизма, что, собственно, и вызвало въ свое время рядъ обстоятельствъ, помѣшавшихъ какъ напечатанію книги такъ и продолженію священнослуженія о. Ѳеодора. Теперь только, т. е., болѣе чѣмъ чрезъ полстолѣтіе

появилась въ печати „многострадальная“ по словамъ издатель (редакція „Богословскаго Вѣстника“), книга. Читаемъ ее, и... спокойна душа; не тревожатъ своеобразныя церковно—историческія толкованія... Всякому, видимо, времени свое!

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1917 г.

(48-й годъ изданія)

на еженедѣльный иллюстрированный журналъ со многими приложениями

„НИВА“

Гг. подписчики „НИВЫ“ получаютъ въ теченіе одного 1917 года: 52 №№ еженедѣльн. художест.-литер. журн. „НИВА“: повѣсти и рассказы, критич. и популярно-науч. очерки, біографіи, военные и политическіе очерки и обзорѣнія, снимки съ картинъ, рисунки, портреты и иллюстраціи съ театра военныхъ дѣйствій.

12 №№ ежемѣсячнаго иллюстрированнаго приложенія для ДѢТЕЙ.

52 книги, „СБОРНИКА НИВЫ“, отпечатанныя уборитымъ четкимъ шрифтомъ, въ составъ которыхъ войдетъ:

Первая серія полного собранія сочиненій М. ГОРЬКАГО.

Полное собраніе сочиненій С. Я. НАДСОНА.

Надсонъ—вѣчный кумиръ молодежи. Для молодежи нѣтъ благотворнѣе книги, чѣмъ стихотворенія этого свѣтлаго юноши, уводящія душу отъ порочныхъ соблазновъ, навѣвающія на нее идеалистическій духъ.

Полный переводъ романа „ДОНЪ-КИХОТЪ“ СЕРВАНТЕСА.

Больше 300 лѣтъ прошло со времени созданія „Донъ-Кихота“, а эта книга все еще молода и нова. Не можетъ умереть Донъ-Кихотъ, покуда не умретъ въ человѣчествѣ—донкихотство! Донкихотство это рыцарское самоотверженіе, идеализмъ, вѣра въ высшія цѣнности жизни, героическій бой съ угнетателями

Донъ-Кихотъ—широчайшій поэтический образъ, грандіозно обобщенный художественный типъ. Это не только испанецъ такого-то вѣка, это всечеловѣкъ всѣхъ эпохъ и народовъ.

Третья серія полного собранія сочиненій. Д. Н. МАМИНА СИБИРЯКА.

Въ эту серію входятъ такіе шедевры знаменитаго рускаго писателя, какъ романы „Золото“, „Бурный потокъ“, „Падающія звѣзды“, цѣлый рядъ сборниковъ, повѣстей и разсказовъ: „Любовь“, „Осенніе листья“, „Медовыя рѣчки“, „Вокругъ ракушкова куста и др.“

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ со всѣми приложеніями на годъ: въ Петроградѣ: безъ доставки—12 р. 50 к. съ доставкой—13 р. 50 к. Безъ доставки: 1) въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковск.—13 р. 25 к.; 2) въ Одессѣ, въ книжп. магаз. „Образованіе“—13 р. 50 к.

Съ пересылкою во всѣ мѣста Россіи 14 р.

За границу—18 р.

Допускается разсрочка платежа въ 2, 3 и 4 срока.

въ 2 срока: при подписѣ 7 р. и 1 іюня—7 р.; въ 3 срока: при подпискѣ—5 р., 1 апрѣля—5 р. и 1 августа—4 р. и въ 4 срока: при подпискѣ—4 р., 1 марта 3 р., 1 іюня—4 р. и 1 августа—3 р.

Для гг. служащихъ какъ въ казенныхъ, такъ и въ частныхъ учрежденіяхъ, при коллективной подпискѣ за поручительство гг. казначеевъ и управляющихъ, допускается разсрочка платежа на самыхъ льготныхъ условіяхъ.

Адресъ: въ контору журнала „НИВА“, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ 1917 году.

Въ 1916 году старый и извѣстный всѣмъ любителямъ духовной литературы богословско-философскій журналъ „Вѣра и Разумъ“, основанный 1882 г. приснопамятнымъ Архіепископомъ Амвросіемъ, перешелъ въ завѣдываніе новаго состава редакціи, за отказомъ (по преклонности лѣтъ) перваго маститаго редактора К. Е. Истомина, руководившаго журналомъ съ самаго начала его существованія.

Новый составъ редакціи, состоящей изъ членовъ семинарской корпораціи, раздѣлилъ между собою трудъ по прочтенію доставляемаго матеріала, поставивъ себѣ ближайшей задачей, чтобы ни одна доставленная рукопись не залеживалась бы безъ скорой и внимательной оцѣнки.

Начавъ со столь скромнаго обѣщанія взамѣнъ свойственной многимъ изданіямъ хвастливой рекламы съ невыполнимыми обѣщаніями, редація чистосердечно сознаетъ, что ни одинъ, такъ назыв. «толстый» журналъ, издаваемый непрофессиональными журналистами, а присяжными тружениками школы и науки, не можетъ претендовать на всестороннее полное освѣщеніе всѣхъ интересующихъ публику вопросовъ по разнымъ отраслямъ общественной жизни и наукъ: богословскихъ, философскихъ и гуманитарныхъ. Но при всемъ томъ читатели, знакомые съ нашимъ журналомъ за 1916 г., не будутъ отрицать, что онъ изобиловалъ статьями интересными, живыми, подчасъ весьма оригинальными, отвѣчающими на современные запросы жизни и мысли и привлекавшими вниманіе другихъ повременихъ изданій. По этой вѣроятно причинѣ и подписка на журналъ „Вѣра и Разумъ“ въ 1916 году замѣтно поднялась.

Но еще въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1915 года въ наше изданіе была введена и другая реформа. Именно: журналъ „Вѣра и Разумъ“ для большаго соответствія своей задачѣ былъ освобожденъ отъ хроники мѣстной церковной жизни и того болѣе популярнаго литературнаго матеріала, который обыкновенно составляетъ содержаніе «Епархіальныхъ Вѣдомостей». Такой матеріалъ выдѣленъ въ особый еженедѣльный журналъ „Пастырь и Паства“, отличающійся однако отъ обычнаго типа «Епархіальныхъ Вѣдомостей» тѣмъ, что онъ является сосредоточіемъ живого обмѣна мыслей пастырей, законоучителей, миссіонеровъ и учителей. Журналъ этотъ настолько привлекъ вниманіе церковно-приходскихъ дѣятелей, что охотно выписывается и въ другія епархіи, часто независимо отъ журнала „Вѣра и Разумъ“.

Журналъ „Вѣра и Разумъ“, какъ и въ прошломъ году, будетъ выходить развѣ въ мѣсяцъ, не менѣе десяти печатныхъ листовъ, а „Пастырь и Паства“—еженедѣльно, не менѣе двухъ печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе обоихъ журналовъ внутри Россіи 10 руб., а за границу 12 руб. съ пересылкою; отдѣльно: „Вѣра и Разумъ“—7 руб., а „Пастырь и Паства“—3 рубля. Разсрочка въ уплатѣ денегъ не допускается.

Подписка принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Россіи. Для избѣжанія же комиссіонныхъ расходовъ предлагаемъ дѣлать подписку по слѣдующему адресу: Харьковъ, Духовная Семинарія, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1917 ГОДЪ

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

ежемѣсячный педагогическій журналъ. Изданіе училищнаго совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ. Годъ изданія XXII.

Въ 1917 году журналъ будетъ издаваться по слѣдующей, утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ, программѣ: I. Очерки, рассказы, характеристики, воспоминанія изъ школьной жизни («Уголки школьной жизни»). II. Статьи по общимъ вопросамъ народнаго образованія. III. Статьи по вопросамъ педагогики и дидактики. IV. Обзорѣніе русской и заграничной литературы по вопросамъ воспитанія и обученія. V. Изъ школьной практики (практическія указанія по методикѣ учебныхъ предметовъ начальной школы: примѣрные уроки; планы занятій; замѣтки по училищевѣдѣнію). VI. Школьное дѣло на мѣстахъ (извѣстія, сообщенія и замѣтки). VII. Извѣстія учебнаго музея церковныхъ школъ. VIII. Изъ переписки съ читателями. Почтовый ящикъ. IX. Библиографическій листокъ. X. Школьное пѣніе (статьи о преподаваніи пѣнія; библиографическія замѣтки и ноты).

Кромѣ книгъ журнала подписчики получаютъ въ видѣ отдѣльныхъ приложений: 1) ШКОЛЬНЫЙ КАЛЕНДАРЬ на 1917—1918 учебный годъ. 2) Книжки для учительской библіотеки (содержанія руководственно-педагогическаго) и Книжки для ученической библіотеки (дѣтскіе рассказы, сборники стихотвореній). 3) Ноты для классаго пѣнія. Многія статьи и книжки (особенно, научнаго содержанія) иллюстрируются рисунками и чертежами.

Подписная цѣна на журналъ три рубля за голъ съ пересылкою. Въ виду того, что журналъ «Народное Образование» даетъ ежегодно 2 тома свыше 700 страницъ каждый, кромѣ Календаря и бесплатныхъ приложений, указанная цѣна три рубля является до послѣдней степени пониженной и равняется почти заготовительной стоимости изданія. Такимъ пониженіемъ цѣны Редакція старается сдѣлать журналъ доступнымъ для выписки начальнымъ учителямъ, при ихъ современномъ скудномъ годовомъ бюджетѣ.

Подписка принимается въ книжной лавкѣ Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ (*Петроградъ, Кабинетская, 13*).

Иногородные подписчики благоволятъ адресовать требованія такъ: *Петг., Кабинетская ул., д. № 13, въ Редакцію журн. «Народное Образование». Редакторъ П. Мирносицкій.*

Открыта подписка на 1917-й годъ на ежемѣсячный журналъ

„МИССИОНЕРСКІЙ СБОРНИКЪ“,

издаваемый Братствомъ св. Василя, еп. Рязанскаго. XXVII-й
(27) годъ изданія.

„Миссіонерскій Сборникъ“ въ 1917 году издается по программѣ, утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ:

Отдѣлъ первый (официальный).

Отдѣлъ второй (литературный). Собесѣдованія и бесѣды съ сектантами и раскольниками, Научно-литературныя статьи и замѣтки по исторіи и обличенію сектанства и раскола.—Библиографическія замѣтки.

Списки для миссіонерскихъ библиотекъ книгъ и брошюръ. Неизданные матеріалы для исторіи сектанства и раскола, а также и полемики съ ними.

Отдѣлъ третій (епархіальныя извѣстія).

Отдѣлъ четвертый (иноепархіальныя извѣстія).

Отдѣлъ пятый („сборъ періодической печати по вопросамъ миссіи и расколосектанства“).

Кромѣ сего, въ виду насущныхъ потребностей народа и школь, Редакція будетъ продолжать изданіе въ 1917 г. особымъ приложеніемъ къ журналу „Живое слово по вопросамъ вѣры и нравственности“.

„Миссіонерскій Сборникъ“, выходя ежемѣсячно книжками отъ 5—6 печатныхъ листовъ, дастъ въ годъ подписчикамъ болѣе 65 печатныхъ листовъ. Цѣна за годовое изданіе 4 р.

Адресъ: Рязань, редакція „МИССИОНЕРСКАГО СБОРНИКА“.

Открыта подписка на 1917 г. на журналъ Сообщенія
ИМПЕРАТОРСКАГО Православнаго Палестинскаго Общества
 (двацать восьмой годъ изданія).

„Сообщенія Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества“ единственный въ Россіи журналъ, посвященный вопросамъ востоковѣдѣнія въ обширномъ смыслѣ.

Его задача-изученіе Востока Ближняго въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ и на протяженіи всей многовѣковой его исторіи вплоть до нашего времени.

Въ журналѣ помѣщаются-ислѣдованія по различнымъ научнымъ вопросамъ, очерки дѣятельности восточныхъ іерарховъ, описанія путешествій современныхъ и давнихъ, обзоры сношеній Востока съ Россіей и характеристики русскихъ дѣятелей, описаніе дѣятельности инославной пропаганды на Востокѣ, свѣдѣнія о положеніи здѣсь русскаго дѣла, вѣсти и корреспонденціи о современной церковно-общественной жизни на Востокѣ, обзоръ иностранной литературы и переводы русскихъ и иностранныхъ изданій, оффиціальныя отчеты.

Подписная цѣна на „Сообщенія“ въ 1917 году-три рубля съ пересылкою.

Подписка принимается исключительно въ Канцеляріи Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества: Петроградъ, Вознесенскій пр., д. № 36.

Рукописи, съ обозначеніемъ условій и четко переписанныя, посылаются въ редакцію: Петроградъ, Невскій пр., д. № 173, кв. 1.

Редакторъ профессоръ *Ив. Ив. Соколовъ*.

Принимается подписка на 1917 годъ,
на новый журналъ

„ЗАВОЛЖСКІЙ ЛѢТОПИСЕЦЪ“,

Издаваемый при Восточно-Русскомъ культурно-просвѣтительномъ Обществѣ въ г. Уфѣ. Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой 3 рубля въ годъ. Подписка принимается въ Уфѣ на имя Епископа Андрея, Архіерейскій домъ и въ редакціи „Заволжскаго лѣтописца“. Журналъ будетъ выходить два раза въ мѣсяць въ объемѣ печатнаго листа.

ОТДѢЛЫ УРНАЛА:

- 1) церковный и религіозно-бытовой, при ближайшемъ участіи Преосвященнаго Андрея, Епископа Уфимскаго,
- 2) культурно-просвѣтительный,
- 3) общественно-политическій.
- 4) инородческій (осуществленіе задачъ русскаго просвѣщенія среди восточныхъ инородцевъ по программѣ Н. И. Ильминскаго).

Направленіе журнала-славянофильское

Редакторъ Протоіерей Платонъ Петровъ

Печатать дозволяется. Кіевъ 29-го Декабря 1916 года.

Цензоръ Протоіерей Николай Гроссу

Кіевъ. Тип. Авц. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т. Корнякъ-Новицкаго Меряиговская, № 6

ГОДЪ

LVI

УКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ДВА РАЗА ВЪ МЪСЯЦЪ

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ШЕСТЬ руб., съ пересылкою СЕМЬ
рублей.

№ 2

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Киевской духов-
ной Семинаріи.

1917 года 15-го января.

Содержаніе: I. Христіанская вѣра и война. (Продолженіе). Архіеп. Антонія.—II. Нѣкоторыя мысли изъ дневника сельскаго священника. Прот. С. Богдановича.—III. На современные темы. Н. Гумилевскаго.—IV. О народныхъ суевѣріяхъ и борьбѣ съ ними приходскаго духовенства. Н. С.—V. Соціальный вопросъ. П.—VI. Изъ епархіальныхъ вѣдомостей. Н. Г.—VII. Экономическая жизнь народа и духовенство. №.

Христіанская вѣра и война.

(Продолженіе).

Нѣкоторые совопросники ссылаются на прощеніе Христомъ женщины, обличенной въ прелюбодѣяннцъ, какъ на отмѣну смертной казни, каковой она подлежала по заповѣди Божіей къ Моисею (Лев. 20, 10). Но такое толкованіе Евангельскаго событія обнаруживаетъ только полную неосвѣдомленность совопросниковъ въ Священномъ Писаніи. Господь въ данномъ случаѣ поступалъ въ строгомъ согласіи съ закономъ Моисея, изложеннымъ въ 17-й

главъ Второзаконія: «не должно предавать смерти по словамъ свидѣтеля. Рука свидѣтеля должна быть на немъ прежде всѣхъ, чтобы убить его, потомъ рука всего народа» (ст. 6—7). При этомъ, конечно, требовалось, чтобы свидѣтель, какъ и третейскій судья, былъ самъ чуждъ такого же преступленія, что видно изъ книги пророка Даниила (13, 46). Въ строгомъ соотвѣтствіи съ этими установленіями Ветхаго Завета Господь сказалъ приведшимъ предлободѣнку; „кто изъ васъ безъ грѣха, первый брось въ нее камень“ (Іоан. 8, 7). Когда же они, „будучи обличаемы совѣстью“, разошлись всѣ до одного, то Господь, опять въ строгомъ соотвѣтствіи съ закономъ Моисея, спрашиваетъ: „Женщина, гдѣ твои обвинители? Никто не осудилъ тебя?“ И получивъ отвѣтъ, что обвинителей или свидѣтелей нѣтъ, отпустилъ ее со словами: „Иди и впредь не грѣши,“ (ст. 12).

Надѣмся, что послѣ сказаннаго всѣ толстовцы, штундисты и менониты принуждены будутъ признаться въ томъ, что ни въ Новомъ, ни въ Ветхомъ Заветѣ нѣтъ воспрещенія участвовать въ войнѣ; но, конечно, мы не надѣмся, что приведенныя изреченія и толковенія уже измѣнили образъ ихъ мыслей; не надѣмся потому, что первые изъ этихъ трехъ сектъ вовсе не вѣруютъ въ Евангеліе, ни въ Божественное достоинство Христа, а выбираютъ изъ Слова Божія то, что имъ нравится; вторые же и третьи вѣруютъ очень плохо, и хотя Божества Христова не отрицаютъ, но свои нѣмецкія колонизаціонныя цѣли ставятъ выше спасенія души и читаютъ Библію больше для отрицанія церковнаго авторитета, для руководства ею въ своей жизни.

Впрочемъ, и у тѣхъ, и у другихъ, и у третьихъ имѣется другое возраженіе противъ участія въ войнѣ. „Намъ не нужно“, говорятъ они, „прямого осужденія войны въ словахъ Христовыхъ или пророческихъ! Участіе въ войнѣ не совмѣстимо съ общимъ духомъ христіанства, какъ проповѣди любви ко всѣмъ и братства всѣхъ народовъ“.

Мы возвратимся къ этому возраженію, а пока скажемъ, что, оно, конечно, гораздо серьезнѣе, особенно, если къ нему присоединяется указаніе на различіе между ветхозавѣтнымъ и новозавѣтнымъ ученіемъ, какъ между ученіемъ церковно-государственнымъ и чисто церковнымъ. Однако, изъ этого же самаго указанія на существенную разницу между двумя завѣтами выясняется, что война есть неизбежное условіе государственной жизни, т. е., самаго существованія государства. Между тѣмъ современные отрицатели войны, толстовцы и сектанты, въ прокламаціяхъ, которыя они разбрасываютъ по казармамъ, стараются представить, что войны вообще, а настоящую въ частности, устраиваютъ по своему капризу цари, вопреки волѣ народа для какихъ-то своихъ выгодъ, т. е., съ цѣлями либо честолюбивыми, либо корыстолюбивыми, и что войнъ не было бы, если бы народы управлялись „выборнымъ правительствомъ подъ главенствомъ Христа и Евангелія“. Какъ это просто и какъ далеко отъ истины! Вѣдь такимъ правительствомъ управлялась вся средневѣковая Европа въ лицѣ выборнаго пана, опиравшагося на Евангеліе. И что же? Вся эпоха папскаго владычества была временемъ кровопролитнѣйшихъ войнъ между единовѣрцами при личномъ участіи священниковъ и епископовъ. Но, можетъ быть, мои вопрошатели прибавили слова „подъ главенствомъ Христа и Евангелія“ только для красоты слога, отлично понимая, что всякое современное правительство первымъ дѣломъ постарается расквитаться съ Евангеліемъ и вообще съ религіей? Быть можетъ, по ихъ мнѣнію, для международнаго мира достаточно, чтобы правительства были выборныя? За отвѣтомъ на такой вопросъ незачѣмъ далеко ходить: предъ вами Франція съ выборнымъ правительствомъ, съ упраздненіемъ всякихъ сословныхъ преимуществъ, съ полною свободой убѣжденій. Что же? Она приняла участіе въ войнѣ по собственному почину, безъ всякихъ принудительныхъ обстоятельствъ.

Въ частности русское правительство по отношенію къ восточныхъ христіанамъ не поуждало народъ къ войнѣ, а напротивъ, удерживало его, — то по сознанию своего сравнительнаго безсилія освободить христіанъ отъ турецкаго ига (въ 17 вѣкѣ), то изъ опасенія со стороны западныхъ народовъ, то, наконецъ, по западническому равнодушію къ судьбамъ Православія (первая половина 19 вѣка). Но когда возгорѣлась война съ Турціей, то русскій народъ съ восторгомъ шель на такой освободительный подвигъ, и не столько онъ подчинялся требованію правительства, сколько самое правительство подчинялось волѣ православнаго народа, какъ это было, на примѣръ, въ 1877 году. Конечно, бывали войны династическія, выражавшіяся волю только правительства и вредившія историческимъ задачамъ народной жизни, на примѣръ, Венгерскій походъ въ 1848 году; но, если мы обратимся къ настоящей войнѣ, то находить здѣсь что-либо подобное — смѣшно и глупо. Неужели у людей такъ коротка память, чтобы забыть причины ея возникновенія? Австрія, не удовольствовавшись аннексіей православной Босніи и Герцоговины, послала сербскому королевству ультиматумъ съ требованіемъ согласиться на введеніе въ странѣ австрійской жандармеріи. Всякій, мало мальски проникательный человекъ, отлично понимаетъ, что получилось бы такое подчиненіе одного государства другому, послѣ коего не болѣе, какъ лѣтъ черезъ 20, должна произойти и полная аннексія перваго. Неужели не довольно того, что Боснійцы, 500 лѣтъ отстаивавшіе Православіе предъ магометанствомъ и первые поднявшіе возстаніе противъ послѣдняго въ 1876 году, вмѣсто желаемой свободы томились 40 лѣтъ въ рабствѣ не менѣе злыхъ враговъ Православія, австрійскихъ католиковъ? Неужели мало того, что прочіе православные народы Балканскаго полуострова, освободившись отъ многовѣкового турецкаго ига, были отданы подъ власть королей еретиковъ, — чтобы и единственный счастливый народъ сербовъ, которому одному удалось получить единовѣрныхъ и единомышленныхъ себѣ

королей, хотя бы на части своей страны, чтобы и этот народ был бы лишенъ своей церкви и гражданской свободы? Россія остановила Австрію отъ послѣдняго поработорительнаго шага и, въ видѣ угрозы, объявила мобилизацію. Тогда Германія и Австрія объявили намъ войну, къ которой первая готовилась уже 40 лѣтъ, желая расширить свои владѣнія на востокъ. Что же? Намъ слѣдовало итти спокойно въ подданство нѣмцевъ? Перенимать ихъ жестокіе и грубые нравы? Пасаждать въ своей странѣ вмѣсто св. подвиговъ православнаго благочестія поклоненію желудку и карману? Нѣтъ! Лучше умереть цѣлымъ народомъ, чѣмъ питаться такимъ еретическимъ ядомъ!

Довольно мы его наглотались со временъ Петра Великаго! И безъ того нѣмцы оторвали отъ русскаго народа, отъ русской исторіи и православной Церкви его аристократію и интеллигенцію; а въ случаѣ полного подчиненія нѣмецкой государственной власти, развратился бы въ конецъ и простой народъ. Отщепенцы отъ простого народа подъ вліяніемъ нѣмцевъ и нѣмецкихъ денегъ имѣются теперь въ достаточномъ количествѣ. Это прежде всего тѣ самые шундисты, которые столь лицемерно взываютъ къ миру. Конечно, не всѣ они были сознательными предателями и продавцами своей родины, не всѣмъ раздѣлялись тѣ 2 милліона марокъ, которыя постановлено ассигновать нѣмецкимъ государствомъ (а на половину собственными средствами Кайзера) на распространеніе въ Россіи шунды: среди ея послѣдователей было не мало чистосердечныхъ глупцовъ, но эти послѣдніе, когда у нихъ открылись глаза на то, кому они служатъ, сами возвратились къ православной Церкви и семьи свои привели назадъ, въ Христову ограду. За то мы никогда не повѣримъ искренности тѣхъ, которые въ 1905 г. начали кричать о заключеніи мира именно тогда, когда начинался поворотъ въ сторону нашей побѣды надъ японцами, а въ 1916 г.,—когда мы начали одолевать нѣмцевъ.

Конечно, они умѣютъ замаскировать свое Іудино лукавство прельстительными картинами всеобщаго разрушенія народовъ, чему никогда не бывать, по приведенному уже предсказанію нашего Спасителя; но, если бы это случилось на мгновеніе, то что бы произошло тогда? Всякій, имѣющій голову на плечахъ, скажетъ вамъ, что сейчасъ же болѣе жестокія и безчестныя племена начали бы угнетать, обирать и уничтожать слабѣйшія, какъ были уничтожены европейцами племена Америки, Австраліи и отчасти Африки;—и первому изъ народовъ былъ бы конецъ народу русскому, какъ самому безобидному и честному.

Конечно, этого и желаютъ наши совопросники, какъ лакей Смердяковъ въ повѣсти Достоевскаго, сожалѣвшій о томъ, что въ 1812 году русскіе прогнали французовъ, а не подчинились этой „болѣе умной націи“, и что мы остались русскими, а не сдѣлались французами. Для подобныхъ современныхъ подкушленныхъ философовъ бесполезны всякія доказательства; но среди поборниковъ мира есть не мало искреннихъ, но недалновидныхъ людей, и притомъ, не только изъ сектантовъ, а просто людей съ мягкимъ сердцемъ, содрогающихся отъ крови и убійства. Они, пожалуй, готовы признать, что наша война и безкорыстна, и представляетъ собою простую самозащиту народа и его единовѣрцевъ—славянъ, но въ бѣдствіяхъ войны они видятъ большее зло, чѣмъ все то, что можетъ произойти даже и при тѣхъ печальныхъ послѣдствіяхъ мира, о которыхъ мы писали выше. При этомъ они начинаютъ описывать и тѣ ужасныя картины военныхъ жестокостей, которыя неизбежны на войнѣ: и пожизненное увѣчье молодыхъ воиновъ, и печальное сиротство семействъ убитыхъ на войнѣ, и прочія мрачныя стороны войны, которыхъ, конечно, никто отрицать не можетъ.

Трудно было бы ослаблять значеніе такихъ доводовъ, если бы противоположность между мирнымъ и военнымъ временемъ была бы такая крайняя, какъ это предста-

вливается съ перваго взгляда. Но всмотритесь въ жизнь поближе: развѣ въ мирное время она обходится безъ кровавыхъ картинъ, всякихъ преступленій, насилій, обмановъ, обольщеній и т. д.? Развѣ въ мирное время удалось бы остановить пьянство народное и черезъ то уменьшить ровно въ десять разъ количество уголовныхъ преступленій, о чемъ свидѣтельствуешь теперь судебная статистика? Развѣ въ мирное время имѣли бы мѣсто тѣ массовые подвиги милосердія, великодушія и самоотверженія, въ которыхъ теперь участвуетъ добрая половина населенія? Да не въ подвигахъ только дѣло; спросите свою собственную душу, всмотритесь въ окружающихъ: часто посѣщали ли васъ во время мира тѣ святые настроенія духа, которыя теперь васъ почти не покидаютъ?—и сердечная любовь къ отчизнѣ, и нѣжное состраданіе къ раненымъ и сиротамъ, и трепетный восторгъ при сообщеніи о подвигахъ нашихъ героевъ, и размышленія о тлѣнности всего земного и, наконецъ, исполненная упованія молитва, отъ которой, можетъ быть, вы уже давно отвыкли во время мира.

Дѣйствительно, оглянитесь на состояніе русскаго народа передъ войною въ продолженіи послѣдняго десятилѣтія: до чего люди извратились, изолгались, какъ для нихъ не стало на землѣ ничего святого, какъ вошло въ обычай дѣлать то, чего не дѣлаютъ даже дикіе звѣри, т. е., убивать своихъ собственныхъ дѣтей; какъ стало все продажно, начиная съ убѣжденій, какъ пало просвѣщеніе и наука, сдѣлавшаяся предметомъ эксплуатаціи, и школа, обратившаяся въ фабрику дипломовъ.

Нравственный подъемъ, послѣдовавшій за объявленіемъ войны и въ значительной степени продолжающійся и донныѣ, является обильнымъ искупленіемъ тѣхъ неизбѣжныхъ нравственныхъ преступленій, которыми изобилуетъ всякая война. Возьмите въ руки книгу Судей, тамъ во второй главѣ изложено этотъ законъ жизни народной: во время политическаго мира іудеи впадали въ развратъ и

идолопоклонство; тогда Господь насылалъ на нихъ враждебныя племена; народъ возставалъ на защиту отечества и нравственно преображался, оплакивая свое прежнее отступничество.

Вы скажете: но развѣ нѣтъ другихъ, болѣе чистыхъ средствъ для нравственнаго возрожденія народа, средствъ чуждыхъ крови и насилія? Конечно есть, но Господь попускаетъ быть военному бѣдствію именно тогда, когда къ нравственнымъ, высшимъ призывамъ народъ остается глухъ.

Если бы русскій народъ имѣлъ такія нравственныя силы, что могъ бы убѣдить австрійцевъ не губить Сербскаго королевства, не принуждать Боснійцевъ къ католичеству, не препятствовать посредствомъ пытокъ и казней галичанамъ возвращаться въ Православіе: вотъ тогда бы незачѣмъ было прибѣгать къ военнымъ угрозамъ. Далѣе, если бы по объявленіи намъ войны Германіей и Австріей мы могли бы ихъ убѣдить отказаться отъ своего намѣренія или, отдавшись подъ ихъ власть безъ битвы и согласившись на уничтоженіе Россіи, какъ государства, имѣли бы основаніе надѣяться, что отъ этого не поколеблется въ ней православная вѣра, не развратятся еще болѣе нравы и не погибнуть вообще нравственныя цѣнности русской души, тогда бы, конечно, незачѣмъ было бы держать ни войска, ни судебныхъ учрежденій, ни тюремъ, ни денегъ; но отъ предположеній такихъ условій принужденъ былъ отказаться къ концу жизни и Левъ Толстой при всей неукротимости своей фантазіи.

Правда, было одно время, длившееся, можетъ быть, годъ или два, когда новоначальная христіанская община была охвачена безраздѣльною преданностью Господу и обходилась безъ всякой самозащиты: тогда ея стражемъ былъ Самъ Господь, в первая попытка злоупотребить безусловнымъ довѣріемъ, предпринятая Ананіей и Сапфирой, встрѣтили карателя въ лицѣ Самого Господа. Существуютъ и

теперь христіанскія общества, въ большей или меньшей степени чужды физической самозащиты: это монастыри и, отчасти, всѣ вообще духовныя лица, какъ лишенные права защищаться оружіемъ. Правда, они не воспрещаютъ защищать себя мірянамъ и вообще государству, но на магометанскомъ востокѣ, на сѣверныхъ сибирскихъ окраинахъ, а тѣмъ болѣе во времена древнія, такую защитой приходилось пользоваться очень рѣдко, а иногда монахи отъ нея сознательно отказывались.

Однако навязывать требованія такого самоотверженія, на которое способны исключительные ревнители вѣры, сознательно отказавшіеся отъ міра, т. е., воспрещать самозащиту цѣлому народу „съ непраздными и доящими“, съ младенцами, отроками и подростками, съ дѣвushками и женщинами, которымъ женская честь дороже самой жизни,—такое воспрещеніе было бы дѣломъ неосмысленнымъ. Война есть зло, но въ данномъ случаѣ, какъ впрочемъ, и въ большинствѣ войнъ въ Россіи,—меньшее зло, чѣмъ уклоненіе отъ войны и преданіе во власть варваровъ нашего-ли священнаго отечества или другихъ братскихъ намъ православныхъ народовъ, которые по девятому члену Символа Вѣры должны быть для насъ такъ же близки, какъ и православные подданные нашего Государя. („Инокъ“).

(Окончаніе слѣдуетъ).

Архіеп. Антоній.

Нѣкоторыя мысли изъ дневника сельскаго священника.

1) Вредна очень дальноркость, но не менѣе вредна и близорукость. Обыкновенно оберегаемся мы враговъ, которые могутъ придти къ намъ и повредить намъ, а тѣхъ, которые живутъ съ нами и даже съ нами неразлучны, ибо и живутъ въ насъ, мы и мало или и совсѣмъ не опасаемся, какъ бы и совсѣмъ не замѣчаемъ ихъ. Таковы наши враги: гордость, честолюбіе, ревность, зависть, ненависть. Эти господа наши, необуздываемые разумомъ, лишаютъ насъ сна, покоя, дарятъ насъ преждевременной старостью, а нерѣдко и внезапной смертью, лишая насъ всего и навсегда.

2) Почему слово Божіе такъ дѣйствительно на души и сердца человѣческія?

Потому, что оно есть мечъ духовный (Еф. 6, 17), очищающій всякую нечистоту, мѣшающую жить богоугодно, потому, что оно есть молотъ, разбивающій нашу окаменѣлость сердца въ порокахъ (Іер. 23, 29); оно—свѣтильникъ, освѣщающій потемнѣвшія отъ всякаго грѣховнаго нечестія всѣ уголки нашего сердца (2 Петр. 1, 10); оно—слово жизни (Филип. 2, 16),—оно слово всемогущаго существа, а потому—блаженіи слышавшіе слово Божіе и хранящіе е (Лук. 11, 28). Отъ тепла, росы и дождя растеть сѣмя, бросаемое человѣкомъ въ землю, а сѣмя—Слово Божіе, падающее на сердце человѣческое, орошаемое и согрѣваемое благодатью Духа Святого, во сто кратъ скорѣе и сильнѣе можетъ плодотворить въ своемъ родѣ, дѣлая человѣка духовнымъ, добрымъ, небеснымъ, святымъ.

3) Милость Твоя поженеть мя вся дни живота моего (Ис. 22, 6). Вотъ что говоритъ духоносный Царь Давидъ, а мы жалуемся, плачемъ и рыдаемъ, что намъ худо, что намъ горе, что мы забыты, оставлены совсѣмъ милостями Божиими. Если бы не были ослѣплены очи наши духовныя, то мы бы видѣли, какъ и царь Давидъ, какъ и другіе богоугод-

ники, что мы окружены милостями Божиими, что эти дары, милости Божіи, отовсюду насъ тѣснятъ, окружаютъ, какъ лучи солнца всякій предметъ, какъ воздухъ, который ощущаемъ, которымъ дышемъ. Видно, мы своимъ недостойнствомъ да нечестіемъ отгоняемъ отъ себя эти милости, и онѣ, какъ чистыя птицы—голуби и какъ благороднѣйшія насѣкомыя—Божія пчелки отъ далекаго смрада отлетаютъ отъ насъ. Самы виновны, а ищемъ еще несуществующихъ мучителей.

4) Нѣсте странни и пришельцы, но сожители Святымъ и присніи Богу (Еф. 2, 19). Обыкновенно близкіе родные похожи другъ на друга лицомъ, привычками, характеромъ. Если мы свои Богу (ибо искуплены Крвiю Сына Его и дали Ему свою человѣческую плоть и кровь)—Божіи, а Онъ Святъ, милосердъ и всесовершенъ, то и мы должны быть подобны Ему во всемъ этомъ. Вотъ ап. Павелъ и говоритъ: подобни мнѣ бывайте, яко же азъ Христу (Фил. 2, 7). Подобное къ подобному льнетъ и стремится. Вотъ апостоль сей и хвалится, что еще въ жизни своей былъ тамъ, гдѣ Христосъ возсѣдитъ въ неизреченной славѣ (2 Кор. 12, 21). А если мы богаты дѣлами злыми и всякимъ беззаконіемъ, то естественно, что наше мѣсто должно быть тамъ, гдѣ будетъ обитать начальникъ, сѣятель и любитель зла—сатана. Это такъ понятно, какъ то, что тьма принадлежитъ ночи, а свѣтъ дню.

5) Нерѣдко приходится видѣть и задавать вопросъ: откуда у простыхъ, неученыхъ людей, но благочестивыхъ, берется такая мудрость, которой не обладаютъ и многіе ученые, которой приходится удирать. На это даетъ отвѣтъ слово Самого Бога—св. Писаніе обоихъ завѣтовъ: „въ злохудожную душу не видеть премудрость“ (Премуд. Сол. 1, 4), а „кто любитъ Бога, тому дано знаніе отъ Него“ (Кор. 8, 3).

Протоіерей *Савва Богдановичъ.*

На современныя темы.

Вызванное у насъ войной разстройство обнаружило нѣкоторыя темныя стороны нашей жизни, устраненіе которыхъ особенно необходимо теперь, когда требуется напряженность всѣхъ силъ для побѣды надъ озвѣрѣлымъ врагомъ. Каждый, въ мѣру силъ и средствъ своихъ, долженъ трудиться для оздоровленія жизни. У духовенства въ этомъ отношеніи есть оружіе, до сихъ поръ слабо использованное имъ: это оружіе—сильное авторитетомъ Церкви слово, ободряющее колеблющихся, и растерявшихся, обличающее нарушителей правды, законности и человѣколюбія. Къ широкому использованию этого оружія, какъ извѣстно, призывалъ съ думской кафедры, особенно высшихъ представителей іерархіи, свящ. Филоненко ¹⁾. Такой призывъ имѣетъ для себя полное основаніе въ исторіи Церкви. Выдающіеся пастыри Церкви считали своею обязанностью выступатьъ обличеніемъ могущихъ вызвать въ Церкви соблазнъ и разстройство поступковъ, кѣмъ бы таковыя ни допускались. Изъ древней церковной исторіи достаточно упомянуть о святителѣ Амвросіи Медиоланскомъ, который отлучилъ отъ причастія (за допущенное подъ вліяніемъ раздраженія насиліе надъ жителями Фессалоники) даже такого ревнителя православной вѣры, какъ императоръ Θεодосій Великій, и о св. Іоаннѣ Злотоустѣ, который, несмотря на угрожавшія ему за это муки, обличалъ императрицу Евдоксію. Подобныя примѣры представляетъ и исторія

¹⁾ Коснувшись рѣчи о Филоненко, нельзя обойти молчаніемъ ея первой половины, которая представляетъ сплошное недоразумѣніе. Выступивши по поводу грубой выходки Н. Е. Маркова, о Филоненко обрушился вообще на правыя партіи, какъ будто онѣ ответственны за выходки своего сочлена. Мало того,—сбнаруживая полное незнакомство съ программю правыхъ, онъ усмотрѣлъ въ ней антихристіанскій духъ, идеологію нагайки и насилія. Приходится пожалѣть, что священникъ дозволяетъ себѣ съ думской кафедры говорить въ превратномъ видѣ о вещахъ, ему, очевидно, мало извѣстныхъ.

нашей Церкви. Всѣмъ извѣстны: св. митрополить Филиппъ—обличитель Грознаго, святитель Гермогенъ, уморенный голодомъ за противодѣйствіе боярамъ, которые, послѣ сверженія царя Василія Шуйскаго, захватили въ свои руки власть и хотѣли присягнуть Сигизмунду, святитель Митрофанъ, заставившій Петра Великаго удалить отъ дворца (въ Воронежѣ) соблазнительныя для христіанъ статуя языческихъ боговъ. Что такого рода дѣятельность, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, входитъ въ обязанности пастырей Церкви, это подтверждается свидѣтельствомъ св. апостола: „проповѣдуй слово, стой во время и не во время, обличай, запрещай, увѣщавай со всякимъ долготерпѣніемъ и назиданіемъ“ (2 Тим. 4, 2).

Но въ русской жизни есть и другое средство для борьбы съ нежелательными явленіями въ государственной жизни, отъ котораго не устранены и члены духовенства. Средство это, заключающееся въ своего рода контролъ народнаго представительства надъ дѣятельностью правительственныхъ органовъ, у насъ, къ сожалѣнію, примѣняется далеко не всегда надлежащимъ образомъ. Какъ извѣстно, съ того самаго времени, какъ народъ нашъ Высочайшей волею былъ призванъ, въ лицѣ избираемыхъ имъ представителей, участвовать въ государственномъ законодательствѣ, у насъ начинается борьба народнаго представительства—въ лицѣ Гос. Думы съ правительствомъ—въ лицѣ министровъ. Борьба эта, въ теченіе истекшаго десятилѣтія то ослабѣвавшая, то усиливавшаяся, въ послѣднее время достигла особеннаго обостренія. Само собою понятно, что съ точки зрѣнія государственной пользы, такой разладъ между высшими государственными учрежденіями должно признать въ высшей степени нежелательнымъ. Отсюда является необходимость ввести въ строго опредѣленные рамки взаимоотношенія названныхъ учреждений, точно установивши, чего именно въ правѣ требовать другъ отъ друга та и другая сторона.

Возможность указанной борьбы коренится въ предоставленномъ Гос. Думѣ правѣ обращаться къ министрамъ съ запросами по поводу допускаемыхъ правительственными органами незаконныхъ дѣйствій. Право это, при условіи, конечно, правильнаго пользованія имъ, является чрезвычайно цѣннымъ и важнымъ. Дѣло въ томъ, что при назначеніи правительственныхъ лицъ чрезвычайно трудно и даже едва ли возможно избѣгать ошибокъ, вслѣдствіе невозможности проникнуть въ подлинныя глубины сердца человѣческаго; въ качествѣ примѣра, нельзя не указать, какъ недавно бывший предсѣдатель Совѣта министровъ вынужденъ былъ оставить свой постъ, не сказавши ни слова противъ предъявленныхъ къ нему съ думской каѳедры тяжкихъ обвиненій. Совершенно напрасно наши „прогрессисты“ ставятъ подобные случаи въ вину самодержавному строю: никакой строй отъ такихъ ошибокъ предохранить не можетъ, и появленіе неудачныхъ и даже прямо недостойныхъ носителей власти наблюдается въ государствахъ съ самымъ разнообразнымъ устройствомъ. Такіе недостойные носители власти приносятъ государству немалый вредъ. Не говоря уже о томъ, насколько страдаетъ непосредственно вѣренная такому лицу область государственной жизни, — ничто такъ не развращаетъ и не революціонизируетъ общество, какъ неправильныя, или даже хотя бы нецѣлесообразныя дѣйствія правительственныхъ органовъ.

Существуетъ мнѣніе, что слѣдуетъ избѣгать привлеченія къ судебной отвѣтственности административныхъ лицъ, такъ какъ этимъ будто бы подрывается престижъ власти. На самомъ дѣлѣ этотъ престижъ и даже престижъ самого закона несравненно болѣе подрывается въ томъ случаѣ, когда остается безнаказаннымъ за нарушение закона тотъ человѣкъ, который поставленъ быть блюстителемъ закона. Допущеніе незаконности правительственными органами — это такое зло, къ предотвращенію котораго нужно стремятся всѣми средствами. Однимъ изъ такихъ средствъ и является представленное Гос. Думѣ право запросовъ. Бла-

годаря этому праву, наряду съ органами правительства оказывается независимое отъ нихъ и не связанное съ ними учрежденіе, представляющее (въ идеалѣ, но не всегда—въ дѣйствительности) какъ бы совѣсть страны, которое должно указывать допускаемыя неправильности и тѣмъ способствовать устраненію послѣднихъ. Существованіе такого учрежденія, при правильномъ его функционированіи, должно предохранять отъ распространенія въ обществѣ всякаго рода, иногда прямо нелѣпныхъ, слуховъ и подозрѣній, часто распространяемыхъ съ злнамѣренной цѣлью, и тѣмъ способствовать твердости власти, такъ какъ вполне твердой можетъ быть только власть, стоящая выше всякихъ подозрѣній. А если и вообще власть должна быть твердой, то, кстати сказать, въ настоящее время въ Россіи чувствуется особенно острая нужда въ твердой власти. ¹²

Но такъ можетъ дѣло обстоять только при томъ условіи, если запросы будутъ проистекать изъ дѣйствительнаго желанія торжества правды и законности. Запросы не должны служить, какъ это, къ сожалѣнію, иногда бываетъ у насъ, средствомъ политической борьбы, пріемомъ для дискредитированія и устраненія нежелательныхъ представителей власти, а потому должны основываться не на догадкахъ и слухахъ, а на точно проверенныхъ данныхъ, и члены Думы, которые предъявили бы къ правительству обвиненія, оказавшіяся вымышленными, должны подлежать строгой отвѣтственности.

Къ сожалѣнію, руководяція партіи Гос. Думы стараются придать иной характеръ праву запросовъ и желаютъ использовать это право для подчиненія себѣ правительства, домогаясь введенія у насъ, такъ называемой, парламентской отвѣтственности министровъ. Эта форма отвѣтственности заключается въ томъ, что, въ случаѣ неодобренія со стороны парламентскаго большинства, министры обязаны выходить въ отставку. Но неодобреніе большею частью высказывается на почвѣ расхожденія министровъ съ партійной програм-

мой большинства. Поэтому при парламентском строѣ министры обычно избираются изъ состава тѣхъ же политическихъ партій, которыя располагаютъ большинствомъ голосовъ въ парламентѣ. Вполнѣ понятно, что при такихъ условіяхъ отвѣтственность министровъ предъ парламентомъ, съ рѣшающимъ большинствомъ котораго они партійно связаны, на дѣлѣ легко можетъ стать фиктивной. Полная безотвѣтственность административныхъ лицъ, какъ было указано, недопустима; такая безотвѣтственность могла бы быть только при ничѣмъ неоправдываемомъ перенесеніи на бюрократію правъ Царскаго самодержавія. Но отвѣтственнымъ правительствомъ должно быть только предъ Государемъ и закономъ; Дума же должна доводить до свѣдѣнія Государя, если кто — либо изъ носителей власти поступаетъ не по закону или, прямо не нарушая закона, допускаетъ дѣйствія или распоряженія, явно вредныя для блага государственнаго. При такомъ порядкѣ нежелательное смѣщеніе властей не будетъ допущено.

Н. Гумилевскій.

О народныхъ суевѣріяхъ и борьбѣ съ ними приходскаго духовенства.

Всматриваясь въ престонародную жизнь, по преимуществу въ ея нравственно-церковно-религіозномъ проявленіи, нельзя не сказать, что жизнь эта иногда носитъ на себѣ отпечатокъ суевѣрія, который наложила на нее или глубокая старина, съ ея миеологическимъ міросозерцаіемъ, или позднѣйшая, благодаря апокрифамъ, или же, наконецъ, крайнее невѣжество, крайнее непониманіе внутренней стороны христіанства.

Вотъ, приходится, напримѣръ, наблюдать въ сельскихъ приходсахъ такое странное явленіе, что многіе изъ прихожанъ — опасно больныхъ — только исповѣдываются, но по-

чему-то боятся причащаться, по убѣжденію, что нескорая смерть послѣ причащенія можетъ повредить дѣлу спасенія ихъ души. Вслѣдствіе нескорой смерти,—думаютъ деревенцы,—можно, пожалуй, согрѣшить, сказать лишнее, услышать дурное; напротивъ, умереть послѣ причастія вскорѣ—великое благополучіе, потому что душа прямо пойдетъ въ царство небесное, какъ чистая, безгрѣшная. Отъ этого, между прочимъ, происходитъ то, что многіе, не причащаясь въ теченіе всей своей жизни—долговременной, причащаются только предъ смертью, въ той несомнѣнной увѣренности, что можно надѣяться на спасеніе своей души, лишь бы только подъ конецъ жизни причаститься. „Какую ему,—обыкновенно говорятъ о такомъ чловѣкѣ,—Господь смертью послалъ! Всю жизнь свою не причащался, а предъ самою, какъ есть, смертью сподобился причаститься,—душеньку свою, значить, спасъ“...Ясно, что такой взглядъ на таинство причащенія происходитъ изъ благоговѣйнаго понятія о немъ, изъ сознанія своего недостойнства причащаться при жизни, когда на каждомъ шагу соблазнъ, которымъ не заразиться нельзя, а заразившись, приходится погубить себя, потому что этимъ оскорбляется, унижается святое таинство, а въ немъ-то и все спасеніе. Если же,—разсуждаетъ простолюдинъ,—этимъ спасеніемъ пренебрегать то значить быть „пропащимъ“ чловѣкомъ. Поэтому, чтобы не погубить души своей,—лучше всего приобщиться предъ смертью, за нѣсколько минутъ до нея,—а Господь милостивъ, безъ напутствія не допуститъ умереть. Но такая точка зрѣнія простолюдина на таинство Св. Причащенія, очевидно, ложна.

Понятно, слѣдовательно, что тутъ требуется со стороны сельскихъ пастырей особенное внушеніе и разъясненіе того, что жизнь христіанская немыслима безъ исполненія самого священнаго долга—принятія Святыхъ Таинъ, по крайней мѣрѣ, разъ въ годъ.

Во многихъ сельскихъ приходахъ (да и въ губернскихъ городахъ) прихожане держатся мнѣнія, будто таинство св.

Елеосвященія можно принимать только отчаянно больному человѣку. И на этомъ основаніи отъ соборованія (тайнства елеосвященія) устраняются и уклоняются люди молодыхъ лѣтъ, о которыхъ естественно думать, что, какъ бы тяжка ни была болѣзнь ихъ, они могутъ вынести ее по крѣпости и свѣжести тѣла, а допускаются къ соборованію лишь больные преклонныхъ лѣтъ, не подающіе надеждъ на выздоровленіе. Деревенцы—прихожане вѣрятъ, что кто, пособоровавшись, выздоровѣетъ, тотъ уже не будетъ принадлежать здѣшнему міру,—тотъ, если былъ холостъ,—долженъ на весь вѣкъ своей отказаться отъ женитьбы, а если былъ женатъ, долженъ навсегда прервать свои супружескія сношенія съ женой и т. п., тотъ—коротко говоря—останется въ этомъ свѣтѣ живымъ мертвецомъ.

Такое мнѣніе несправедливо и можетъ быть названо религиознымъ предрасудкомъ, или суевѣріемъ. Оно происходитъ изъ невѣдѣнія силы тайнства Елеосвященія и его назначенія. Объ ученикахъ Иисуса Христа въ Евангеліи говорится, что они „мазаху масломъ многи недужныя, и исцѣлеваху“ (Марк. 6,—13); такимъ образомъ, тайнство елеосвященія, по свидѣтельству Евангелія, установлено именно для исцѣленія недуговъ. Св. Апостоль Іаковъ въ своемъ посланіи къ древнимъ христіанамъ пишетъ: „болить-ли кто въ васъ, да призоветъ пресвитеры церковныя, и да молитву сотворятъ надъ нимъ, помазавше его елеемъ, во имя Господне: и молитва вѣры спасетъ болящаго, и воздвигнетъ его Господь, и аще грѣхи сотворилъ есть, отпустятся ему“ (—5, 14—15). Въ этихъ словахъ сила тайнства опредѣлена полнѣе: она состоитъ въ томъ, что больному съ исцѣленіемъ отъ недуга даруется и прощеніе грѣховъ, неочищенныхъ покаяніемъ. Но, само собою разумѣется, тайнство елеосвященія не всегда можетъ сообщать здравіе тѣлу: въ противномъ случаѣ, прибѣгая къ нему въ трудныхъ и неизлечимыхъ человѣческими средствами недугахъ, можно бы было жить на землѣ въ добромъ здоровьи вѣчно; а это несогласно

съ нашимъ назначеніемъ,—живя здѣсь, приготовлять себя къ переселенію на небо, въ наше горнее отечество. Поэтому въ таинствѣ Елеосвященія ниспосылается больнымъ выздоровленіе только тогда, когда Господь, по Своему премудрому всевѣдѣнію, находитъ жизнь больного на землѣ нужною или полезною; а когда больные, принимающіе таинство, готовы къ переходу въ вѣчность, Господь не устраняетъ отъ нихъ смерти; но таинство благотворно дѣйствуетъ и на переходящихъ въ вѣчность, точно такъ-же, какъ и на выздоравливающихъ для продолженія земной жизни, очищая у тѣхъ и другихъ грѣхи, оставшіеся неомытыми въ покаяніи или совершенные послѣ него.

Не понимая силы и назначенія таинства Елеосвященія, деревенцы наши смотрятъ на соборованіе, какъ на таинство, напутственное къ гробу, безусловно отрывающее отъ міра и жизни, во всякомъ случаѣ,—предсмертное ¹⁾).

Интересно было бы знать, откуда такое предубѣжденіе получило свое начало, что послужило поводомъ къ его образованію въ народѣ, съ чего оно взялось?

Не съ слѣдующаго—ли обстоятельства?

Къ таинству елеосвященія прибѣгали всегда въ трудныхъ случаяхъ, т. е., когда не было легче послѣ приобщенія. И такъ какъ выздоровленіе рѣдко слѣдовало за принятіемъ таинства почти предъ самою смертью, то въ сознаніи народа и сложилось о немъ представленіе, какъ о напутственномъ къ смерти. Нѣкоторые изъ примѣровъ выздоровленія, вслѣдствіе соборованія св. масломъ, только утверждали въ народѣ это представленіе, такъ какъ больные, дорожившіе жизнью и сильно желавшіе выздоровленія, давали обѣтъ,—если Господь возвратитъ имъ чрезъ таинство елеосвященія здоровье,—жить только для святости и добродѣтели, и, получивши здоровье, отдавались всѣмъ строгостямъ подвижни-

¹⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что такъ именно учить о таинствѣ Елеосвященія католическое исповѣданіе. Прим. ред.

чества, уклоняясь даже и отъ такихъ удовольствій и радостей жизни, которыя позволяются и освящаются самою Церковью. При этомъ, для объясненія строгости своей жизни, они ссылались на соборованіе. Люди, къ которымъ обращалось это объясненіе—или которые случайно выслушивали его, принимали подвижническую, неземную жизнь за необходимое требованіе со стороны таинства елеосвященія въ отношеніи ко всякому, принявшему оное, и не входили въ точные разговоры—разпросы о подробностяхъ этого требованія. Такимъ образомъ, народная молва и народное невѣдніе предметовъ вѣры легко могли довести мысль о строгой жизни, требуемой соборованіемъ, до понятія о *живой смерти* всякаго соборованнаго и до страннаго мнѣнія, будто соборованный—то же, что былъ бы и *мертвецъ*, вставшій изъ гроба...

Быть можетъ, въ разныхъ мѣстахъ мнѣнія эти, воззрѣнія на таинства—имѣютъ свои оттѣнки. Сельскіе пастыри, наставляя прихожанъ на истину, да не упускаютъ изъ виду и мѣстныхъ оттѣнковъ заблужденія, но пусть, объяснивъ точно общій смыслъ таинствъ, опредѣляютъ затѣмъ и значеніе и несостоятельность всѣхъ частныхъ толковъ и замѣчаній относительно ихъ, сложившихся подъ вліяніемъ простоты, невѣднія и другихъ обстоятельствъ.

Но всего поразительнѣе, по своему крайнему заблужденію, понятіе простого народа о загробной жизни, понятіе, выражающееся образно, въ чувственныхъ формахъ. Обязанное своимъ происхожденіемъ еще уцѣлѣвшему въ простомъ народѣ миеолигическому міровоззрѣнію на душу и ея загробную жизнь, понятіе это не скоро уничтожается, потому, между прочимъ, что поддерживается и усиливается, такъ называемыми, „*обмирухами*“ (*обмиравшими* женщинами).

Въ дѣтски—наивной простотѣ сердца, подъ вліяніемъ опасенія за неизвѣстное будущее, народъ слушаетъ разные рассказы какой нибудь *обмирухи*, слушаетъ съ благоговѣніемъ, съ трепетомъ, съ безусловною довѣрчивостью ко всему тому, что говоритъ ему только что возвратившаяся съ того свѣта

обмируха. А что *видѣнія* ея и розказни вполнѣ справедливы, за это, но мнѣнію народа, ручается и то, что *обмируха* со вздохами и слезами на глазахъ повѣствуетъ о своихъ „*видѣніяхъ*“, и по преимуществу то, что Господь сподобилъ ее *обмиранія*, какъ разъ послѣ напутствія, послѣ принятія Св. Таинъ, слѣдовательно, въ то самое время, когда душенька ея была чиста, безгрѣшна, прямо *на пути* „въ царствіе небесное“.

Принимая во вниманіе и исключительное положеніе *обмирухи* и ея дивныя „*видѣнія*“ *съ того свѣта*.—значеніе ея въ глазахъ простолюдинокъ—женщинъ кажется немаловажное; прибавьте къ этому и то, что *обмируха*, не безъ заднихъ мыслей и цѣлей, умѣетъ пользоваться исключительнымъ своимъ положеніемъ. Вотъ, однѣмъ старушкамъ она рассказываетъ, что для нихъ *на томъ свѣтѣ* уготованы мѣста „свѣтлыя“, что, слѣдовательно, и сокрушаться имъ не слѣдуетъ и тужить не надо, а только надобно благодарить Царя небеснаго за Его милость къ нимъ грѣшнымъ. Другимъ же, напротивъ, не безъ ужаса, сообщаетъ, что ихъ *на томъ свѣтѣ* ожидаетъ больно „*недоброе*“, „*неладное*“, что и вымолвить страшно...

Слѣдствія, вытекающія изъ подобнаго рода разказовъ, бывають самыя печальныя по отношенію къ простонародной жизни въ ея церковно-религіозно-нравственномъ проявленіи. Развивая въ однихъ полную, простирающуюся до фанатизма, увѣренность въ спасеніи своей души, которой *заранѣе* «приготовлено мѣсто» въ раю, эти разказы, напротивъ, поселяють въ другихъ прихожаныхъ какое-то отчаяніе, проявляющееся часто въ широкихъ размѣрахъ. И многіе приходятъ къ такимъ печальнымъ мыслямъ: такъ какъ душа—демонъ ужъ *заранѣе пропащая* „на вѣки—вѣчныя“,—поэтому и думать о ней—„не—слѣдъ“, а надобно приложить стараніе лишь о томъ, какъ бы *на этомъ свѣтѣ* получше пожить...

Высокое, нравственно-просвѣтительное званіе сельскихъ священниковъ обязываетъ и располагаетъ ихъ стараться объ искорененіи въ своихъ прихожанахъ какъ всѣхъ вообще предразсудковъ, такъ, по преимуществу, заблужденій, или ложныхъ мнѣній о предметахъ вѣры, особенно о таинствахъ. И пусть всякій сельскій священникъ, какъ добрый пастырь, а не наемникъ, съ неутомляющею ревностью, объясняетъ своимъ прихожанамъ и въ храмѣ съ кафедрой, и дома при свиданіи, и на улицѣ во время благопріятной встрѣчи—православное ученіе о предметахъ вѣры, которое они неправо и душевредно прилагаютъ къ своей жизни. Такимъ образомъ, внимательно всматриваясь въ простонародную жизнь въ указанныхъ нами проявленіяхъ, нельзя не придти къ тому убѣжденію, что задача религіозно-нравственнаго воспитателя и руководителя—трудна, сложна и отвѣтственна, потому особенно, что часто приходится имѣть дѣло съ такимъ зломъ, источникъ котораго скрытъ, тогда какъ послѣдствія его слишкомъ горьки и печальны, чтобы не обратить на нихъ вниманіе. Какое бы вліяніе—нравственно-ли образовательное, кротко-ли увѣщательное, или строго обличительное ни обнаруживалъ пастырь при обличеніяхъ и увѣщаніяхъ по отношенію къ народнымъ суевѣріямъ, во всякомъ случаѣ онъ немного успѣетъ, если не будетъ владѣть запасомъ знаній, при посредствѣ которыхъ онъ могъ бы указать на источникъ и происхожденіе суевѣрій, на ихъ смыслъ и значеніе и на ихъ вредныя послѣдствія для вѣры и нравственности.

И недостаточно въ борьбѣ съ народными суевѣріями одного лишь увѣщанія и вразумленія,—нужно что-то больше этого,—нужно внимательно всматриваться въ самую жизнь народа, со всѣми ея многоразличными оттѣнками, нужно подмѣчать въ ней слабыя и дурныя стороны, объяснять ихъ происхожденіе и значеніе и доказывать самымъ нагляднымъ образомъ ихъ вредъ для христіанства. И только такимъ путемъ и такими пріемами, кажется, не безъ успѣха можно вести борьбу въ дѣлѣ искорененія народныхъ суевѣрій.

Соціальный вопросъ.

„Пусть никто не оплакиваетъ убожества, ибо пришло общее Царство!“ (Иоаннъ Златоустъ).

Трудно теперь найти село, гдѣ не знали бы ситца, спичекъ, мыла, желѣзныхъ издѣлій фабрики, стекла, посуды... Когда-то, однако, въ селахъ носили домотканныя рубашки, добывали огонь кресаломъ, обходились кустарной посудой изъ дерева, глины... Проходятъ, впрочемъ, и наши времена ограниченнаго потребления деревней фабрикатовъ. На протяженіи 25-ти лѣтъ простонародье узнало галоши, красивую обувь, ножи, вилки, фабричныя кровати, кровельное желѣзо, дорогія ткани.

Однако, этому росту потребностей села не соотвѣтствуетъ повышеніе его доходовъ. Сельское хозяйство, при самыхъ лучшихъ условіяхъ, даетъ гораздо меньше, чѣмъ отъ него ожидаютъ тѣ, кто рѣшается на специальное удобреніе, машины. Это—основной экономической законъ. Съ другой стороны, ростъ сельскаго населенія опережаетъ количество увеличивающейся площади крестьянскаго землевладѣнія. Есть губерніи (напр.,—Кіевская), отличающіяся большой плотностью населенія, гдѣ процентъ безлошадныхъ и безземельныхъ довольно замѣтенъ. Но и богатая землей области (какъ, напр., Донская) уже чувствуютъ начинающуюся тѣсноту.

Въ такіе моменты очевиднаго несоотвѣтствія потребностей и средствъ къ удовлетворенію ихъ получаетъ особенное значеніе денежный вопросъ. Продукты сельскаго хозяйства въ громадномъ процентѣ переводятся на деньги,—этотъ посредникъ обмѣна. Немногое остается на личное потребленіе,—часто скудное и однообразное. Съ большимъ лишкомъ беретъ у крестьянина изъ его заработка торговецъ. Не остаются въ накладѣ и производители, а также устанавливающая свои налоги казна. Надобно дать возможность деревнѣ оставить ея заработокъ въ достаточномъ количествѣ

дома. Необходимо урегулировать потребленія земледельца, сокративши его расходы на торговца. Это—важный общественный (соціальный) вопрос, имѣющій цѣну и съ точки зрѣнія православно—бытовой. Не потому—ли плата за требы оказывается источникомъ лишнихъ огорченій, что у крестьянина остается въ кошелькѣ меньше, чѣмъ слѣдуетъ? Не въ томъ—ли отчасти причина нравственной темноты деревни; что она вынуждена смотрѣть на копѣйку, какъ на большую цѣнность?

Нѣкоторыя губерніи давно уже свыклись съ несоответствіемъ потребленія и заработка; за копѣйкой онѣ посылаютъ мужской, а отчасти и женскій элементъ, на фабрики, въ города. Таковы наши центральныя губерніи. Города для деревенскаго человѣка—гибель. Здѣсь онѣ часто подчиняется иному быту, другимъ житейскимъ понятіямъ. Необходимость „жить съ копѣйки“, платя за все, даже за право на свѣтъ въ окнѣ или сухой уголь, разрушаетъ вѣковыя понятія о чести, совѣсти. Устойчивая форма брачной, семейной жизни, становится или невозможной, или же весьма шаткой. Скученность, жилищныя условія, благодаря которымъ массы населенія занимаютъ небольшую площадь, являются источникомъ преждевременнаго нравственнаго опустошенія человѣческой души. Тяжелыя физическія условія городского быта еще болѣе усиливаютъ дѣйствіе притупляющихъ душу городскихъ условій. Душѣ человѣка, скованнаго необходимостью добывать копѣйку, знакома одна радость,—это, когда онѣ имѣетъ заработокъ,—и одна печаль,—когда въ кошелькѣ его пусто. Особенно тяжело покоженіе заболѣвшихъ, осиротѣвшихъ, оставшихся безъ поддержки родныхъ. Много горькаго испытываютъ пришедшіе на заработки и еще не приспособившіеся къ городу, его требованіямъ.

Западно—европейская жизнь уже давно узнала всѣ отрицательныя стороны существованія трудового населенія и въ городахъ, и въ деревняхъ. Тамъ капитализмъ, съ его фабриками и заводами, привлекаетъ въ города сельское

населеніе уже болѣе ста лѣтъ. Тяжелыя условія существованія трудящихся классовъ заставили выработать рядъ формъ соціальной помощи, которая приняла довольно устойчивый видъ. Самымъ интереснымъ въ этомъ является то, что на западѣ поставленъ,—какъ теоретически, такъ практически—вопросъ о соціальной помощи и представителями христіанскихъ исповѣданій. Въ частности, для городскихъ трудовыхъ массъ ими установлены формы помощи, обеспечивающія рабочаго при удовлетвореніи его потребностей въ семьѣ, здоровой квартирѣ, леченіи, пенсіи, убѣжищѣ во время путешествія на временныя заработки, наконецъ,—потребностей религиозныхъ.

Совокупность всѣхъ мѣръ, которыя направляются къ устраненію затрудненій въ жизни трудящагося люда нашего времени,—затрудненій, начинающихъ быть особенно опасными,—составляетъ область т. н. соціального вопроса,—вопроса, получившаго важное общественное значеніе. Религіозное, нравственное, матеріальное благосостояніе трудовыхъ массъ—залогъ процвѣтанія государствъ, націй. Лишнимъ будетъ доказывать, что оно—въ интересахъ и Церкви, для которой безразлично, здоровы—ли нравственно эти массы, не угнетаетъ—ли ихъ т. н. борьба за существованіе.

Гораздо важнѣе другіе вопросы соціальной помощи: должны ли Церкви втягиваться въ это дѣло? Какъ ей быть съ различными теченіями времени, отличающимися страстностью, партійностью? Не будетъ—ли дѣло церковной помощи опираться на евангелие, особыя начала?—Одно пока несомнѣнно,—это то, что Церкви *можетъ* нести соціальную миссію. Являясь сама соціальнымъ организмомъ, Церкви въ состояніи собрать нуждающихся въ отдѣльныя группы солидарно настроенныхъ членовъ, объединивъ ихъ духомъ христіанскаго братства. Поэтому къ ея авторитету пытаются обращаться даже свѣтскіе экономисты запада, которымъ большаго, чѣмъ простая солидарность, и не хотѣлось бы желать. Однако, и имъ оказываются нужны широкіе, влекущіе человѣческое сердце, призывы, ко-

торами только и можно вывести изъ состоявія апатіи бѣдную, забившуюся въ уголокъ своего скорбнаго быта, душу труженника. Но церковь не отдаетъ другимъ своего оружія. Не запрещая никому имъ пользоваться, она сама въ состояніи пойти навстрѣчу требованіямъ новой жизни. Но какъ? На этотъ вопросъ отвѣтить кратко нельзя. Онъ требуетъ историческихъ наблюденій,—хотя бы надъ тѣмъ, что дѣлалось на родинѣ соціальнаго вопроса.

II.

Изъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

На пастырскихъ собраніяхъ.

Распоряженіе Св. Синода относительно обсужденія мѣръ для поднятія приходской жизни вызвало по епархіямъ цѣлый градъ пастырскихъ собраній, большею частью подъ предсѣдательствомъ епископовъ. Мѣры указывались чаще всего уже предлагавшіяся и раньше: улучшение совершенія богослуженія (въ частности, общее пѣніе, раздѣльное и выразительное пѣніе), оживленіе проповѣдничества, усиленіе просвѣтительной, благотворительной и миссіонерской дѣятельности, устройство приходскихъ организацій въ видѣ братствъ, кружковъ ревнителей, сестричествъ и т. п.

Въ Екатеринбургѣ на пастырскомъ собраніи преосвящ. Серафимъ указалъ [еще одну важную мѣру пастырскаго воздѣйствія—пастырскую визитацію, т. е., посѣщеніе пастыремъ своихъ прихожанъ съ спеціальной цѣлью—лучше узнать своихъ духовныхъ дѣтей, ознакомиться съ ихъ нуждами и запросами и руководить ихъ духовной жизнью. При обсужденіи предложенія владыки, выяснилось, что указанная мѣра, дѣйствительно, полезна, но осуществить ее, особенно въ большихъ приходахъ, не легко. Наибольше необходима пастырская визитація въ городахъ, гдѣ духовенство го-

раздо менѣе знаетъ своихъ прихожанъ, чѣмъ въ селахъ. Но въ городахъ эту мѣру и труднѣе осуществить, въ виду величины приходо́въ, занятости духовенства, а болѣе всего въ виду того, что многіе интеллигенты и не особенно расположены принимать у себя священниковъ. Въ селахъ препятствіемъ къ пастырской визитаціи можетъ служить теперешній способъ обезпеченія священно-служителей, вслѣдствіе котораго крестьяне во всякомъ посѣщеніи священника склонны видѣть предлогъ къ сбору пожертвованій.

Важность пастырской визитаціи отмѣчаетъ и Пермскій епископъ Андроникъ. По его словамъ, при посѣщеніяхъ прихожанъ открывается широкая возможность для ближайшаго ознакомленія пастыря съ пасомыми и для пастырскаго воздѣйствія. „Тутъ и нужно выскнуть въ жизнь и распорядокъ жизни семьи. Тутъ и нужно разсросить всѣхъ такъ, чтобы душа вылилась человѣческая съ ея запросами и надеждами. Тутъ обратить вниманіе и на воспитаніе дѣтей, на ихъ молитвенное дѣланіе, на ихъ поведеніе. Тутъ же попутно и о духовномъ побесѣдовать, не въ видѣ обычной проповѣди, но именно непосредственною отеческою простою бесѣдою... Такимъ путемъ установятся сами собой чисто—пастырскія или—лучше сказать—отеческія отношенія у пастыря къ паствѣ, взаимно вызывающія дѣтское отношеніе къ нему со стороны пасомыхъ. Исчезнетъ та взаимная отчужденность, на которую теперь одинаково жалуются и духовенство и міряне. Весь приходъ будетъ на виду у пастыря, явится одною большою семьею, возглавляемою и руководимою священникомъ—духовнымъ отцомъ“.

Для оживленія церковнаго дѣла полезно было бы самому духовенству {объединяться въ кружки или общества; тогда пастырскія собранія потеряли бы характеръ случайности. Въ настоящее время по мѣстамъ уже начинается такое объединеніе, главнымъ образомъ, въ видѣ законоучительскихъ братствъ и проповѣдническихъ кружковъ. На собраніяхъ этихъ кружковъ и братствъ часто предлагаются и обсуждаются интересные доклады.

На одномъ собраніи членовъ проповѣдническаго кружка духовенства Владимірской епархіи былъ предложенъ докладъ на тему: „Типы духовенства по сочиненіямъ Гусева-Оренбургскаго“, Какъ извѣстно, названный писатель изображаетъ почти исключительно темныя стороны и черты изъ жизни духовенства. Поэтому, послѣ прочтенія доклада, поставленъ былъ на обсужденіе вопросъ, дѣйствительно ли русское духовенство таково, какимъ представляетъ его Гусевъ-Оренбургскій. Наибольше обстоятельныя разъясненія по этому вопросу далъ архіеп. Алексій. Онъ указалъ, что въ жизни встрѣчаются члены духовенства, подобные выведеннымъ у Гусева-Оренбургскаго типамъ. Но они не могутъ считаться представителями всего духовенства. Г.—Оренбургскій обращаетъ вниманіе только на внѣшнія проявленія жизни пастырей, но онъ не понимаетъ идеи пастырства, не разсматриваетъ пастыря, какъ посредника между Богомъ и людьми, какъ строителя тайнъ Божіихъ, не видитъ того благодатнаго духа, той искры, которая есть въ каждомъ пастырѣ, какъ бы глубоко онъ ни палъ, и которая составляетъ отличительную черту православнаго пастырства и его силу. Тотъ же самый пастырь, который въ обычной жизни, вслѣдствіе необходимости заботиться объ обезпеченіи своей семьи, представляется скопидомомъ, старающимся только о томъ, чтобы получить какъ можно больше доходовъ, — передъ престоломъ, при совершеніи таинствъ, подъ вліяніемъ благодати можетъ переживать высокій религіозный подъемъ, доходящій даже до слезъ умиленія.

Въ братствѣ законоучителей города Одессы обсуждался, между прочимъ, вопросъ о теософіи, которая особенно стремится разпространяться теперь, пользуясь вызваннымъ войной повышеннымъ интересомъ къ религіознымъ вопросамъ. На основаніи выдержекъ изъ теософическихъ сочиненій были сдѣланы слѣдующіе выводы. Теософія представляетъ, въ сущности, грубый матеріализмъ и пантеизмъ, хотя она, съ цѣлью привлеченія вѣрующихъ людей, и же-

даетъ представиться согласной съ христіанствомъ, но въ дѣйствительности она протівоположна христіанству и даже враждебна ему. Прикрываясь заявленіями о свободѣ и терпимости, теософическое общество на самомъ дѣлѣ внутри самого себя совершенно не допускаетъ ни терпимости, ни свободы изслѣдованія. Для борьбы съ теософіей нужно разоблачать ея скрытыя заблужденія, обычно неизвѣстныя большинству людей, прельщающихся ею.

Н. J.

Экономическая жизнь народа и духовенство.

Вопросъ объ участіи духовенства въ коперативныхъ обществахъ и вообще въ экономической жизни народа въ послѣднее время сталъ предметомъ живого обсуждения не только въ духовной, но и въ свѣтской литературѣ.

Считаемъ не лишнимъ познакомить читателей журнала съ мнѣніями по этому вопросу двухъ свѣтскихъ писателей: профессора экономиста И. Х. Озерова и билетриста. С. И. Гусева—Оренбургскаго. Оба они находятъ участіе духовенства въ экономической жизни народа крайне необходимымъ и ожидаютъ отъ него самыхъ благихъ плодовъ. Главныя мысли статьи пр. Озерова слѣдующія:

„Для осуществленія великой задачи, стоящей передъ нами, использованія производительныхъ силъ Россіи, мы должны мобилизовать всѣ наши силы и средства.

Въ числѣ ихъ стоитъ и наше духовенство. Русское населеніе обладаетъ огромной силой—религіозностью, и эту силу изъ потенціальной нужно превратить въ живую силу. Здѣсь духовенство могло бы сыграть историческую роль.

Къ сожалѣнію наше духовенство въ большинствѣ артеріосклерозно. Правда, въ этомъ повинна и наша государственная власть, уставлявшая дѣятельность духовенства

всевозможными запретами, напимѣръ, до послѣдняго времени запрещалось православному духовенству участвовать въ коопераціи. Наше духовенство, какъ бы пришиблено (сельское живетъ впроголодь), а въ настоящее время нерѣдко и буквально голодаетъ. Есть случаи самоубійства отъ голода. При этихъ условіяхъ оно не можетъ выполнять той святой задачи, которая лежитъ на немъ.

И эта пришибленность не можетъ не озлоблять представителей духовенства, нужда не можетъ не толкать ихъ влѣво: въ концѣ XVIII в. во Франціи, когда встала стѣна между высшимъ и низшимъ духовенствомъ, это послѣднее нерѣдко становилось во главѣ той толпы народа, которая шла на разграбленіе богатыхъ замковъ, и кюре ихъ благословлялъ.

Живо наше воображеніе рисуетъ картины Франціи того времени, какъ пришибленный, съ измятой шляпенкой въ рукахъ, съ низкимъ поклономъ стоитъ мѣстный кюре, мимо котораго проѣзжаетъ богатая карета, въ которой дремлетъ архипастыръ церкви на шкурахъ тѣхъ овецъ, которыхъ долженъ бы былъ онъ охранять.

Англійское духовенство отличалось чуткостью къ нуждамъ большихъ массъ населенія, оно воспринимало вѣянія времени и шло нерѣдко навстрѣчу имъ, беря сторону малоимущихъ.

Стоитъ вспомнить тридцатые года и сороковые Англии прошлаго вѣка, когда эта послѣдняя была накануне революціи; духовенство приняло самое теплое участіе въ улучшеніи быта трудящихся, выступая съ проповѣдями (вспомнимъ знаменитыя проповѣди чартиста Стефенса) и брошюрами, а также принимая участіе въ разныхъ формахъ коопераціи.

И несомнѣнно, оно сыграло тогда тамъ большую роль въ сглаживаніи этихъ конфликтовъ.

И въ настоящее время наше духовенство надо направить на этотъ путь созидательной творческой работы. Па-

стырь церкви, какъ представитель Бога эдѣсь на землѣ, долженъ и самъ творить, и своимъ яркимъ примѣромъ вызывать населеніе къ экономическому творчеству, памятуя завѣтъ Бога человѣку при сотвореніи его: культивируйте землю.

Но для этого нужно духовенство приобщить къ вопросамъ современности. Быть можетъ слѣдуетъ создать особыя библіотеки по вопросамъ прикладной экономіи и финансовъ для духовенства, выпустить серіи брошюръ и памфлетовъ, выясняющихъ тѣ великія проблемы, предъ которыми мы стоимъ въ области экономическаго творчества. Пусть такимъ образомъ пастыри, дѣйствующіе на аренѣ жизни, въ состояніи будутъ обнять, понять задачи и экономическаго творчества, и ихъ слово, падая на историческую религіозность русскаго человѣка, не можетъ не пробудить во многихъ таящихся тамъ потенциальныхъ творческихъ силъ.

Въ семинаріяхъ слѣдовало бы теперь же ввести преподаваніе экономическихъ дисциплинъ съ точки зрѣнія прикладной науки, т. е., нужно знакомить съ тѣми богатствами, которыми мы располагаемъ, съ тѣмъ великимъ значеніемъ, которое имѣетъ использованіе этихъ богатствъ, и какое значеніе это можетъ имѣть для духовной культуры, надо показать, что въ настоящее время человѣкъ не можетъ и душу свою сдѣлать богатой, если не будетъ обладать извѣстнымъ минимальнымъ достаткомъ матеріальныхъ благъ.

Человѣкъ голодный и холодный не въ состояніи отрваться отъ своихъ повседневныхъ заботъ и поднимать очи къ небу, и это нужно подчеркивать, но въ то же время отмѣчать, что вся эта матеріальная культура лишь фундаментъ для выращиванія духовной. Человѣкъ въ настоящее время, какъ дубъ, который тѣмъ глубже уходитъ въ землю, тѣмъ пышнѣе распускаются его верхушки, и тѣмъ болѣе вѣтки его купаются въ лучахъ солнца и переговариваются съ самымъ небомъ.

Въ настоящее время нужно мобилизовать всѣ наши силы—молодежь, школу, печать, духовнество ради великой цѣли поднятія производительныхъ силъ Россіи.

Но если пастырѣ церкви голоденъ и холоденъ, онъ не можетъ быть творческой силой, творческій рѣзецъ будетъ выпадать изъ его рукъ, и одной изъ нашихъ заботъ должна быть забота о лучшемъ матеріальномъ обезпеченіи духовенства, о болѣе независимомъ положеніи его со стороны состоятельныхъ лицъ своего прихода, за счетъ даянія которыхъ онъ въ настоящее время живетъ.

Да, мы эту огромную силу, огромную при нашихъ историческихъ условіяхъ и той религіозности, которая у насъ еще сохранилась, мы, увы, не использовали, какъ не использовали наши великолѣпные лѣса, водопады и т. д.

И вмѣсто того, чтобы въ согласіи съ завѣтомъ Бога культивировать землю, мы эту силу держимъ въ голодѣ и тѣмъ самымъ гонимъ ее въ ряды недовольныхъ, и я боюсь, что эта наша политика пожнетъ тѣ же плоды, что и Франція XVIII вѣка.

Пока не поздно, надо встать здѣсь на иной путь и направить эту силу на развитіе производительныхъ силъ Россіи, и здѣсь плоды этой работы могутъ быть огромны. Иллюстраціей къ статьѣ профессора экономиста можетъ служить бытовая очеркъ беллетриста Гусева—Оренбургскаго—„Надъ умирающимъ озеромъ.“

Въ этомъ очеркѣ описанъ новый типъ духовнаго лица—о. діакона директора акціонерной фабрики сушеныхъ, овощей.

„Вокругъ озера Неро—царство овощей.“

Кольцо селъ и деревень, разбросавшихся у тинистыхъ береговъ его, уже десятки лѣтъ живетъ-огородничествомъ, прославившимъ по всей Россіи этотъ уголокъ деревни ростовской земли. Тамъ, гдѣ зачиналась исторія, вѣками шли междуусобныя кровавыя распри, и потомъ медленно умирала древняя Русь подъ напоромъ московскихъ стяжаній,—теперь процвѣтаетъ пастернакъ, пыжится капуста, вьется зеленый

горошекъ и цѣлые просторы захватили огурцы, морковь, свекла, сельдерей и петрушка. Ими живутъ, ими мыслятъ, вокругъ нихъ сплелись всѣ интересы жизни. Древній Ростовъ сталъ столицей этого своеобразнаго и мирнаго царства. Милліоны пудовъ сушеныхъ овощей проходятъ черезъ ростовскіе базары, оставляя въ воздухѣ свою сладкую пыль, въ душистыхъ пакетахъ съ этикетками: „щи“, «борщи» или «супъ», развозятся по всей Россіи, до самыхъ дальнихъ уголковъ ея, а въ настоящій моментъ питаютъ армію.

Какъ-то, въ ростовскомъ трактирѣ, прислушаваясь къ бесѣдѣ оптовиковъ,—людей съ своеобразными фамиліями: Митричевъ, Макарычевъ, Сидорычевъ,—я заинтересовался именемъ дьякона, все время мелькавшаго въ шумѣ разговора.

—Заозерный дьяконъ говоритъ, что въ ростовскомъ уѣздѣ картошки много...

Кто-то косматый и краснолицый подтверждаетъ.

—Онъ зна-а-еть!

Какъ-же ему не знать, когда онъ для завода по всѣмъ уѣздамъ скупаешь.

—Онъ у нихъ главный управитель, дьяконъ-то.

Краснолицый все басилъ.

Деле-е-хторъ!

Комбинація сопоставленій была достаточно интересной, чтобы вызвать желаніе посмотрѣть на дьякона.

Далѣе въ очеркѣ идетъ описаніе поѣздки автора въ село Заозерье къ о. діакону и бесѣда съ отцомъ діаконъ за чаемъ. Изъ этой бесѣды беремъ болѣе характерныя мысли о. діакона о его кооперативныхъ занятіяхъ.

„Интересуетесь нашимъ дѣломъ?—обратился онъ ко мнѣ,—дѣло хоро-о-шее... только трудное. Вѣдь все на мнѣ лежитъ: я, во-первыхъ, я, во-вторыхъ и въ-третьихъ. Народъ нашъ малограмотный, писемоводствомъ я завѣдую. И за дровами, вотъ, приходится ѣздить самому, и за овощью по уѣздамъ рыскать,—заводъ большой, своего-то посѣву на

хватаетъ. Послѣ чайку покажу вамъ нашъ заводикъ, онъ тутъ неподалеку, съ полверсты.хлопотъ много, а все я разрываюсь. Недавно два вагона лѣску погнило... бѣгалъ-бѣгалъ по Ростову: кому взятку дать? Насилу нашелъ. А безъ этого невозможно: и на желѣзныхъ дорогахъ вынче коммерція пошла..

Частенько бываетъ, что и въ Ростовъ съ товаромъ ночью выѣдешь. Сдашь, за нагрузкой полѣдишь, подмажешь, гдѣ надо. Тутъ бы и отдохнуть... а надо отчеты писать, товаръ сортировать, собранья собирать. А ужъ эти собранья хуже всякого дѣла заматываютъ. Народъ здѣсь къ артели весьма способный, но подозрительный: другъ другу не довѣряютъ. Сколько словъ потратишь, пока ихъ во едино соединишь! Вѣдь и артель-то съ меня пошла. Прежде каждый въ одиночку сушиль, ну а развѣ это производство? Всячески, бывало, убѣждаю: артель—моль, дѣло святое, апостолы артелью рыбку ловили и Христосъ былъ посреди ихъ... Чего бы только артелью народъ сдѣлать не могъ! Есть около села болото: кочки, уйма земли пропадало. Ходилъ я вокругъ болота и досада меня брала. Пришелъ къ старикамъ:—зачѣмъ вы, говорю, старички, свой интересъ теряете, даромъ арендаторовъ держите?—Гдѣ?—шумять.—Въ болотѣ. Такъ они и уставились на меня.—Какіе арендаторы въ болотѣ?—А черти-жъ, говорю—извѣстно, что они въ болотѣ живутъ, даромъ мѣсто занимаютъ, надо ихъ новыгнать оттуда.—Какъ?—Да кочки срѣзати!. На смѣхъ они сначала меня подняли, однако-же сталъ я убѣждать ихъ. Годъ убѣждалъ, два убѣждалъ. Соединились всѣмъ селомъ, срѣзали кочки, больше тысячи рублей потратили. И что-жъ вы думаете? Въ первый-же покосъ все вернули! Такіе теперь тамъ луга стали, посмотрѣли бы вы весной: мо о-ре! Смѣюсь я имъ:—правда, говорю, старички, что теперь намъ и черти не страшны, перехитрили мы ихъ?.. Смѣются:—правда!.. А болото это мнѣ и доселѣ покою не даетъ. Все хочу съ инженерами переговорить. Ис-моему убѣжденію, тамъ торфъ.

Топливо-же намъ, овощникамъ, до зарѣзу нужно. Въ прежнія времена по округѣ были дремучіе лѣса, а теперь осталось одно лысое мѣсто: все свели. Часть фабрики поѣли, а что оставалось—нѣмцу досталось.

—Какому нѣмцу?

—Пріѣзжалъ тутъ нѣмецъ, Карль Фердинандычъ, или какъ его тамъ. Года два жилъ. Весь лѣсъ скупилъ, свелъ, продалъ и уѣхалъ.

—Куда?

—Въ Германію, куда ему больше. И лѣсъ въ карманѣ увезъ. У насъ все такъ. Вотъ я и убѣждаю стариковъ: пока какая-нибудь нація не захватила болота, самимъ торфъ добывать. Надо будетъ въ земствѣ поговорить: чего они смотрять. Пусть бы и тутъ на артель подбили округу цѣлую, болоту то вѣдь конца нѣтъ, даромъ капиталы пропадаютъ, а заводы скоро безъ отопленія останутся. Меня бы старики и послушали, да дѣло-то сложное: машины нужны, инженеръ нуженъ, или кто тамъ, землевѣдецъ какой-нибудь. Надо съ толкомъ начинать, а то засмѣютъ.

Послѣ чая мы отправились на заводъ.

Среди снѣжнаго поля, близъ берега Неро, въ морозномъ туманѣ сіяли электрическіе фонари, освѣщая пространное каменное зданіе, съ тонкими черными трубами, и деревянныя постройки вокругъ. Внутри зданіе шумѣла дивамашина, было свѣтло и жарко: пылали печи. Въ широкомъ корридорѣ, куда выходили жерла печей и дверцы каруселей, полураздѣтые люди, лохматые и потные, возились съ громадными подносами, наглядывали на нихъ мелко изрѣзанные овощи и ставили на крылья каруселей. Дьяконъ водилъ меня по своей сушильнѣ, объяснялъ устройства печей, показывалъ, какъ вращаются карусели, какъ подъ сверкающими дисками рѣзаковъ быстро рѣжутся овощи.

—Все нѣмецкое,—говорилъ онъ,—даже карусели отъ нѣмцевъ взяты, хотя и усовершенствованы уже здѣшними изобрѣтателями. Народъ нашъ способный, только ходу ему нѣтъ. Вотъ рѣзакъ, на примѣръ... свой, здѣшній изобрѣлъ, только дискъ отъ нѣмцевъ перенялъ.

Онъ ходилъ, объяснялъ, показывалъ, видъ у него сталъ хозяйственно строгій, онъ выпрямился, сдѣлался какъ будто выше ростомъ, отъ жары вздохматился.

—Динамомашина... прелесть одна, на сто версть не найдешь. Свое электричество!

Смотрѣлъ гордо.

Кричалъ кому-то въ жаръ корридора:

—Иванъ, не пересуши капусту.

—Какъ можно, о. дьяконъ.

—Сколько часовъ сушится?

—Восемь.

—Для капусты довольно. Пережужишь, вынимай!

Кому-то выговаривалъ:

—Развѣ такъ рѣжутъ? Наблюдать надо, свое, чать, дѣло-то!

Посмотрѣлъ на меня и звѣрски покрутилъ головой съ недовольнымъ видомъ.

—Вездѣ свой глазъ нуженъ!

...Провожая меня, онъ сказалъ, усади въ меня въ санки и старательно укутавъ:

—Привъжайте къ намъ весной... У насъ здѣсь чудесно!

Указавъ вытянутой рукой на снѣжную равнину Неро.

—А говорятъ, его выпустить хотять?

—Пустой разговоръ,—нахмурился онъ,—наши согласія не дадутъ. Развѣ-жъ можно такую красоту уничтожить? Вотъ отъ тины его освободить давно пора.

—А какъ это дѣлаютъ?

—Придетъ время. . инженеры сдѣлаютъ!

Я съ любопытствомъ посмотрѣлъ на него: такая вѣра звучала въ его словахъ... (К. М.).

№.

Редакторъ Протоіерей Платонъ Петровъ

Печатать дозволяется. Кіевъ 16-го Января 1916 года.

Цензоръ Протоіерей Николай Гроссу



РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ШЕСТЬ руб., съ пересылкою СЕМЬ
рублей.

№ 3

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевокой духо-
вой Семинаріи.

1917 года 1-го февраля.

Содержаніе: I. Христіанская вѣра и война. Архіеп. Антонія.—II. Еще одинъ камень. В. Садовничаго.—III. Евангелическо-соціальные ученія. Г. Попова.—IV. Изъ повременной печати. Н. Г.—V. Они воскреснутъ. Н. Никольскаго.—VI. Мысли о Іоанна Кронштадтскаго о пастырскомъ служеніи.—VII. Полковой батюшка. Г. П.

Христіанская вѣра и война.

Допустимъ, скажетъ нашъ читатель, вы правы относительно настоящей патріотической и освободительной войны; ну, а какими побужденіями заставили бы вы русскаго солдата и офицера участвовать въ непатріотическомъ походѣ 1848 года, а если бы онъ участвовалъ въ немъ, то какъ бы научили его справляться съ запросами совѣсти?

На такой вполне опредѣленный вопросъ у насъ и отвѣтъ вполне прямой, предудказанный нами въ началѣ статьи, какъ и на два другіе вполне опредѣленные вопроса. 1) Если царь или правительство предпріяли войну

по какимъ-либо корыстолюбивымъ и честолюбивымъ побужденіямъ, или по капризу, или по собственному произволу, а не по насущной нуждѣ вѣреннаго имъ государства, то, конечно, они виноваты и грѣшатъ, 2) погрѣшаетъ ли, не соглашаясь участвовать въ такой войнѣ воинъ или часть войска?—все таки, въ большинствѣ случаевъ погрѣшаетъ, ибо отъ ослушанія происходитъ война междоусобная, болѣе ужасная, чѣмъ война международная. Такъ были бы достойны осужденія солдаты, или даже полки, если бы они отказались участвовать въ Венгерскомъ походѣ 48 года; но мы не выскажемъ осужденія греческимъ легіонамъ, которые, вопреки волѣ автинаціональнаго правительства, рвутся на войну противъ нѣмцевъ; не осуждаемъ и австрійскихъ славянъ, добровольно сдающихся нашей арміи; въ подобныхъ случаяхъ нужно ставить себѣ слѣдующій вопросъ: при какомъ выборѣ произойдетъ меньшее зло и наибольшая польза для православной вѣры и родного племени? Вопросъ этотъ разрѣшается не просто и весьма различно, когда государство находится въ переходномъ состояніи отъ небытія къ бытію и обратно; если же оно находится въ состояніи прочнаго порядка, то непослушаніе воиновъ, какому бы то ни было призыву правительства къ войнѣ, ведетъ страну къ худшимъ послѣдствіямъ, чѣмъ даже неразумно предпринятая война. Уклоненіе же отъ участія въ войнѣ освободительной и самозащитной есть несмыслимый грѣхъ предъ Богомъ. Также должно отвѣчать и на третій вопросъ, поставленный въ началѣ статьи о вспомошествоющемъ участіи мирныхъ гражданъ военному дѣлу. Нѣтъ словъ для достаточнаго осужденія преступности фабрикантовъ, купцовъ и помѣщиковъ, наживающихся отъ военнаго бѣдствія. То же должно сказать о несчастныхъ загнипотизированныхъ и терроризированныхъ нѣмецкими и еврейскими шпионами студентахъ, устраивающихъ демонстраціи съ кри-

ками „долой войну“, о чемъ съ большимъ аппетитомъ печатается въ австрійскихъ, нѣмецкихъ и македонскихъ газетахъ.

Если дѣтскій, или напротивъ, преклонный возрастъ, женскій полъ, люди болѣзненные, лица священнаго чина и, наконецъ, люди, несущіе какіе нибудь социальныя обязанности, освобождаются отъ дѣятельнаго участія въ сраженіяхъ, то отъ сильной помощи роднымъ воинамъ и военному дѣлу не можетъ освободить гражданина никакое званіе, ни полъ, ни возрастъ. Не говоря уже о правственной связи съ родиной и арміей, всякій долженъ помнить, что своею безопасностью и благополучіемъ онъ обязанъ тѣмъ безчисленнымъ смертямъ и болѣзнямъ, которымъ за него подвергаются родные воины. Имъ сладко умирать за отечество, когда они знаютъ, что весь народъ, все населеніе словомъ и дѣломъ рады помочь имъ. Напротивъ, несочувствіе взбунтованной интеллигенціи и еврейской печати было одной изъ главныхъ причинъ ослабленія нашихъ воиновъ во время Японскаго похода: стоитъ ли умирать за отечество, сыны котораго сами его ненавидятъ и разрушаютъ?—Такое пагубное вліяніе революціонныхъ вспышекъ на духъ арміи отлично понимаютъ наши враги и поэтому тратятъ большія деньги, чтобы вызвать студентовъ на революціонныя демонстраціи.

Меня особенно возмущаетъ, когда протесты противъ всякой войны и противъ полиціи раздаются со стороны людей, которые ни одного дня не могутъ прожить безъ охраны той и другой. Такъ, Левъ Толстой, проповѣдывавшій непротивленіе и уничтоженіе всякаго государственнаго строя, когда въ 1905 году дѣло дошло до пракческаго отрицанія права собственности, принужденъ былъ, не довольствуясь общегосударственной охраной, устраивать цѣлый отрядъ собственныхъ вооруженныхъ объѣзчиковъ и силою разгонять лѣсныхъ хищниковъ.

„Не ожидалъ я отъ служителя Божія похвалъ войнѣ“, пишетъ мнѣ „христіанинъ“ Толстовскаго направленія. Будутъ толстовцы отзываться въ такомъ же неискренномъ духѣ и объ этой печатной статьѣ. Но пусть они загвоздятъ себѣ на лбу, что я войну не хвалю, не оправдываю, но считаю меньшимъ зломъ, чѣмъ уклоненіе отъ нея царей, правительствъ, народовъ и отдѣльныхъ гражданъ при такомъ положеніи вещей, какое было два года тому назадъ.

„Но вѣдь Христось велѣлъ любить всѣхъ людей безъ различія вѣръ и народностей“, такъ начинаютъ опять ссылаться на слова Божія, въ которыя сами не вѣрятъ, наши пацифисты. Не имѣя возможности болѣе возражать противъ разумныхъ доводовъ о неизбѣжности войнѣ, не рискуя болѣе приводить опредѣленныхъ мыслей изъ Евангелія, они теперь ссылаются на общій духъ его: «Христось велѣлъ любить враговъ, вѣдь Онъ сказалъ: нѣсть еллинъ, ни іудей»... Продолжить этого изреченія они уже не могутъ, ибо, зная твердо много куплетовъ изъ Беранже, они не въ состояніи привести ни одного выраженія изъ Слова Божія и, въ частности, это изреченіе они совершенно напрасно приводили противъ еврейскихъ погромовъ. Противъ погромовъ говорили, писали, печатали и мы, но, во-первыхъ, не приписывали Христу словъ Апостола Павла, а, во-вторыхъ, и нашимъ космополитамъ не советуемъ исказать смыслъ священныхъ изреченій, но, хотя бы разъ въ жизни, прочесть ихъ цѣликомъ. Апостоль пишетъ вступившимъ въ Церковь Христову, чтобы они облеклись въ ней въ новаго человѣка, совлекишись ветхаго, ибо здѣсь „нѣтъ ни элина, ни іудея, ни обрѣзанія, ни необрѣзанія, варвара, скифа, раба, свободнаго; но все и во всемъ Христось (Колос. 3, 11). Какъ видите, рѣчь идетъ не о разныхъ вѣрахъ, а только о православныхъ христіанахъ, т. е., сынахъ Церкви, которые должны любить другъ друга, независимо отъ народности и сословія.

Впрочемъ, мы, конечно, далеки отъ того, чтобы отрицать, подобно нѣкоторымъ неумѣреннымъ патріотамъ, что Христосъ велѣлъ любить людей всѣхъ вѣрь и всѣхъ народностей, не исключая и политическихъ враговъ, но никто, внимательно читавшій Евангеліе, не будетъ искать спеціальнаго указанія на послѣднихъ въ словахъ Христовыхъ: „Любите враговъ вашихъ“, какъ это дѣлалъ, весьма недобросовѣстно, Левъ Толстой. Приведенныя слова Христовы касаются враговъ личныхъ, чего не хотѣлъ принять Левъ Толстой, имѣвшій черствую, самолюбивую душу, и посему считавшій любовь къ личнымъ врагамъ невозможной: „любить враговъ? это невозможно: это была бы прекрасная утопія, но не разумная заповѣдь—Христосъ не могъ требовать отъ людей невозможнаго. Я могу не вредить своимъ врагамъ, но любить ихъ—это немислимо“ („Царство Божіе внутри васъ есть“). Изъ такихъ соображеній авторъ выводитъ заключеніе, что слова Христовы: „любите враговъ вашихъ“, касаются только политическихъ, а не личныхъ враговъ.—Мы часто останавливались въ своихъ писаніяхъ на этомъ ложномъ выводѣ Толстого, чтобы показать, какъ жестоко ошибается наша публика, представляя этого писателя учителемъ Христовой любви, тогда какъ онъ прямо ее отрицаетъ, низводя великую заповѣдь на степень безразличнаго космополитизма.

Какой же подлинный смыслъ заповѣди? Никто не рѣшится спорить противъ того, что она требуетъ любви къ врагамъ личнымъ, если только дочтаетъ слова Христовы до конца этой главы. „А Я говорю вамъ: любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ, и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ; да будете сынами Отца вашего небеснаго; ибо Онъ повелѣваетъ солнцу Своему восходить надъ злыми и добрыми, и посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ. Ибо, если вы будете любить любя-

щакъ васъ, какая вамъ награда? Не то же дѣлають и мытари? И если вы привѣтствуете только братьевъ вашихъ, что особеннаго дѣлаете? Не также ли поступаютъ и язычники? Итакъ, будьте совершенны, какъ и Отецъ вашъ небесный“ (Матѳ. 5; 44—48).

«Но вы же не отрицаете любви къ политическимъ врагамъ?» скажетъ намъ читатель. Не отрицаю. «Итакъ нужно любить нѣмцевъ и турокъ?» Непремѣнно, отвѣтимъ мы. «Такъ какъ же я буду убивать того, кого люблю? Вѣдь большаго зла, чѣмъ отнять жизнь, никто ему не можетъ сдѣлать!» Таковъ взглядъ Льва Толстого и всѣхъ отрицателей будущей жизни. Конечно, если ея нѣтъ, то оцѣнка дѣйствій со стороны добра и зла исчезнетъ: высшимъ благомъ является не добродѣтель, а наслажденіе своимъ существованіемъ безъ всякой опредѣленной цѣли. „Если мертвые не воскресаютъ, станемъ ѣсть и пить, ибо завтра умремъ“ (1 Кор. 15, 32).

Для людей же вѣрующихъ тѣлесная смерть, своя ли или чужая, не является наибольшимъ зломъ, и можно отнимать жизнь, нисколько не ненавидя, но жалѣя своего противника. Въ началѣ сего года, когда я однажды прибылъ въ дѣшнюю саперную казарму для духовной бесѣды, дежурный офицеръ показалъ мнѣ солдата съ Георгіевскимъ крестомъ и сказалъ: „Мы съ нимъ на этихъ дняхъ прибыли сюда на поправку съ позицій; онъ къ концу одной атаки разрубилъ плечо австрийцу и сейчасъ же побѣждалъ за водой и, принеся ее въ своей фуражкѣ, омылъ врагу рану, перевязалъ собственнымъ бѣльемъ и на своихъ плечахъ отнесъ его на ближайшій медицинскій пунктъ“.

Наши солдаты, идя на поле битвы (мы ихъ напутствовали изъ Харькова за эти два года въ числѣ болѣе 150000), думаютъ не о томъ, какъ они будутъ убивать, но о томъ, какъ они будутъ умирать. Въ ихъ глазахъ

воинъ представляется не самодовольнымъ побѣдителемъ, а самоотверженнымъ подвижникомъ, полагающимъ душу свою за вѣру, Царя и Отечество.

Да развѣ можно участвовать въ рукопашномъ бою, не проникаясь звѣрскою злобою?—Конечно, трудно никогда не подвергнуться злему чувству въ такое время, но подобное чувство почти неизбѣжно и въ другихъ, безспорно благородныхъ и даже святыхъ, родахъ службы и дѣятельности. Спросите лазаретныхъ докторовъ и сидѣлокъ, фельдшеровъ и служителей дома умалишенныхъ, далѣе, школьныхъ учителей и учительницъ, надзирателей и воспитателей за мальчиками, наконецъ родителей, воспитывающихъ своихъ собственныхъ дѣтей: могли ли они, хотя бы на одну недѣлю, а то даже и на одинъ день, обойтись безъ раздраженія, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ безъ толчковъ, ударовъ и даже порки своихъ кліентовъ? Часто это раздраженіе бываетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ горячѣ ихъ любовь къ дѣтямъ или больнымъ.—Правда, на войнѣ гнѣвъ бываетъ у большинства болѣе сильный, чѣмъ въ приведенныхъ примѣрахъ, но въ русскомъ сердцѣ онъ потухаетъ сейчасъ же по прекращеніи рукопашной битвы и замѣняется чувствомъ жалости и дѣлами милосердія. При всемъ этомъ ни Церковь, ни русскіе воины не считаютъ самаго чувства такого гнѣва справедливымъ; на этомъ основано каноническое правило Василия Великаго, утвержденное Вселенскими соборами. „Убіеніе на брани отцы наши не вмѣняли за убійство, извиняя, какъ мнится мнѣ, поборниковъ цѣломудрія и благочестія. Но можетъ добро было бы совѣтовати, чтобы они, какъ имѣющіе нечистыя руки, три года удержались отъ приобщенія токмо святыхъ Таинъ“. (Правило 13).

Чувствую, что Толстовцы злорадно рукоплещутъ, прочитавъ это правило, и будутъ корить солдатъ: „Вы три года не имѣете права причащаться“;—но не злорадствуйте, друзья: правило это, соблюдалось въ то время

высокаго благочестія, когда причащенія лишались за та-
кіе грѣхи, которыхъ вы и грѣхомъ не считаете: за еди-
нократное нарушеніе поста на два года, за грѣхъ блуда
на 7 лѣтъ, за прелюбодѣяніе на 15 лѣтъ, за вытравленіе
плода на 10 лѣтъ, за сокрытіе своей вѣры во Христа
подъ страхомъ пытки на 20 лѣтъ, а поды страхомъ
насмѣшекъ на всю жизнь до смертнаго часа (кто изъ
современной интеллигенціи не виновенъ въ послѣднемъ
грѣхѣ!). Хотя всѣ эти епитиміи утверждены Вселенскими
соборами, но при теперешнемъ упадкѣ благочестія и труд-
ности бороться съ грѣхомъ онѣ ослаблены до крайней
степени, а епитиміи для воиновъ была упразднена Цер-
ковью еще во времена высокаго благочестія, когда уси-
лились ѳвойны съ магометанами, о чемъ свидѣлствуютъ
древніе византійскіе канонисты—Зонара и Вальсамонъ;
это найдете въ примѣчаніи къ указанному правилу святого
Василія въ Книгѣ Правиль Вселенскихъ соборовъ.

Наконецъ, мы имѣемъ совершенно ясное ученіе Цер-
кви объ убійствѣ на войнѣ, изложенное въ каноническомъ
посланіи св. Аѳанасія Великаго къ Аммуну монаху,
утвержденномъ Шестымъ Вселенскимъ соборомъ. Этими
словами Церкви, или точнѣе Святаго Духа, говорящаго
ея устами, мы и закончимъ настоящую статью. „Въ раз-
личныхъ случаяхъ жизни обрѣтаемъ различіе, бывающее
по нѣкоторымъ обстоятельствахъ, на примѣръ: не позво-
лительно убивать, но убивать враговъ на брани и за-
конно и похвалы достойно. Тако великихъ почестей спо-
добляются доблесные во брани, и воздвигаются имъ стол-
пы, возвѣщающіе ихъ превосходныя дѣянія. Такимъ об-
разомъ, одно и то же, смотря по времени, и въ нѣкоторыхъ
обстоятельствахъ, не позволительно, а въ другихъ обсто-
ятельствахъ, и благовременно, допускается и позволяется.
Такожде и разсуждати должно и о тѣлесномъ совоку-
пленіи. Блаженъ, кто въ юности, состава свободную чету,

употребляетъ естество къ дѣторожденію. Но аще къ любо-
страстію: то блудники и прелюбодѣи подвергаются казни,
возвѣщенной апостоломъ“.

Убійство предѣсудительно, какъ дѣло произвола и не-
нависти, т. е., убійство личное, но убіеніе врага на войнѣ
„допускается и дозволяется“ (Рус. Инокъ).

Архіеп. Антоній.

Еще одинъ камень!..

Въ газетѣ „Петроградскія Вѣдомости“ ¹⁾ помѣщена
статья о духовенствѣ іеромонаха Серапіона, подъ загла-
віемъ: „Милость и истина не срѣтостася“. Непріятный оса-
докъ оставляетъ статья эта въ душѣ читателя. Авторъ, съ
присущей ему развязностью, высказываетъ много необду-
манныхъ и одностороннихъ мыслей, позволяетъ себѣ пуб-
лично клеймить и, не стѣсняясь даже въ выраженіяхъ,
оскорблять наше духовенство. Конечно, о. Серапіонъ далеко
не является выразителемъ взглядовъ лучшей части акаде-
мическаго монашества, съ которою у него мало общаго, и
потому естественнымъ и лучшимъ отвѣтомъ на его статью
было бы полное игнорированіе ея, какъ произведенія впа-
шаго въ болѣзненную «прелесть» инока. Однако, затрону-
тые въ статьѣ вопросы являются больнымъ мѣстомъ совре-
менной намъ церковной дѣйствительности, касаются жизни
и дѣятельности сельскихъ пастырей, и потому остановимъ
на нихъ наше вниманіе.

Поводомъ къ написанію статьи послужило ходатайство
товарища оберъ-прокурора Св. Синода о предоставленіи ду-
ховенству права на льготный проѣздъ по желѣзнымъ доро-
гамъ съ билетами третьяго класса во второмъ классѣ. О.
Серапіонъ находитъ, что отъ этого „никакой пользы не бу-

¹⁾ 1916. №241.

детъ ни для интеллигенціи, ни для народа. Наоборотъ, интеллигенція всегда будетъ роптать на необходимость близкаго сосѣдства съ „некультурнымъ попомъ“ (а чище быть—денегъ нѣтъ, и давать больше незачѣмъ тѣмъ, которые должны быть не богаче любого изъ многихъ своихъ пасомыхъ), а для самихъ духовныхъ лицъ будетъ вредно такое барство; они пошло обуржуазятся“. Вотъ главные основанія, по которымъ авторъ статьи протестуетъ противъ представленія желѣзнодорожной льготы духовенству. Насколько эти основанія правильны, намъ нѣтъ необходимости подробно распространяться. Но нужно быть ужь слишкомъ низкаго мнѣнія о духовенствѣ, чтобы писать такія фразы. А что о. Серапіонъ смотритъ на него, дѣйствительно, свысока, объ этомъ свидѣтельствуетъ какъ весь тонъ его статьи, такъ и отдѣльныя ея мѣста.

Защищая „финансовую бюрократію“, которая, по выраженію о. Серапіона, „презрительно относится къ служителямъ Церкви, представляющимъ ей во образѣ „толстовскаго жирнаго, нечесавнаго, грязнаго попа“, съ которымъ не совѣмъ удобно сидѣть рядомъ“, онъ пишетъ далѣе: «развѣ совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности нарисованный типъ православнаго священника? Развѣ эту картину мы встрѣчаемъ только у Толстого или у другихъ литераторовъ, а не въ историческихъ документахъ и не въ дѣйствительной жизни? Вѣдь, извѣстно всѣмъ, знающимъ непосредственно русскую жизнь, или читавшимъ о ней въ исторіи, что наше духовенство почти сплошь всегда было некультурно, не только во внѣшнемъ отношеніи—это еще далеко не ми- нусъ—но и во внутреннемъ, психическомъ... Некультурность эта вытекла, во-первыхъ, изъ бѣдности: во-вторыхъ, изъ отчаяннаго пьянства, въ которомъ «попы» не только не уступали мірянамъ, но даже и превосходили ихъ. Некультурность, выражающаяся въ видѣ грязной одежды, нечесаныхъ волосъ, неуклюжести манеръ и обусловленная недостаткомъ времени и матеріальныхъ средствъ, не вызыва-

еть къ себѣ такого чувства брезгливости, какъ та бытовая некультурность, которая органически связана съ психическою некультурностью».

Продолжая развивать свои мысли въ этомъ духѣ и далѣе, о. Серапіонъ нисколько не высказываетъ скорби и сожалѣнія по поводу такой „некультурности“ духовенства. Онъ признаетъ ее какъ бы естественнымъ и нормальнымъ явленіемъ, находя, что „какова паства, таковъ долженъ быть и пастырь“. О. Серапіонъ ни за что не хочетъ допустить, чтобы пастырь былъ образованнѣе и культурнѣе своей паствы. Онъ горячо протестуетъ противъ этого, пуская въ ходъ всю силу своего „интеллигентнаго“ вкуса и стиля.

„Нормы и градаціи культурной жизни должны входить формирующими питями и въ религіозную жизнь. Интеллигенты воспринимаютъ христіанство и, вообще, религію въ философскихъ и иныхъ научныхъ аспектахъ. Эти аспекты находятся то въ необходимой, то въ случайной конъюгаціи съ культурнымъ этикетомъ. И пастыри для интеллигенціи должны быть воспитаны и культурны для того, чтобы не производить антиэстетической „тошноты“ у своей паствы, чтобы не плюнуть на коверъ и не испортить воздуха въ комнатѣ и т. д. Другое дѣло—пастыри для низшихъ классовъ, которые, наоборотъ, иногда тяготятся присутствіемъ культурнаго человѣка. Поэтому священникъ со всѣми культурными навыками—типичный интеллигентъ или баринъ—будетъ тягостенъ и, прямо таки, невыносимъ для крестьянъ, и во всякомъ уже случаѣ они никогда не могутъ быть близки къ нему. И тѣ сельскіе священники, которые стремятся во что бы то ни стало, хоть на скорую руку, поверхностно окультуриться, завести себѣ качалку и фортепіано, тросточку и сигару, только подрываютъ свой авторитетъ и въ народной массѣ, и въ интеллигенціи. И дѣйствительно, что же это за проповѣдываніе высочайшаго Евангельскаго идеала, когда священникъ, живя среди лапотниковъ и хлѣборобовъ будетъ вышвыривать деньги на изящные штіблеты и щего-

лять ими? Въдь, религіозная проповѣдь не можетъ быть одной лишь теоріей, отвлеченнымъ отъ текущей дѣйствительности дѣланіемъ, а необходимо должна быть въ органической связи съ жизнью... Это—не математика и даже не медицина. Поэтому совершенно напрасно нынѣ заботятся много объ „улучшеніи быта духовенства“, понимаемаго большею частью лишь въ матеріальномъ смыслѣ. Не улучшить, а ухудшить нужно этотъ бытъ въ томъ отношеніи, чтобы не посылать въ деревни испорченныхъ городскою культурою и потерявшихъ цѣломудренное воспріятіе міра семинаристовъ, а поставлять въ сельскіе священники исключительно изъ среды самихъ крестьянъ, давъ имъ двухгодичное религіозное образованіе. Благочинія, самаго элементарнаго, вообще, приличія и религіозной восторженности нѣтъ у многихъ нашихъ „студентовъ семинаріи“. А претензій у этихъ „студентовъ“ такъ много, что ихъ никакъ не могутъ удовлетворить жалкіе гроши нашихъ бѣдныхъ мужичковъ. Пробывъ десять лѣтъ въ городской атмосферѣ, походивъ и даже пощеголявъ столько же времени въ тужуркѣ съ ясными пуговицами и папирской въ зубахъ и изваркотизировавъ себя уличными зрѣлищами и магазинными витринами, юноша уже никакъ не сможетъ свыкнуться съ деревенскою простотою и разными „качалками“ хочетъ восполнить отсутствіе городской обстановки. А на это нужны деньги и немалыя. Далѣе, производитъ онъ дѣтокъ. Ихъ онъ хочетъ воспитывать, какъ городскихъ дѣтей,—какъ дѣтей, если не высшихъ, то среднихъ классовъ,—одѣваетъ въ разные модные костюмчики, покупаетъ, игрушекъ. Года идутъ, нужно отдавать дѣтей въ „заведенія“ учиться, выводить ихъ въ люди (какъ будто крестьянинъ или ремесленникъ не человѣкъ!). А для этого опять нужно то же: деньги и деньги! Помилуй, Богъ! Какая матеріализація существованія провозвѣстника Христовой истины!

Сколько непониманія, односторонности, поспѣшности въ выводахъ, фразерства и, мѣстами даже кажется, намѣреннаго злословія въ этихъ разсужденіяхъ! Прежде всего,

никакой здравомыслящій человекъ не согласится съ основнымъ положеніемъ разсужденій о. Серапіона, что пастырю незначѣмъ быть въ умственномъ и культурномъ отношеніи выше своихъ пасомыхъ. У насъ, на Руси, духовенство было искони проводникомъ въ народъ, кромѣ высокихъ Евангельскихъ истинъ, также просвѣщенія и культуры. Русскій народъ искони привыкъ обращаться, къ своему пастырю не только за духовнымъ утѣшеніемъ и наставленіемъ. Онъ искалъ у него совѣта въ житейскихъ и общественныхъ дѣлахъ, онъ шелъ къ своему пастырю также, какъ къ юристу, врачу, агроному и т. д. Авторитетъ священника не только какъ пастыря—молитвенника, но и какъ руководителя въ жизни и ученаго всегда стоялъ высоко въ народѣ. И этотъ авторитетъ падалъ только тамъ, гдѣ пастырь оказывался человекомъ, недостаточно подготовленнымъ къ своему высокому служенію. Теперь же, когда жизнь предъявляетъ къ намъ все большіе и большіе запросы, ратовать за сокращеніе или, какъ это желательно о. Серапіону, за полное прекращеніе общей образованности для пастырей (назначать священниками еле выучившихся читать по-славянски мужичковъ) въ высшей степени нелѣпо и даже преступно. Мы не говоримъ уже о томъ, что при отсутствіи общей образованности не можетъ быть и рѣчи объ образованности богословской.

Теперь, съ прекращеніемъ пьянства, у насъ подвнялся вопросъ объ устройствѣ народныхъ домовъ, какъ разсадниковъ просвѣщенія; заговорили о духовенствѣ, какъ о руководителяхъ и дѣятельныхъ участникахъ во многихъ культурно-просвѣтительныхъ начинаніяхъ, и вотъ въ такой важный историческій моментъ раздается голосъ за привлеченіе въ ряды пастырей людей полуграмотныхъ или даже совсѣмъ неграмотныхъ. Жизнь идетъ впередъ, а о.о. Серапіонамъ хочется, чтобы духовенство въ научномъ и культурномъ отношеніи дѣлало шаги назадъ и этимъ измѣняло своему высокому призванію. Можетъ быть, по какому-либо особымъ со-

ображеніямъ имъ это и представляется выгоднымъ (для разныхъ ограниченностей, стремящихся къ власти, пріятнѣе имѣть у себя въ подчиненіи людей темныхъ и безотвѣтныхъ, нежели просвѣщенныхъ), но для Церкви, для русскаго народа, осуществленіе подобныхъ плановъ принесетъ одинъ лишь вредъ и паденіе пастырскаго авторитета со всѣми вытекающими отсюда послѣдствіями.

Культура и просвѣщеніе, правильно воспріятыя человекомъ, могутъ лишь содѣйствовать благу его самого и тѣхъ, руководителемъ кого онъ состоитъ. Культура и просвѣщеніе не отрицаютъ собою христіанства и наоборотъ; они всегда шли параллельно въ исторіи духовнаго развитія человѣчества. И потому пастырь Церкви Христовой долженъ быть не только святымъ, но и культурнымъ, просвѣщеннымъ человекомъ, ибо «если слѣпой поведетъ слѣпое, то оба упадутъ въ яму» Пастырь не можетъ чуждаться культуры и просвѣщенія; долгъ его—вносить въ эти области элементъ христіанскій, вліять на ихъ дальнѣйшее развитіе въ духѣ Евангельской Истины, по мѣрѣ возможности направлять ихъ на путь въ союзѣ съ Церковію. Какъ можетъ онъ все это сдѣлать, стоя въ сторонѣ отъ жизни? У насъ теперь часто раздаются жалобы на расхожденіе современной культуры и просвѣщенія съ христіанствомъ. Явленіе это, безусловно, ненормальное, могущее въ концѣ концовъ повлечь за собою страшныя катастрофы въ жизни человѣчества (одною изъ каковыхъ является современная намъ кровавая война), и причиною его является отчасти малодѣятельность учащей церкви, которая слишкомъ узко понимаетъ свое назначеніе здѣсь, на землѣ. Поэтому, одною изъ главныхъ задачъ современнаго пастырства есть стоящая на очереди работа христіанизации культуры и просвѣщенія, и чтобы достигнуть этой цѣли, пастырь долженъ быть въ своей жизни на землѣ выразителемъ единенія Христовой Истины съ культурой и просвѣщеніемъ, точкою соприкосновенія и примиренія этихъ важныхъ двигателей въ жизни человѣчества.

Въ подтвержденіе своихъ мыслей о вредѣ культуры и просвѣщенія для пастырей о. Серапіонъ ссылается на нѣкоторые факты изъ жизни духовенства. По поводу этихъ его ссылокъ скажемъ нѣсколько словъ. Если о. Серапіонъ видитъ культуру лишь въ качалкѣ, въ куреніи сигаръ, въ штиблетахъ, то остается лишь пожалѣть его за „высокую“ степень его собственной „культурности“. Правда, среди нашихъ іереевъ есть отдѣльныя лица, у которыхъ забота о своемъ внѣшнемъ благополучіи стоитъ выше всего, которые хотятъ показать изъ себя прежде всего свѣтскихъ джефтльменовъ, но это, вѣдь, лишь рѣдкія исключенія, которыя не даютъ еще права заключать въ эти рамки значительную часть нашего духовенства и клеймить и высмѣивать его на страницахъ свѣтской печати, какъ это дѣлаетъ о. Серапіонъ.

Намъ приходилось наблюдать какъ городское, такъ и сельское духовенство въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, приходилось бесѣдовать о духовенствѣ съ лицами, вышедшими изъ его среды или же близко знающими ее. Послѣ всего этого, нарисованные о. Серапіономъ общіе типы сельскаго іерея въ блестящихъ штиблетахъ съ сигарою и тросточкою, мечтающаго лишь о качалкѣ и пустыхъ удобствахъ жизни, или же типъ іерея—существо первобытнѣйшее, за которое нужно опасаться, какъ бы оно не вызвало „антиэстетической тошноты“ у „второкласной“ публики,—эти типы кажутся намъ злостной выдумкой празднаго, самообольщеннаго ума подъ вліяніемъ истерическаго темперамента автора. Изъ этихъ двухъ типовъ авторъ облюбовалъ себѣ послѣдній, и хотя говоритъ о немъ съ безразличностію, но тѣмъ не менѣе считаетъ его самымъ подходящимъ для села, о немъ мечтаетъ, какъ объ идеалѣ.

Такъ или иначе, но представленіе о. Серапіона о нашемъ православномъ сельскомъ духовенствѣ совершенно ложное. Онъ далекъ отъ него душою и сердцемъ, онъ не понимаетъ его, какъ не понимаетъ совершенно тѣхъ жизненныхъ условій, въ которыхъ приходится работать нашимъ

пастырямъ. Когда морщится великосвѣтскій фронтъ или какой—нибудь прожигатель жизни при видѣ скромной одежды сельскаго іерея, то это простиительно ему и понятно. Но когда ихъ глазами начинаетъ смотрѣть и ихъ языкомъ молоть „ученый“ инокъ, то это болѣе, чѣмъ стыдно! Не выставлять на потѣху и въ угоду „міру сему“, а благоговѣнно преклониться слѣдовало бы о. Серапіону предъ убогой и, быть можетъ, некрасивой на видъ, но зато незапятнанной нравственной грязью рясой нашего сельскаго пастыря. И можно съ увѣренностью сказать, что настоящій интеллигентъ отнесется съ большимъ, нежели у о. Серапіона, уваженіемъ къ вошедшему въ вагонъ, хотя бы даже и перваго класса, священнику.

Было бы очень печально, еслибы у насъ стали затруднять православному священнику входъ туда, гдѣ можетъ не понравиться его ряса. Не къ этому нужно вести дѣло. Нужно, чтобы на рясу смотрѣли вездѣ и всюду съ уваженіемъ, чтобы священнику былъ открытъ входъ не только въ лачугу бѣдняка, но и въ собранія знатныхъ и сильныхъ міра, чтобы къ его слову прислушивались не только люди темные, но и просвѣщенные. А для этого необходимо, во—первыхъ, ставить во священники не полуграмотныхъ мужичковъ, а лицъ, получившихъ законченное общее и богословское образованіе; и во—вторыхъ, чтобы не приходилось нашимъ священникамъ за всѣ ихъ труды носить заплатанныя рясы, улучшить ихъ матеріальное положеніе, а не ухудшать, какъ этого требуетъ о. Серапіонъ. Улучшеніе это не понизитъ общій уровень нашего духовенства, а значительно подыметъ его. Послѣдній вопросъ достаточно выясненъ въ нашей церковно—общественной литературѣ и потому нѣтъ нужды останавливаться на немъ.

Возвращаясь къ разсужденіямъ о льготномъ проѣздѣ духовенства по желѣзнымъ дорогамъ, мы можемъ только привѣтствовать эту мысль. Кто ѣздитъ много по Россіи, для того не можетъ здѣсь быть двухъ мнѣній. Пишущему

эти строки приходилось неоднократно быть свидетелем того, какъ въ вагонахъ третьяго класа компаніи (пьяныя и трезвыя) некультурныхъ людей вслухъ высмѣивали сидѣвшаго рядомъ священника, который принужденъ былъ остаться въ такой обстановкѣ возможно только потому, что средства не позволяли ему купить билетъ второго класса. Конечно, намъ отвѣтять, что мѣсто священника „съ мытарями и грѣшниками“, но предоставимъ этотъ вопросъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ рѣшать самимъ священникамъ. Священнику приходится часто переживать скорби не только свои, но и своихъ прихожанъ, и потому бывають такія минуты, когда онъ нуждается во временномъ покоѣ. Въдъ въ большинствѣ случаевъ священники ѣздятъ въ вагонахъ не для собственнаго удовольствія, а по обязанностямъ своего служенія. Почему же не дать ему возможности, когда онъ ѣздитъ, напимѣръ, со Св. Дарами на груди, избѣжать лишнихъ насмѣшекъ? Къ тому же, никто не запрещаетъ священнику ѣздить и въ третьемъ классѣ; и безусловно, нѣкоторые священники, когда найдутъ это нужнымъ, будутъ сидѣть и въ вагонахъ третьяго класса. Развѣ мы не знаемъ священниковъ, добровольно навѣщающихъ подвалы нищеты и ночлежки бездомниковъ? Дѣло идетъ лишь о предоставленія священнику небольшой, вполнѣ законной льготы, которую онъ будетъ въ правѣ воспользоваться или нѣтъ и противъ которой никакой здравомыслящій интеллигентный чловѣкъ не станетъ возражать.

Въ статьѣ о. Серапіона находимъ нѣсколько несправедливыхъ и обидныхъ фразъ по адресу «студентовъ семинарій». Здѣсь опять проглядываетъ высокомеріе автора, какая-то озлобленность и крайне несправедливая и ложная окраска дѣйствительности. Быть можетъ, у о. Серапіона есть свои личныя основанія быть недовольнымъ семинаристами, но какъ бы то ни было, а называть ихъ «барчуками низшаго пошиба», «испорченными и потерявшими цѣломудренное воспріятіе міра» и т. д. очень опрометчиво; это не

дѣлаетъ чести автору. Говорить такія слова можетъ только человѣкъ, знающій семинарское юношество по каррикатурнымъ повѣстямъ нашихъ бульварныхъ писаекъ или же, если и соприкасавшійся близко съ этой средой, то не понявшій ее, не жившій одной съ нею внутреннею жизнію. Какъ бы ни были велики дефекты семинарской среды (а дефекты эти часто преувеличиваются и еще чаще выдумываются), но всѣ они въ своей совокупности далеки отъ той картины, каковую рисуетъ о. Серапіонъ. Не будемъ, однако, полемизировать съ авторомъ, который, можно съ увѣренностію сказать, самъ болѣе, чѣмъ кто—либо, „утратилъ цѣломудренное воспріятіе міра“, иначе не писалъ бы такъ много несправедливаго. Не будемъ доказывать то, что для многихъ нашихъ безпристрастныхъ читателей не требуетъ доказательствъ. Скажемъ только, безъ словъ преувеличенія и съ чувствомъ уваженія въ душѣ, что подъ тѣми семинарскими тужурками съ свѣтлыми пуговицами, которыя такъ высмѣиваетъ о. Серапіонъ, бьется много благородныхъ, честныхъ и чистыхъ юношескихъ сердецъ, далекихъ отъ той грязи, какую приписываетъ имъ о. Серапіонъ. Вспоминаются мнѣ товарищи по семинаріи, вспоминается болѣе молодое поколѣніе—длинный рядъ питомцевъ, учениковъ. Сколько среди нихъ было и есть юношей идеальныхъ, благородныхъ, чуткихъ, отзывчивыхъ, съ свѣтлымъ взоромъ и жаждою подвига въ душѣ! Сколько изъ ихъ среды вышло дѣльныхъ и полезныхъ работниковъ на нивѣ Христовой и на полѣ общественной дѣятельности! Кто знаетъ ихъ, того невольно влечетъ къ нимъ, потому что въ ихъ средѣ чувствуешь себя легче, забываешь міръ подлостей, лицемерія, мелкой расчетливости и продажности. Многие изъ нихъ, начиная съ младшихъ классовъ, жили мечтою о священствѣ, о служеніи ближнимъ, и остались вѣрными этой мечтѣ по окончаніи семинаріи. Они знали о трудностяхъ пастырскаго служенія, и тѣмъ не менѣе шли навстрѣчу ему. Городская атмосфера, наркотизація уличными зрѣлищами и прочее, что по чисто субъективнымъ, должно быть, причи-

намъ нашелъ нужнымъ отмѣтить авторъ, не коснулись ихъ. Безъ «претензій», съ одною лишь вѣрою въ святость пастырскаго служенія, съ надеждою на помощь Божию и съ любовію въ сердцѣ шли они въ деревню, шли къ народу. А сколько ихъ, этихъ незамѣтныхъ героевъ, служителей Евангельской Правды, теерь, на протяженіи длиннаго и тяжелаго ряда лѣтъ, молчаливо трудится подъ сѣнію Креста Христова, терпя лишенія, уничиженія, а подчасъ и гоненія! И вотъ, въ нихъ брошенъ еще одинъ камень, брошенъ рукою, задрапированною въ рукавъ рясы!... Но мы вѣримъ, что камень этотъ не достигнетъ цѣли, не заставитъ съ болью склониться на грудь увѣчанную терновымъ вѣнкомъ главу нашего сельскаго пастыря: камень этотъ заговорилъ и обличаетъ того, кто его бросилъ. Такъ пойметъ статью о. Серапіона всякій, прочитавшій ее, сынъ Православной Церкви.

В. Садовничій.

Евангелическо-соціальные ученія.

1. Протестантизмъ, по своему существу, въ смыслѣ соціальномъ не дѣятеленъ.

Для молодой, въ дѣлѣ соціальной помощи, русской Церкви можетъ быть полезенъ опытъ, прежде всего, протестантовъ, которые занялись соціальнымъ вопросомъ довольно поздно. Ихъ сомнѣнія и недоумѣнія своего рода не-офитовъ, начинающихъ, стануть понятными и въ условіяхъ русской церковно-общественной жизни, гдѣ государство пока является единственнымъ соціальнымъ дѣятелемъ.

Протестантизмъ, по существу своего credo, стоитъ за полное право частной собственности; онъ охраняетъ независимость личности и въ ея религіозной жизни, и въ эко-

номической, не принуждая человека къ социальной работѣ¹⁾. Можно „имѣть маммону“,—лишь бы только она не сдѣлалась богомъ²⁾. Личность, въ ея обладаніи „маммоной“, т. о., успокаиваютъ, не тревожатъ. Отсюда—соціальный квіетизмъ протестантовъ.—*Католическая* Церковь была „первой и единственной“, какъ выражаются о ней ея вѣрные сыны, которая занялась христіанскимъ освѣщеніемъ антисоціальныхъ явленій новаго времени³⁾. Что касается протестантизма, то онъ,—по словамъ профессора Калниса,—„въ 1848 (революціонномъ) году былъ разбитъ, католицизмъ же оставался въ полной силѣ своей организаціи⁴⁾. Протестантизмъ предпочитаетъ точку зрѣнія нравственнаго совершенствованія отдѣльной личности, какъ *исключительнаго* условія общественнаго благоустройства. Церкви, какъ видимой общественной организаціи, онъ не цѣнитъ, сливая ее съ „христіанскимъ“ государствомъ. „Если мы хотимъ, чтобы общество отвѣчало идеаламъ свободы, равенства и братства, нужно, чтобы индивидуумы были морально здоровы и способны создать учтливое и моральное общество. Профессиональныя ассоціаціи и кооперативныя общества, *должны быть свободными и вызываться совпаденіемъ желаній самихъ индивидуумовъ*. Протестантизмъ поощряетъ основаніе и развитіе ассоціацій этого рода, которыя, между тѣмъ, не имѣютъ ничего общаго съ корпораціями, поддерживаемыми католицизмомъ,—въ послѣднихъ главный принципъ—авторитетъ, тогда какъ принципомъ первыхъ является свобода“⁵⁾. Протестантизмъ отказывается отъ непосредственной регламентаціи жизни сво-

¹⁾ *Melanchton Apologia* XIII, §§ 45—50.

²⁾ *M. Luther's sammtliche Werke*, Erlangen, 1830, Bd. XIV², s 93 ff. Ср. *M. von Nathusius. Die christlich—socialen Ideen der Reformationszeit und ihre Herkunft*, 1898, s. 97.

³⁾ *W. Hohoff, Protestantismus und Socialismus*, 1891, s. 81.

⁴⁾ *Kalnis, Der innere Gang der Ler Lëutschen Protesantismus*, 1854, S. 248.

⁵⁾ *E. Mennier, Le protestantisme et la question sociale* (*Revue du christianisme social*, 1906, мартъ).

ими средствами, тогда как римская Церковь пытается совершенно замѣнить въ этомъ отношеніи государство. «Общество, по протестантскимъ положеніямъ, становится на почву человѣческой природы, ея потребностей, силъ и задачъ. Оно у христіанства беретъ его идеалы, цѣли, правила, свободно примѣняя ихъ *при помощи личности*. Оно не подчиняется приказаніямъ, запрещеніямъ и руководству Церкви, выискивая мотивы дѣйствій въ природѣ самихъ вещей... Этическая оцѣнка всѣхъ социальныхъ учреждений, по протестантскимъ основнымъ положеніямъ, не можетъ быть построена на основахъ того ученія, по которому церковь господствуетъ надъ всѣмъ¹⁾. Такимъ образомъ, протестантизмъ не претендуетъ на то, чтобы противопоставлять наличному состоянію общественнаго порядка свое собственное социальное ученіе; онъ часто принимаетъ существующее положеніе вещей не только какъ необходимость, но и какъ норму жизни. Вотъ почему начало социальныхъ движеній въ Западной Европѣ послѣ 1848 года не совпадаетъ съ организованнымъ выступленіемъ протестантской мысли и дѣла, которое приходится на болѣе позднѣйшее время. Въ то время, какъ представители католицизма еще въ 40-хъ г.г. XIX ст. пытаются создать свое социальное ученіе, протестантская церковь въ эпоху особеннаго обостренія социальныхъ противорѣчій оказалась въ большомъ затрудненіи. „Кто знаетъ, — боязливо писалось въ 1848 году, — эти народные миллионы? Кто жилъ вблизи ихъ? Кто можетъ говорить съ ними? Кто въ состояніи сдѣлать переворотъ въ теченіи ихъ мыслей? Всякій испугается этого²⁾. Не удивительно, если сами протестанты должны были сказать о роли протестантской церкви въ 1848 году горькую правду: „въ данное время влияніе Церкви на на-

¹⁾ *H. von der Goltz, Crundlagen der christlichen Social-Ethik, 1908, ss. 35—36.*

²⁾ *I. B. Hirscher, Die socialen Zustände der gegenwart und die Kirche, 1849. s. 17.*

родъ и эпоху проявилось очень слабо "... «Гдѣ волна революціи разбилась объ евангельскія истины»? Этому факту находили общее объясненіе. „Церковь должна защищать блага *Евангелія, а не блага мартовской революціи, — признаніе человѣческаго достоинства и назначенія къ блаженству, справедливости, гуманности, христіанской науки, нравственности, — блага, которыхъ добиваются благородныя силы“ ¹⁾. Указанныя „евангельскія блага“ — вѣчный придатокъ христіанской жизни, тогда какъ социальныя задачи — специальная черта переживаемаго нами времени. Такой общей точки зрѣнія протестантизмъ держится и теперь. „Должна ли лютеранская церковь, — спрашиваетъ профессоръ Кафтанъ, — выполнять важную задачу въ работѣ надъ социальнымъ вопросомъ и направлять къ тому въ данное время лучшія свои силы?“ — Я отвѣчаю: «нѣтъ». «Именно по той простой причинѣ, что, согласно протестантскимъ положеніямъ, не существуетъ церкви, которая обязана была бы и могла бы дѣлать это. Если же и говорятъ о лютеранской церкви въ этомъ смыслѣ, то вносятъ въ протестантизмъ католическую точку зрѣнія. По католическому воззрѣнію существуетъ церковь, которая является царствомъ Божиимъ на землѣ, истинно христіанской организаціей христіанскаго народа: сравнительно съ ней государство и прочія учрежденія для совместной жизни имѣютъ мірской характеръ. Мы охотно признаемъ, что католическое духовенство, по крайней мѣрѣ въ Германіи, пытается правильно разобраться въ социальномъ вопросѣ, и надѣемся, что многіе дѣлаютъ это изъ любви къ народу и Христу. Но католическая церковь все, что она совершаетъ, совершаетъ лишь ради своего господства. Такой церкви мы не хотимъ. Вмѣсто всего этого мы имѣемъ слово Божіе или, вѣрнѣе, средства милосердія. Они должны помочь» ²⁾. Протестантизмъ, конечно, не можетъ игнориро-

¹⁾ Тамъ же, s. 48.

²⁾ *I. Kaftan, Des Verhältniss der lutherischen Kirche zur socialen Frage (Die Verhandlungen der zehnten Evangelisch-socialen Kongresses, 1899, ss. 22—23).*

вать социальпо-экономическихъ отношеній нашего времени, потому что на почвѣ послѣднихъ «проводится жизнь въ Богѣ и въ послушаніи Богу». Затѣмъ, нельзя забывать и того, что христіанство *оставило* свой отпечатокъ на всей социальной жизни. Напримѣръ, оно „научило уважать трудъ, а также уяснило принципиальное, понимаемое въ высшемъ смыслѣ, равенство людей; тогда какъ древняя языческая культура,—напримѣръ,—Индіи,—считаетъ касты божественнымъ установленіемъ; Евангеліе учитъ, что всѣ имѣютъ одного Отца Небеснаго, что всѣ призваны къ одной и той же вѣчной жизни въ Богѣ“¹⁾. Однако, церковь, какъ социальная организація, уже не Церковь: это—„Церковь на землѣ, т. е., христіанская община, или, выражаясь словами Лютера, христіанская толпа, христіанскій народъ, христіанскій организмъ, а не та Церковь, которая вѣчна въ Богѣ и въ которую мы вѣримъ, къ которой принадлежимъ по мѣрѣ нашей вѣры“²⁾. Во имя этой мыслимой церкви протестантизмъ не хочетъ говорить о земномъ, обыденномъ, которое только засоряетъ чистую воду «жизни въ Богѣ». Для социальныхъ задачъ жизни есть другіе члены «христіанскаго организма»: «короли, князья, ихъ совѣтники, короче—администрація, равно какъ и тѣ, кто занимаетъ особое положеніе въ социальной жизни, какъ то: работодатели, ученые, идейные руководители въ этой области“³⁾. «Служители же слова» «имѣютъ своей обязанностью только высказываться по социальнымъ вопросамъ»⁴⁾, „учить христіанъ разсматривать и понимать социальное движеніе и вопросъ о социальныхъ реформахъ въ связи съ Евангеліемъ и съ Божественнымъ руководствомъ исторіи“⁵⁾. Что касается технической стороны социальной реформы, когда приходится вы-

¹⁾ Тамъ же, ss. 14—16.

²⁾ Тамъ же, s. 23

³⁾ Тамъ же, s. 24

⁴⁾ Тамъ же, s. 25.

⁵⁾ Тамъ же, s. 31.

ступать за извѣстныя опредѣленныя мѣропріятія или отвергать ихъ, соображаясь съ экономическими потребностями народа, то здѣсь дѣйствуетъ уже не церковь, а—народъ, господствующія сословія, считающія социальную технику дѣломъ своей совѣсти“¹⁾). Какъ ни правоподобно въ теоріи (и только) отдѣленіе религіознаго служенія церкви отъ ея участія въ социальной работѣ, тѣмъ не менѣе въ особенной настойчивости, съ какой это отдѣленіе устанавливается протестантами, чувствуется не только лютеранскій взглядъ на церковь (мыслимую, а не реальную), но и замаскированная слабость церкви «кайзера», фактически скованной официальнымъ положеніемъ своего духовенства и его непосредственнаго начальника—архіерея—германскаго императора. Поэтому протестантской церкви остается довольствоваться тѣмъ, что сдѣлаютъ за нее протестантскія сословія, протестантское правительство... Въ этой невозможности для церкви создать, въ социальномъ направленіи, что-то свое, протестанты иногда способны видѣть даже свое преимущество. «Различеніе духовныхъ и мірскихъ дѣлъ,—говоритъ одинъ изъ нихъ,—есть всемірно—историческая заслуга реформаціи. Она освободила свѣтскія области жизни отъ поработщающаго смѣшенія съ церковными и возростила ихъ по собственнымъ законамъ. Она поставила на собственные ноги государство, науку, искусство, домашній, общественный бытъ, трудъ, признавъ ихъ самостоятельными“²⁾). Но все это,—прибавимъ,—было достигнуто цѣной отказа церкви отъ какой бы то ни было социальной роли, отъ борьбы съ язычествомъ нѣмецкой культуры. Даже личность, въ ея „обладаніи маммоной“, протестантизмъ оставляетъ неприкосновенной.

Не удивительно, поэтому, что до семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія евангелическая церковь совершенно не

¹⁾ Тамъ же, s. 31.

²⁾ W. Beyschlag. Die evangelische Kirche, als Bundes genossin wider die Socialdemocratie, 1890, S. 17.

знаетъ теоретиковъ соціального вопроса, если не имѣтъ въ виду практической дѣятельности Вихерна, въ которой нѣкоторые позднѣйшіе соціаль-евангелики видятъ исходное начало своихъ разработокъ. «Терминъ христіанско-соціальный,—говоритъ профессоръ Натусіусъ,—обязанъ своимъ возникновеніемъ великому инициатору христіанской дѣятельной любви и демократической церковной работы—Вихерну,—терминъ, который былъ однажды названъ царствующимъ нѣмецкимъ императоромъ «лозунгомъ будущаго»¹⁾. Вихернъ, даже въ освѣщеніи нѣмецкихъ экономистовъ, рисуется „большую программу“ соціально-благотворительныхъ заботъ, которыя должны сдѣлать жизненными нравственно-христіанскія основы взаимоотношенія людей, смягчить нужду и горе, вызвать существенныя измѣненія въ общественной организаціи²⁾. Однако, «внутренняя миссія» Вихерна, которая служила формой примѣненія названной программы, не захватывала соціальной реформы, которая хочетъ, не ограничиваясь смягченіемъ нужды, произвести органическія перемѣны. Въ соціальной реформѣ рѣчь идетъ о справедливости, а не объ обязанностяхъ любви, на которыхъ почивала работа „внутренней миссіи“³⁾. Въ виду этой неприспособленности возрѣній Вихерна къ непосредственному рѣшенію соціального вопроса, приходится дѣлать историческій шагъ прямо къ семидесятымъ годамъ, когда національный подъемъ нѣмецкаго чувства совпадаетъ съ болѣе замѣтнымъ выстуленіемъ нѣмецкой соціаль-демократіи. Съ этого времени протестантская мысль, вынужденная обстоятельствами момента, должна была взяться и за рѣшеніе соціального вопроса. Недостатокъ въ опредѣленномъ соціально-конфессіональномъ ученіи сильно даетъ себя знать: у протестан-

¹⁾ *M. von Nathusius, Was ist christlicher...? 1896, s. 4.*

²⁾ *E. von Philippovich, Die Entwicklung der wirtschaftspolitischen Ideen in 19.*

³⁾ *Kaftan, выше назв. соч., s. 26 Jahrhundert. 1910, s. 36.*

товъ отсутствуютъ своеобразныя правовыя и экономическія соображенія католиковъ. «Евангелическая церковь, говоритъ пасторъ Р. Тодтъ,—по мнѣнію нѣкоторыхъ, не можетъ, подобно католической, развить соотвѣтствующей дѣятельности въ соціальной области. Католическая церковь богаче насъ своими внѣшними средствами; та способна обращаться къ чувству человѣка, хорошо умѣетъ овладѣть имъ, облегчаетъ благочестіе, направляя послѣднее на внѣшнія дѣла, которыя уживаются съ плоскими чувствами»¹⁾. Зато,—продолжаетъ тотъ же пасторъ,—«усиѣхъ евангелической церкви въ отношеніи соціальномъ—равенъ нулю. Соціализмъ растетъ какъ разъ въ евангелическихъ мѣстностяхъ—Саксонія, Шлезвигъ-Голштинія, Ганноверъ, Мекленбургъ»²⁾. Самою главною чертою соціаль-протестантскаго мышленія въ 70-е годы является недостаточное пониманіе соціализма, какъ *практической* доктрины, и отрицательное отношеніе къ нему, какъ только къ міровоззрѣнію. Чтобы успѣшно бороться съ вліяніемъ соціаль-демократіи на массы, недостаточно критики ея міровоззрѣнія,—эта партія сильна не только своими принципами, понятными больше интеллигентнымъ кругамъ, сколько практической программой соціальныхъ реформъ, которая обезпечиваетъ партіи симпатіи народныхъ массъ. Этого протестанты семидесятыхъ годовъ не понимали, довольствуясь противопоставленіемъ религіозныхъ основъ жизни, которыя поддерживаются церковью, соціаль-реформаторскимъ и атеистическимъ стремленіемъ времени. „Соціализмъ,—говорилось на собраніи проповѣдниковъ 5-го сентября 1872 года въ Гильдесгеймъ,—доктрина противорелигіозная“.³⁾ Исходя изъ этого отрицательнаго положенія, думали, что между тѣмъ, къ чему ежедневно стре-

¹⁾ R. Todt, Der radikale deutsche socialismus und die christliche Gesecllhaft. 1878² s. 505.

²⁾ Тамъ же 5. 489.

³⁾ T. H. L. Pape, Die sociale Trage der Gegenwart. s. 39.

мится социализмъ,—соціальными реформами,—и тѣмъ, надъ чѣмъ трудится Церковь, какъ органъ религіозной жизни, нѣтъ ничего общаго. Съ социализмомъ нельзя бороться успѣшно чисто матеріальными средствами, чисто вѣшними силами“¹⁾. Въ этомъ убѣжденіи было большое заблужденіе. Нельзя, конечно, смѣшивать религіозныхъ задачъ церкви съ матеріальными стремленіями жизни. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ошибочно думать, будто послѣднія совершенно обособлены отъ дѣла спасенія душъ, что религіозное воздѣйствіе церкви на людей не можетъ простираться вплоть до ихъ ежедневнаго труда, внося въ него духовный смыслъ, что, наконецъ, церковь не въ состояніи активно повліять на организацію трулящихся, которая помѣшала бы послѣднимъ терпѣть тяжелыя соціальныя невзгоды,—источникъ всевозможныхъ безпокойствъ и революцій. Необходимо подумать о соціальной работѣ, которая не заслоняя религіознаго служенія, вводитъ въ суровый экономизмъ жизни благотворно дѣйствующее участіе христіански настроенныхъ пастырей, гуманныхъ людей и самихъ трулящихся. Между тѣмъ объ этомъ-то протестанты и не хотѣли думать. А время уходило. Соціалъ-демократія лихорадочно организовывалась. Протестанты же, не совсѣмъ увѣренные въ себя, спокойно говорили: „Можно предположить, что церковь не въ состояніи побѣдить социализмъ въ массахъ... Но она все-таки должна бороться съ нимъ,—душеспасеніемъ, особенно богослуженіемъ, проповѣдью Слова Божія, чѣмъ она открываетъ каналы, черезъ которые изливается на человечество потокъ Божественной любви...“²⁾. Почему же такое мало-вѣріе? Или сила „Божественной любви“ недостаточна? Да, протестантъ не стѣсняется, закрывъ высокімъ именемъ свою немощь, утверждать и это: „Конечно,—говоритъ онъ,—большихъ массъ этотъ потокъ не достигаетъ... Въ возврѣніяхъ массъ церковь—устарѣлый историческій институтъ, которымъ

¹⁾ Тамъ же, s. 61.

²⁾ Тамъ же ss. 55—56.

только злоупотребляют и который, въ сущности, надо было бы сломать. Церковь, однако, должна спокойно продолжать свою проповѣдь“. Конечно, эта твердость въ прямомъ религіозномъ дѣлѣ похвальна. Но въ ней нѣтъ достаточной энергіи современника—священника: „О вмѣшательствѣ церкви и степени его проявленія во времени нельзя дать опредѣленнаго указанія“... „Не слишкомъ много полемики на кафедрахъ!“ „Положительныя христіанскія истины!“ „Проповѣдь должна носить жизненный характеръ, но-въ границахъ“. Хорошо,—все это вѣрно, когда дѣло идетъ о религіозномъ ¹⁾ спасеніи. Но вѣдь требуется указать христіанско-соціальные условія спасенія *соціально!* Протестантъ хорошо чувствуетъ это и, вопреки собственному заявленію, что въ данномъ случаѣ церковь не въ состояніи намѣтить что-либо опредѣленное, пытается составить „программу“ соціальной работы ея представителей: „создать обоюдное пониманіе работодателей и рабочихъ, искать посредничества между ними, бороться съ врагомъ при помощи сношеній съ отдѣльными лицами; если возможно, выступать предъ массами, заботиться о частномъ душеспасеніи, кто можетъ—дѣйствовать въ литературѣ, — *этимъ сказано все*“. И мало, и неопредѣленно, отсутствуетъ прочно объединяющій принципъ, который можетъ быть данъ только яснымъ представленіемъ соціальныхъ потребностей времени и роли служенія имъ церкви.

Вотъ почему дальнѣйшая исторія евангелически-соціальныхъ воззрѣній является рядомъ нерѣдко ошибочныхъ попытокъ найти общегодную и практически ясную точку приложенія христіанско-соціальной энергіи. Въ этомъ направленіи сочиненіе пастера *Р. Тодта* „Радикальный нѣмецкій социализмъ и христіанское общество“ (1877 г.) было дѣломъ, которое сильно толкнуло впередъ евангелически-соціальное движеніе. Благодаря ему,—говоритъ бывшій пастыръ Гере,—Тодтъ сталъ единственнымъ,—по крайней мѣрѣ въ теорети-

¹⁾ Тамъ же. s—57 58.

ческомъ отношеніи, —иниціаторомъ движенія въ Германіи“¹⁾. „Книга Тодта, —говоритъ близкій къ его дѣлу пасторъ А. Штеккеръ, —первый опытъ изобразить социальное содержаніе христіанства и социальныя задачи христіанскаго общества. Большою заслугой книги является пробужденіе интереса къ социальному вопросу, а также то, что она поставила его на почву христіанства“²⁾. Но сейчасъ мы увидимъ, что книга пастора Тодта была совершенно не въ духѣ протестантизма, хотя ея появленіе естественно именно на почвѣ послѣдняго.

Г. Поповъ.

Изъ поврежденной печати.

Къ борьбѣ за трезвость.

Хотя сама жизнь показала всю благодѣтельность прекращенія торговли спиртными напитками, однако люди, получавшіе выгоды отъ этой торговли, стараются выставлять разнаго рода доводы за ея возобновленіе. Особенно настаиваютъ на свободной продажѣ виноградныхъ винъ, такъ какъ окончательное прекращеніе ея будто бы поведетъ къ гибели нашего виноградарства и къ разоренію винодѣльческихъ районовъ. Слабость этого послѣдняго довода раскрывается въ «Родной Жизни» (№44).

Для дѣйствительнаго укрѣпленія трезвости нужно запретить свободную продажу не только водки, но и винограднаго вина и пива, такъ какъ продажа даже слабыхъ алкогольныхъ напитковъ поддерживаетъ соблазнъ, при существованіи котораго люди съ слабымъ характеромъ не могутъ удержаться отъ опьяненія и, естественно, отъ легкихъ

¹⁾ P. Gohre Die evangelisch—sociale Bewegung, 1896 s. 110.

²⁾ A. Stoecker. Christlich—Social, Reden und Aufsätze, 1890, Einleitung s. XIII.

напитковъ переходятъ къ одурманивающимъ суррогатамъ. Прекращеніе свободной торговли виномъ не поведетъ къ разоренію тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ разводится виноградъ. По свидѣтельству проф. Подвысоцкаго, винодѣліе у насъ настолько слабо развито, что русскими натуральными винами могутъ быть удовлетворены только церковныя и врачебныя потребности, вслѣдствіе чего нашъ рынокъ, помимо иностранныхъ винъ, былъ переполненъ различными поддѣлками вина, часто небезопасными для здоровья. Виноградъ идетъ не только на выдѣлку вина, но онъ и самъ по себѣ является весьма здоровымъ и питательнымъ продуктомъ, при томъ же легко переносящимъ дальнія перевозки и продолжительное храненіе. Кромѣ того, изъ винограда готовится изюмъ, который можетъ имѣть широкое примѣненіе въ хозяйствѣ. Слабое значеніе винодѣлія для виноградныхъ раіоновъ можетъ быть подтверждено примѣромъ Астраханской губерніи, изъ которой ежегодно вывозится около 300 тысячъ пудовъ свѣжаго винограда, тогда какъ лишь небольшая часть винограда употребляется для приготовленія вина.

Изъ исторіи нѣмецкаго засилія въ Россіи.

Въ журналѣ „Вѣра и Жизнь“ II. Бугославскій сообщаетъ черты изъ жизни одного изъ замѣчательнѣйшихъ іерарховъ русскихъ XIX в. архіеп. Филарета Гумилевскаго (по поводу исполнившагося въ этомъ году пятидесятилѣтія со дня его кончины). Наибольшій интересъ представляетъ повѣствованіе о епископствованіи Филарета въ Ригѣ (1841 — 1848 г. г.). Генераль-губернаторомъ въ Ригѣ въ это время былъ баронъ Паленъ, сторонникъ и покровитель нѣмцевъ. Пользуясь этимъ, нѣмцы употребляли всѣ мѣры, чтобы воспрепятствовать распространявшемуся въ то время среди латышей стремленію къ переходу изъ лютеранства въ Православіе. Представляя въ глазахъ русскаго правительства латышей бунтовщиками,

нѣмцы чинили надъ ними самыя дикія насилія. Свидѣтельства объ этихъ насиліяхъ сохранились въ письмахъ еп. Филарета. «Нѣтъ ни одной клеветы», писалъ онъ, „нѣтъ ни одного низкаго средства, за что бы не взялись для поддержанія лютеранства. Кажется, всякаго рода насилія, жестокости и ухищренія пущены были въ ходъ и приведены, чтобы отвратить латышей и эстовъ отъ принятія Православія. Несчастныхъ жертвъ морили голодомъ, сгоняли съ земли съ цѣлою семьей, лишали мѣсть, бросали въ тюрьмы, били палками, избивали до изуродованія и даже до смерти, волочили по судамъ, подстерегали каждое ихъ слово и дѣйствіе, подвергали допросамъ, брили имъ головы, издѣвались надъ ними всячески, употребляя всѣ мѣры, всѣ средства, чтобы вывести ихъ изъ терпѣнія и возбудить къ бунту». По словамъ даже безпристрастнаго нѣмца, жестокости остзейскихъ бароновъ „напоминали времена христіанскаго мученичества первыхъ вѣковъ, или мрачную эпоху средне-вѣковой инквизиціи». Нѣмецкіе пасторы допускали всевозможныя издѣвательства надъ православною вѣрой. Одинъ пасторъ съ кафедръ въ киркѣ проповѣдывалъ, что „русская вѣра есть вѣра бѣсовская; у тѣхъ, кто приметъ ее, чортъ возьметъ душу и сердце и съѣстъ, какъ волкъ овцу“. Другой говорилъ латышу, желавшему перейти въ Православіе: „ты знаешь, что добрые люди не идутъ въ эту вѣру, а только дураки, негодяи и свиньи“.

Положеніе епископа, заступника за православныхъ эстовъ и латышей, было чрезвычайно тяжелое. Полиція тщательно слѣдила, чтобы безъ ея вѣдома никто изъ латышей не проникъ къ епископу, и бесѣдовать съ латышами послѣдній могъ только въ присутствіи полиціймейстера. За каждымъ словомъ и каждымъ шагомъ епископа слѣдили шпионы. Потомъ, уже будучи въ Харьковѣ, куда онъ былъ переведенъ изъ Риги, Филаретъ писалъ: „одно воспоминаніе о Лифляндскомъ дѣлѣ приводило всѣ нервы мои въ сотрясеніе, такъ разстроены были весь организмъ мой муками, какія я испытывалъ семь лѣтъ сряду“.

Н. Г.

Они воскреснутъ!

Теперь, когда каждый день и часть уноситъ тысячи жизней, когда въ осиротѣлыхъ семьяхъ незримо льются слезы и слышатся жалобные голоса дѣтей: „мама, гдѣ тятя?“—ощущается насущная потребность найти страдающему утѣшеніе.

Но въ чемъ разбитое сердце можетъ найти утѣшеніе и что еще есть на свѣтѣ безутѣшнѣе потери близкаго человѣка!?

Когда Спаситель пришелъ къ Марфѣ и Маріи, рыдавшимъ у гроба Лазаря, то Онъ, увидя ихъ раздирающее душу отчаяніе, Самъ заплакалъ, но сказалъ: „воскреснетъ братъ“...

Вотъ—подлинное утѣшеніе, проникнутое искреннимъ сочувствіемъ!

Утѣшать, такимъ образомъ, въ настоящее время скорбящихъ можно лишь подражаніемъ Христу. И первымъ въ этомъ должна быть мысль о воскресеніи. Да, они воскреснутъ!..

Страдающіе и печальные, вникаете ли вы въ величайшую Христову истину: тѣ, которые покинули васъ, оживутъ и воскреснутъ! Соберите всю силу вашей вѣры въ Бога и скажите себѣ крѣпко и твердо: теперь ихъ нѣтъ, но придетъ часъ и они воскреснутъ. Если въ разбитомъ вашемъ сердцѣ, хотя и самую ничтожную найдете крупицу вѣры, повѣрьте, наша скорбь и щемлящая душу тоска убѣжить, какъ ночь предъ разсвѣтомъ. Вы разомъ почувствуете, какъ точно огромная тяжесть спала съ вашихъ плечъ.

Воскреснутъ они за гробомъ, но память ихъ не умретъ на землѣ. Ничто такъ русскій народъ не хранитъ, ничто съ такою любовью не бережетъ, какъ память о защитникахъ Родины.

Назвавъ ихъ однимъ общимъ именемъ „герои“, народъ слагаетъ про нихъ былины и пѣсни; ученые пишутъ исторію войны; художники рисуютъ военныя картины; старики съ гордостью разсказываютъ молодежи о славныхъ дняхъ защиты Отечества.

Пройдутъ вѣка: не одинъ разъ смѣнятся поколѣнія людей; въ вѣчномъ потокѣ времени утонетъ и порастетъ травой забвенія все, но исторія повѣдаетъ потомкамъ о великой бурѣ, разразившейся надъ нашей дорогой Родиной и вѣрными ея сынами...

Во всемъ этомъ есть что-то великое и вмѣстѣ съ тѣмъ удивительно религіозное!

А задумывались ли вы вообще надъ характеромъ той смерти, какая можетъ постичь человѣка?

О, какую ужасную иногда посылаетъ судьба людямъ смерть!..

Кончаютъ свою жизнь люди и подъ поѣздомъ, и отъ яда, и въ тюрьмѣ, и на веревкѣ, и въ водѣ, и отъ вина и т. п. Часто достаточно одной такой позорной смерти, чтобы весь обезславился родъ. Но кто, кто впередъ осмѣлится заявить, что его не можетъ постигнуть такая смерть? „Отъ сумы, да отъ тюрьмы не отказывайся“,—говоритъ народная пословица.

Слѣдовательно, самаго счастливаго можетъ постигнуть худой конецъ. Теперь, почему же думаете вы, что близкій, кончину котораго оплакиваете вы, не могъ позорно кончить свою жизнь? Что могло служить вамъ порукой счастливаго конца его жизни?

Но, допустимъ, предположимъ: не будь этой войны, онъ мирно почилъ бы среди своихъ родныхъ. Какъ вы думаете: развѣ могла бы такая кончина быть приравнена къ той величайшей мученической, которою умираютъ на полѣ брани?! Конечно, нѣтъ и нѣтъ!

Кончина въ условіяхъ мирной обстановки никогда не можетъ быть сравнена со смертью въ битвѣ за Вѣру,

Царя и Отечество. Когда преподобный Сергій отправлялъ на войну съ татарами монаховъ Пересвѣта и Ослабя, онъ называетъ путь ихъ благословеннымъ. Оба же эти монаха были убиты въ битвѣ. Такое значеніе смерти на полѣ брани придаетъ Божій угодникъ. И въ русской землѣ званіе воина было всегда почетнымъ; а кончина въ ратномъ дѣлѣ—угодной Богу. Вотъ почему Православная Церковь убитыхъ воиновъ, какъ мучениковъ Христовыхъ, ставитъ наравнѣ со святыми.

Гоните же, читатель, отъ себя печальныя мысли и грустныя чувства. Смерть нашихъ родныхъ и близкихъ на полѣ брани, это—необходимая жертва на алтарь великаго будущаго нашей Россіи. Всѣ призваны Господомъ служить добру на этой грѣшной землѣ. И они, „на полѣ брани животь свой положившіе“, своимъ примѣромъ убѣждаютъ насъ въ этомъ.

Но будемъ при этомъ вѣрить, что придетъ Господень день,—и они воскреснутъ! (Сел. Вѣд).

В. Никольскій.

Мысли о. Іоанна Кронштадтскаго о пастырскомъ служеніи.

Что за высокое лицо—священникъ? Постоянно у него рѣчь съ Господомъ и постоянно отвѣчаетъ на его рѣчь Господь; что ни треба, что ни молитва, то рѣчь съ Господомъ; что ни треба, что ни молитва, то отвѣтъ на нее Господа. Какъ при находѣ страстей не помнить священнику, что страсти низки, нечисты, особенно для него, чтобы допускать ихъ до своего сердца, которое всегда долженъ наполнять всецѣло единъ Іисусъ Христосъ. Священникъ—ангелъ, не человекъ; все житейское онъ долженъ далеко оставить за собою. Господи Іисусе! Священницы Твои да облечутся въ правду, да помнятъ они всегда о высотѣ своего званія и да

не запутываются они въ сѣтяхъ міра и діавола, да отбѣжать отъ сердець ихъ *печаль вѣка сею, лествъ богатства и о прочихъ похоти, входящія въ ихъ сердце* (Мр. 4, 19)

Какія должны быть чистыя, духовныя уста у священника, столь часто произносящія всесвятое Имя Отца и Сына и Святаго Духа! Еще болѣе—какъ духовно, чисто должно быть сердце, чтобы вмѣщать и ощущать въ себѣ сладость этого пречестнаго, великолѣпаго и достопокланяемаго имени! О, какъ долженъ священникъ удаляться отъ плотскихъ наслажденій, да не содѣлается плотію, въ которой не пребываетъ Духъ Божій!

До плотскихъ ли наслажденій священнику, когда ему надобно неотмѣнно наслаждаться единымъ Господомъ, да дастъ Онъ ему прошенія сердца его? До плотскихъ ли наслажденій, когда у него такъ много духовныхъ чадъ, представляющихъ ему свои многообразныя духовныя или тѣлесныя немощи, въ которыхъ нужно имъ душевно сочувствовать, подавать искренніе и здравые совѣты, когда ему каждый день предстоитъ подвигъ отъ всего сердца и со слезами молиться объ нихъ предъ Владыкою, да не набѣжитъ на нихъ и не расхититъ ихъ мысленный волкъ, да дастъ имъ Господь преуспѣяніе житія и вѣры и разума духовнаго! До наслажденій ли плотскихъ священнику, когда ему надо часто совершать службы въ храмѣ и предстоять престолу Господню, когда ему такъ часто надо совершать божественную, пречудную литургію и быть совершителемъ и причастникомъ небесныхъ, безсмертныхъ и животворящихъ Тайнъ, когда ему вообще такъ часто приходится совершать другія Таинства и молитвословія! Сердце, любящее плотскія удовольствія, не вѣрно Господу. *Не можете Богу работать и маммонѣ.* (Мѣ. 6, 24).

Какъ съ солнцемъ неразлучны свѣтъ и теплота, съ лицомъ іерея доежны быть неразлучны: святость, учительность, любовь, милосердіе ко всѣмъ; ибо чей санъ носить онъ?—Христовъ. Кого онъ столь часто приобщается? Самого

Христа Бога, Его тѣла и крови. Потому священникъ долженъ быть то же въ мѣрѣ духовномъ, въ кругу своей паствы, что солнцѣ въ природѣ: онъ долженъ быть свѣтомъ для всѣхъ, живительною теплотою, душою всѣхъ.

Гереи Божій! Вѣрь отъ всего сердца, вѣрь всегда въ благодать, данную тебѣ отъ Бога молиться за людей Божіихъ: да не будетъ тебѣ вотще этотъ великій даръ Божій, которымъ ты можешь спасти многія души; скоро слышитъ Владыка твою сердечную молитву о людяхъ и удобно преклоняется на милость къ людямъ, какъ на молитву Моисея, Аарона, Самуила, апостоловъ. Искунай всякій молитвенный случай — въ церкви, когда совершаешь Богослуженіе или таинство, въ домахъ, при совершеніи таинствъ, молитвословій и молебновъ, вездѣ и во-всякое время помни о спасеніи людей Божіихъ и стяжешь великую себѣ благодать Божию.

Полковой батюшка.

(М. Кузминъ, Военные рассказы, Петроградъ, 1915).

Отецъ Василій — простой человекъ, скромный. Онъ вполнѣ подходитъ къ своему не менѣе скромному армейскому полку. Маленькій, розовый, совсѣмъ на видъ молодой, о. Василій вдовѣлъ третій годъ, но въ монастырь не пошелъ, не желая покидать полковой паствы.

Огорчало о. Василя, что борода у него плохо росла: просто рыженькій пушокъ былъ.

Наставленія его были крайнѣ незатѣйливы, но шли прямо въ душу.

Одинъ единственный разъ видѣли нашего батюшку въ гнѣвѣ, — это когда офицеры были въ гостяхъ у мало знакомыхъ людей, увлеклись игрой, и надо было ихъ силой оттащить отъ макао и девятаго вала.

Когда начали ходить слухи о войнѣ, о. Василій не измѣнилъ своей веселости и простоты.

— Не надо, братцы, много думать! Будемъ биться за правду. Богъ насъ не выдастъ, да и сами плоховать не будемъ. А кто бодръ, спокоенъ, да о себѣ нисколько не думаетъ, на того сторонѣ и выиграешь.

— Много, батюшка, перебыютъ очень!

Вздохнулъ о. Василій...

— Это правда. Война—ужь такое дѣло. Зато имъ много грѣховъ простится.

И самъ онъ первый слѣдовалъ своимъ совѣтамъ: былъ бодръ, спокоенъ, о себѣ не думалъ. (впрочемъ, онъ и никогда о себѣ не думалъ),² пожелалъ не оставаться при обозѣ, а всегда былъ впереди всѣхъ.

— Я вездѣ поспѣю,—говорилъ онъ,—я проворный.

И дѣйствительно, вездѣ поспѣвалъ: и въ первыхъ рядахъ, и въ лазаретѣ, и на самомъ полѣ битвы отходныя читалъ, и раненыхъ бодрить, а съ г.г. офицерами въ спокойныя минуты чай пьетъ и меньше всего о войнѣ говорить.

Въ Галиціи о. Василій много удивлялся. Удивлялся онъ не тому, что было на наше не похоже, а скорѣе сходству галиційскихъ мѣстностей съ русскимъ западнымъ краемъ. Умиляло его, что и коровы „какъ у насъ“, и поля, и деревянные церкви, и иконы вдоль стѣнъ по полкамъ избы, и кресты надъ входами, и знакомыя птицы, и съ дѣтства извѣстныя растенія.

Въ одной изъ стычекъ какъ то случилось, что о. Василій пропалъ. Какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ находился нашимъ не посчастливилось. Куда пропалъ батюшка, было неизвѣстно. Не иначе, какъ попался въ плѣнъ,—такъ рѣшили всѣ. Но наутро, чуть поднялись, видятъ по дорогѣ отрядъ конныхъ, а впереди идетъ человекъ и машетъ чѣмъ-то бѣлымъ. Это оказались австрійцы, а во главѣ ихъ о. Василій.

— Батюшка!—возопили всѣ,—вы-ли это?

— А то кто же? Вотъ привелъ вамъ еще солдатъ. Нашелъ овецъ заблудшихъ

Такъ съ десятокъ австрійцевъ и привелъ,—тѣхъ самыхъ, что забрали его въ плѣнъ.

Не извѣстно, что говорилъ имъ о. Василій, но, очевидно, онъ нашелъ тѣ простыя и душевныя слова, которыя могутъ растопить сердца... Къ счастью, плѣдившіе его непріатели были поляки и русины, понявшія его наполовину русскія, наполовину славянскія увѣщанія... Всѣмъ это показалось чудомъ, а батюшка только махалъ рукой, говоря:

— Невѣрнее! ну и чудо.. Чудеса у васъ на каждомъ шагу! Какое же чудо, что люди могли почувствовать любовь и ласку?

— Въдь прусаки васъ не послушали бы!

Австрійцевъ отвели, а батюшку, позвали въ лазаретъ причастить умирающаго. Большой былъ вольнопредѣляющимся чужого полка, совсѣмъ еще мальчикъ, едва-ли окончившій среднюю школу. О. Василій ничѣмъ не показалъ, что раненый ему извѣстенъ. Торжественно и просто, не замедляясь, прочиталъ положенныя молитвы, потомъ вдругъ воскликнулъ.

— Сеня, да какъ же ты сюда попалъ?

— Вотъ попалъ, какъ и всѣ, кто можетъ.

— Такъ чего же ты миѣ не сказалъ? Мать-то жива, здорова?

— Благодарю васъ, дядя, — вѣроятно, здорова. Я совсѣмъ писемъ на получаю..

— Ну молчи, молчи. Нельзя тебѣ волноваться, не из-за чего. Все равно, побѣдимъ мы, а что ты самъ, можетъ быть, не вернешься, объ этомъ не думай. Время-ли?.. Твое дѣло маленькое, мое-маленькое. Маленькое, да маленькое, а глядишь-большое вышло!..

Обходили караулъ, ночь была августовская, темная, съ частыми звѣздами. Пахло землей и лошадьми.. Собирались уже возвращаться, какъ увидѣли небольшую фигуру, недвижно стоявшую пагахъ въ пятидесяти. Хотѣли было окликнуть, да взять на прицѣлъ, какъ одинъ солдатъ шепнулъ.

— Это они. ваше благородіе.

— Кто они?

— О. Василій.

— Что же онъ дѣлаетъ?

— А кто его знаетъ! Не иначе, какъ гуляетъ, навѣрное..

— Странно, — что за ночныя прогулки! И потомъ, чего же онъ тогда стоитъ, какъ столбъ?

Дѣйствительно, о. Василій стоялъ ватянувшись, во весь свой маленькій ростъ, поднявъ высоко свои руки и закинувъ голову къ звѣздамъ. Вдругъ склонился, будто упалъ на земь. Долго не подымался. Опять столбомъ къ небу.. Молился?.. Пробовали окликнуть, — не слышать. Офидеръ и солдаты постояли.. Батюшка все столбушкомъ стоитъ, воздвигнувъ руки..

Такъ и ушли, не дозвавшись..

Редакторъ Протоіерей Платонъ Петровъ

печатать дозволяется. Кіевъ 25-го Января 1917 года.

Цензоръ Протоіерей Николай Гроссу

ГОДЪ

LVII

УЧЕБНОЕ ПРАВОСЛАВІЕ

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ШЕСТЬ руб., съ пересылкою СЕМЬ
рублей.

№ 4

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1917 года 15-го февраля.

Содержаніе: I. Мысли о. Іоанна Кронштадтскаго объ общественномъ бо-
гослуженіи.—II. Тріодъ Постная въ новоисправленномъ видѣ.
Г. П.—III. Изъ бесѣдъ со штундистами. О спасеніи. свящ. Цвѣт-
ковскаго.—IV. Важный вопросъ въ текущій моментъ. Сем.
Марченко.—V. Соціально политическія увлеченія протестант-
скихъ пасторовъ. П.—VI. Изъ повременной печати. Н. Гуми-
левскаго.—VII. Забытые православные. №.—VIII. Душа рус-
скаго война. Г. П.

Мысли о. Іоанна Кронштадтскаго объ обществен- номъ богослуженіи.

Понстипѣ храмъ есть земное небо, ибо гдѣ престоль
Божій, гдѣ страшныя Тайны совершаются, гдѣ Ангелы слу-
жать съ челоуѣками, гдѣ непрестанное славословіе Вседер-
жителя, тамъ истинное небо и небо небесе. Итакъ, да вхо-
димъ въ храмъ Божій, наипаче во Святое Святыхъ, со стра-
хомъ Божиимъ, съ чистымъ сердцемъ, отложивъ страсти и
все житейское попечаніе, да стоимъ въ немъ съ вѣрою,
благоговѣніемъ, разумно, внимательно, съ любовію и миромъ

въ сердцѣ, да исходимъ обновленными, какъ бы небесными, да живемъ во святинѣ, свѣйственной небу, не связуясь житейскими похотями и сластями.

Люблю я молиться въ храмъ Божию, особенно въ св. алтарь, у престола или у жертвенника Божія, ибо чудно измѣняюсь я во храмъ богатію Божію; въ молитвѣ покаянія и умиленія спадаютъ съ души моей тернія, узы страстей, и мнѣ становится такъ легко; все обаяніе, вся прелесть страстей исчезаютъ, я какъ бы умираю для міра, и міръ для меня со всѣми своими благами; я оживаю въ Богѣ и для Бога, для единого Бога, и весь Имъ проникаюсь и бываю единъ духъ съ Нимъ; я дѣлаюсь, какъ дитя, утѣшаемое на колѣняхъ матерн; сердце мое тогда полно пренебеснаго мира; душа просвѣщается свѣтомъ небеснымъ; все свѣтло видишь, на все смотришь правильно, ко всѣмъ чувствуешь дружество и любовь, къ самимъ врагамъ, и охотно ихъ извиняешь и прощаешь. О, какъ блаженна душа съ Богомъ! Церковь истинно земной рай.

Что если бы Ты, Господи Боже мой, Иисусе Христе, возблистала свѣтъ Божества Своего отъ Пречистыхъ Твоихъ Тайнъ, когда онѣ почиваютъ на св. престолѣ—на дискосѣ во время Литургіи, или въ дарохранительницѣ, или дароносицѣ, когда іерей Твой несетъ ихъ на персѣхъ своихъ, идя къ больному или отъ него! Отъ этого свѣта поверглись бы въ страхъ на землю всѣ встрѣчающіеся или возрѣвшіе на нихъ изъ домовъ своихъ, ибо и Ангелы отъ страха неприступной славы Твоей покрываются! А между тѣмъ какъ равнодушно иные обращаются съ этими пренебесными Тайнами! Какъ иные равнодушно совершаютъ страшное священно-дѣйствіе св. Тайнъ!

Видя свѣчи горящія и лампы въ церкви, восходи мыслію отъ огня вещественнаго къ невещественному огню Духа святаго: *Богъ нашъ есть огонь поядай* (Евр. 12, 29); видя и обоняя еиміамъ благоуханный, востекай мыслію къ духовному благоуханію Духа Святаго: *благоуханіе есмь Богови*

(2 Кор. 2, 15), равно по противоположности—къ духовному смраду, который есть грѣхъ, и старайся исполняться огнемъ Духа Святаго и прогонять сердечную холодность, которая отъ діавола, отъ плоти и отъ міра приходитъ, и благоухай предъ Богомъ благоуханіемъ добродѣтелей: кротости, незлобія, смиренія, послушанія, воздержанія, цѣломудрія, терпѣнія и проч. Удаляйся зловонія страстей, злобы, зависти, гордости, непослушанія, невоздержанія блуда и проч.

Тріодъ Постная въ новоправленномъ переводѣ.

Внимательный православный христіанинъ, а тѣмъ болѣе—православное духовенство, не могутъ не считаться съ фактомъ невразумительности нѣкоторыхъ нѣснопѣній православнаго богослуженія. Кто пытался сравнивать такія нѣснопѣнія съ оригинальными, т. е. греческими, тому нельзя было не видѣть, что неясности церковно—славянскихъ нѣснопѣній имѣютъ своимъ источникомъ или слишкомъ буквальную, или же неточную передачу греческихъ понятій.

Въ виду этого при Св. Синодѣ образована особая коммиссія по исправленію богослужебныхъ книгъ, предсѣдателемъ которой состоитъ архіепископъ Сергій Финляндскій. Эта коммиссія свѣряетъ церковно—славянскій текстъ богослужебныхъ книгъ съ греческихъ, устанавливаетъ правильность или неправильность перевода, выработываетъ въ нужныхъ случаяхъ болѣе удачную редакцію..

Въ настоящее время Тріодъ Постная уже исправлена. Но крайней мѣрѣ, въ извѣстномъ церковно—богослужебномъ сборникѣ „Избранныя молитвы и нѣснопѣнія“ (Москва, Синодальная типографія, 1913 г.) извлеченія изъ Тріоди Постной напечатаны уже въ исправленномъ видѣ.

Пишущему это данный фактъ принесъ самую искреннюю радость. Сдѣланныя исправленія совпали съ его завѣтными думами и желаніями относительно церковно—богослужебныхъ книгъ. Поэтому авторъ не можетъ не отмѣтить произведенныя комиссіей усовершенствованія церковно—славянскаго языка Тріоди Постной.

Исправленія становятся замѣтными съ самаго начала Тріоди. Уже пѣснь (останавливаемся на общеизвѣстныхъ пѣснопѣніяхъ) „Покаянія отверзи ми дѣра“ звучитъ нѣсколько не такъ, какъ привыкъ слышать ее всякій: „очисти благоутробною Твою милостію“ передано проще, — «очисти благосердою Твоего милостію». „Студными бо окаляхъ душу грѣхми“ новая Тріодъ передаетъ значе: „студными бо осквернихъ душу грѣхми“..

Просматривая, далѣе, общеизвѣстные ирмосы канона св. Андрея Критскаго, мы находимъ здѣсь небольшое исправленіе ирмоса пѣсни третьей: „На недвижимѣмъ, Христе, камени заповѣдей Твоихъ утверди мое помышленіе“. Ирмосъ переданъ такъ: „На недвижимомъ камени заповѣдей Твоихъ, Христе, утверди мое помышленіе.“

Приведенныя примѣры исправленій показываютъ, особенно въ покаянной пѣсни, желаніе комиссіи упростить способъ выраженія старой Тріоди. По крайней мѣрѣ, такъ можно думать, не справляясь—въ греческой Тріоди (ее мы подъ руками, къ сожалѣнію, не могли имѣть), а—на основаніи простого сравненія текста обѣихъ Тріодей.

Теперь приглашаю читателя посмотрѣть, по порядку Тріоди, извѣстную своими призывами стихиру среды поведѣльнива первой седмицы великаго поста на вечерни (предъ литургіей Преждеосвященныхъ Даровъ). Приводимъ ее сначала изъ старой Тріоди: „Постящеса, братіе, тѣлѣснѣ, постимся и духовнѣ; *разрѣшимъ* всякій союзъ неправды; *расторгнемъ стропотная нуждныхъ измѣненій*; всякое *списаніе* неправедное раздеремъ; дадимъ алуцимъ хлѣбъ, и нищія безкровныя введемъ въ домъ,—да примемъ отъ Хри-

ста Бога велию милость“.. Въ новой Тріоди эта стихира представляет много любопытныхъ исправленій.. Вотъ она: «Постышеса, братіе, тѣлѣснѣ, постысма и духовнѣ: *разрушимъ* всякій союзъ неправды; *расторнемъ стѣти насильныхъ соглашеній*; всякое *писаніе* неправедное раздеремъ... Не обращаясь даже къ греческому тексту Тріоди, можемъ сказать, что произведенныя здѣсь исправленія прежнихъ трехъ словъ «стропотная нужныхъ измѣненій» есть замѣна очевидной неправильности перевода.

Не менѣе общеизвѣстна и дорога православному сердцу стихира на вечерни пятка первой седмицы. Приведемъ и ее: «Придите, вѣрніи, дѣлаимъ во свѣтѣ дѣла Божія, яко во дни благообразно ходимъ: всякое неправедное *списаніе отъ себе ближняго отымемъ*, не полагающе претыканія сему въ соблазнъ; оставимъ плоти сладострастіе; возрастимъ души дарованія; *дадимъ требующимъ хлѣбъ*, и приступимъ Христу, въ покаяніи зовуще: Боже нашъ, помилуй насъ!“

Въ новой Тріоди эта стихира даетъ рядъ яркихъ особенностей: „Придите, вѣрніи, дѣлаимъ во свѣтѣ дѣла Божія, яко во дни благообразно *да ходимъ*: всякое *непереведное написаніе на ближняго отъ себе отымемъ*, не полагающе претыканія сему въ соблазнъ; оставимъ плоти сладострастіе, возрастимъ души дарованія; *дадимъ нуждающимся хлѣбъ*, и приступимъ *ко Христу*, въ покаяніи зовуще, Боже нашъ, помилуй насъ!“

Тропарь святому мученику Θεодору Тирону звучитъ уже значительно яснѣе: „Велія вѣры исправленія! (поставленъ восклицательный знакъ, а въ старой Тріоди Кіево-Печерской лавры нѣтъ никакого знака) во источницѣ пламене, яко на водѣ *покойтъ* (вмѣсто „упокоенія“), святой мученикъ Θεодоръ *радовашеса*“... Общеизвѣстный богородичень, слѣдующій за тропаремъ, „*Вся паче смысла*“, подвергся попутному исправленію согласно правиламъ церковно-славян-

ской рѣчи: „Вся паче смысла, вся *преславна* (вмѣсто опредѣленія „преславная“) твоя, Богородице, таинства: чистотѣ *запечатанный* (вм. руссизма „запечатаной“)..

Тропарь недѣли первой седмицы „Пречистому образу Твоему покланяемся, Благій“... имѣеть небольшое исправленіе въ концѣ: „ да избавиши, яже создалъ еси, отъ работы *врагу* (вм. „вражія“); *тѣмже* (вм. „тѣмъ“) благодарствую по вопіемъ Ти“...

Обращаютъ на себя вниманіе исправленія привычныхъ фразъ стихирь Креста Господня... Въ первой стихирѣ „Приидите, вѣрніи, животворящему Древу поклонимся“ имѣются слѣдующія измѣненія: „Христоръ, Царь славы, волею руцѣ распротеръ, вознесе насъ *въ* первое блаженство“ (вмѣсто прежняго: *на* первое блаженство“), *ихже* прежде *врагъ* *сластію украдъ*, изгнаны отъ Бога сотвори (вм. прежняго расположенія словъ; „сластію украдъ врагъ“)...; *имже* сподобихомся невидимыхъ врагъ *сокрушати* (вм. „сокрушити“) главы“..; „придите, вся *племена* (вм. „отечествія“) языкъ“; „и на тебѣ (крестѣ) *привожденнаго* (вм. пригвоздившагося) Бога славимъ, глаголюще: Господи, на томъ *привожденный* (вм. „пригвоздивыйся“), помилуй насъ!“... Конецъ второй стихирь „Днесъ Владыка твори“ измѣненъ: „яко *благосердъ* (вм. „благоутроенъ“). Повидимому, комиссія рѣшила со словомъ „благосердіе“ поступать вездѣ одинаково (см. выше и ниже однородные случаи).

Стихирь „Днесъ неприкосновенный существомъ“ изъ новой Тріоди мы уже не услышимъ: здѣсь она читается иначе,— „Днесъ *неприступный* существомъ *приступенъ* (вм. „прикосновенъ“) мнѣ бываетъ... *Иза* *плъщениыя* *даетъ* *плещи* *на* *раны* (вм. прежняго расположенія: „и даетъ плещи за плъщенныя на раны“) „*Бездыханенъ*, *беззраченъ* являешися“ (вм. „бездыханный, беззрачный“) .. Покланяюся *благосердію* (вм. „благосербію“) Твоему“.. „Долготерпѣливе, *Господи* (въ прежней Тріоди нѣтъ), слава Тебѣ“.

Переводъ послѣдней стихирѣ представляетъ собой особую цѣнность, такъ какъ здѣсь внесена не только ясность, но и большая правильность мысли. Прежній текстъ: „Днесь пророческое исполнися слово: се бо покланяемъ на мѣсто, идѣже стоятъ позѣ Твои, Господи; и дрѣва спасенія вкусивше, грѣховныхъ страстей свободу улучихомъ“... Новая Трїода даетъ здѣсь смыслъ, не оставляющій какихъ-либо перетолкованій: „и отъ дрѣва спасительнаго вкусивше, отъ грѣховныхъ страстей свободу получихомъ“...

Тропарь пятой недѣли и, въ частности, его первая фраза осталась, къ сожалѣнїю неисправленной: „Въ тебѣ, мати, извѣстно (твердо) спасеся (сохранилось) еже по образу“...

Пропуская мелкія исправленія, перейдемъ прямо къ 5-й пѣсни канона въ недѣлю ваий. Въ прежней Трїоди ирмосъ ея изложенъ такъ: „На гору сіонъ възди благовѣствуяй и Іерусалиму проповѣдуяй, въ крѣпости вознести гласъ: преславная глаголашася о тебѣ, граде Божїй; миръ на Израиля и спасеніе языкомъ“. Новый переводъ даетъ болѣе ясный смыслъ ирмоса: „На гору възди, сіону благовѣствуяй, и Іерусалиму проповѣдуяй, въ крѣпости возвыси гласъ: преславная глаголашася о тебѣ, граде Божїй; миръ на Израиля и спасеніе языкомъ“...

Не бесполезно обратить вниманіе на новую редакцію ирмоса 7-й пѣсни. Обычная редакція ея такова: „Спасый во огни авраамскія Твоя отроки и халдеи убивъ, яже правда праведно уловляше, препѣтый Господи Боже отецъ нашихъ. благословенъ еси“. Въ новомъ видѣ этотъ ирмосъ имѣетъ очень упорядоченный видъ: „Спасый во огни авраамскія, твоя отроки и халдеи убивый, иже неправедно праведныя уловляху, препѣтый Господи Боже отецъ, благословенъ еси“. Ирмосъ девятой пѣсни звучитъ иначе: „Веселимся, Іерусалиме, торжествуйте любящїи Сїонъ (вм. „Сїона“).

Кондакъ великаго понедѣльника, при всей его ясности въ прежней Трїоди, все же претерпѣлъ сильныя измѣненія:

„Іаковъ рыдаше о Іосифовѣ лишеніи, той же доблій сѣдѣше на колесницѣ, яко царь почитаемъ: египтяныни бо тогда сластямъ не поработився, воспрославляшеся отъ видящаго челоувѣческая сердца“... Подчеркнутыя мѣста новаго перевода въ прежней редакціи звучатъ иначе: „Іосифова лишенія“, „не поработавъ“, „отъ вѣдущаго“; „той же“ въ прежней редакціи отсутствуетъ.

Ирмосъ 8-й пѣсни канона въ великій понедѣльникъ по старой Тріоди представляетъ большія трудности для пониманія. Вотъ онъ: „Устрашися отроковъ благочестивыхъ, сообразнаго души несквернаго тѣла, и устранися воспитанный въ безмѣрномъ веществѣ, неутружденъ огнь, присноживущу же изувядшу пламени; вѣчнующая пѣснь воспѣвашеся: Господа, вся дѣла, пойте, и превозносите во вся вѣки“. Новая Тріодъ несетъ съ собою болѣе ясный смыслъ, хотя и ея редакція бросается въ глаза своѣй зависимостью отъ греческой разстановки словъ: „Устрашися сообразнаго души несквернаго тѣла, отроковъ благочестивыхъ, и устранися, воспитанный въ безмѣрнѣмъ веществѣ, непрестанный огнь; изувядшу же пламени, вѣчнующая пѣснь присноживущему воспѣвашеся: вся дѣла, Господа пойте, и превозносите во вся вѣки“.

Повидимому, желаніемъ быть согласными съ греческимъ текстомъ надо объяснить измѣненіе въ тропарѣ великаго четвертка „Егда славніи ученицы“: „Виждь, имѣнній рачителю, сихъ ради *удавленію вдавшагося*“ (см. „удавленіе употребивша“).

Привѣтствуетъ православное сердце измѣненіе въ ирмосѣ первой пѣсни канона въ великій четвертокъ. Мы привыкли къ формѣ: „Сѣченное сѣчется море черное, *вонопитаемая* же изсушается глубина; таяжде купно *безоружнымъ* бывши проходима, и всеоружнымъ . гробъ; пѣснь же *богокрасная* воспѣвашеся“... Пытливость христіанская перѣдко выражалась въ желаніи знать, что значить это „сѣченное сѣчется“? Теперь ей дано полное удовлетвореніе: „Сѣченнымъ сѣчется

море черное, волнопитающая же иссушается глубина; таяже купно и безоружнымъ бывши проходима, и всеоружнымъ гробъ; пѣснь же *Юу красная* воспѣвашеся“. Пѣснь 3-я имѣетъ свой ирмосъ въ иномъ видѣ. Прежняя редакція его отличается излишнимъ буквализмомъ: „Господь сый всѣхъ и Зиждитель Богъ, созданное безстрастный обнищавъ себѣ соедини, и Пасха, за яже хотяше умерети, Самъ сый Себе предожре; ядите, вопія, Тѣло Мое и вѣрою утвердитесь“. Новый переводъ легче: „Господь сый всѣхъ и Зиждитель Богъ, безстрастный обнищавъ, созданное себѣ соедини, и Пасха сый, за нижеже хотяте умерети, тѣмъ Самъ Себе предложи, вопія: ядите Тѣло Мое и вѣрою утвердитесь“..

Ирмосъ 5-й пѣсни въ новомъ переводѣ гласитъ: „Сюзомъ любви связуемъ апостоли, владычествующему всѣмъ Христу себѣ предавши“... (вмѣсто: „владычествующему всѣмъ себе Христу возложше“). Ирмосъ 6-й пѣсни: Бездна послѣдняя грѣховъ обыде мя, и волненія уже не терпя (вмѣсто: „не ктому терпя“), яко Юна вопію Ти Владыцѣ (вм.: „Владыцѣ вопію Ти“).

Ирмосъ 8-й пѣсни подвергся существенному исправленію. Въ прежней Тріюди онъ изложенъ такъ: „За законы отеческія блаженнѣи въ Вавилонѣ юноши предбдствующе, царюющаю оплеваша повелѣніе безумное, и совокуплени, имже не сваришася, онемъ, державствующему достойну воспѣваху пѣснь“... Новая Тріюда: „За законы отеческія древле бдствующе, блаженнѣи въ Вавилонѣ юноши презръша царюющаго повелѣніе безумное, и совокуплени огню, имже не попалишася, Вседержителю достойну воспѣваху пѣснь“. Наконецъ, въ канонѣ великаго четвертка уже цѣтъ „Странствія владычнн“... Вмѣсто этого невѣрнаго перевода греческаго ирмоса мы теперь имѣемъ: *Вечери* владычнн“... Вмѣсто „восшедша Слова отъ слова научившеса“ теперь болѣе правильно: „возвышенному Слову отъ слова научившеса“..

Вторая стихира на стиховиѣ того же великаго четвертка звучитъ согласно съ греческой: „Днесь Юда сокрываетъ личину нищелюбія (вм. нищелюбія сокрываетъ лице“..)

Боюсь утомить читателя приведеніемъ новыхъ примѣровъ любовнаго отношенія комиссін къ тексту одной изъ лучшихъ богослужебныхъ книгъ. Но и того, что мною отмѣчено, думаю, вполне достаточно, чтобы ясно видѣть, какъ сильно приближены перлы восточно-православной поэзіи къ мысли и совѣсти христіанъ. Вотъ одинъ изъ образцовъ истинно-православной реформы! Онъ зародился изъ потребностей церковнаго быта, идетъ навстрѣчу подлинной релігіозной жизни, свободенъ отъ всякихъ внушающихъ вліяній политики, которая часто опредѣляетъ и самые вопросы, и рѣшеніе ихъ.

Г. И.

Изъ бесѣдъ со штундистами.

О Спасеніи.

Правосл.—Богъ сотворилъ первыхъ людей существами невинными, праведными; но за преступленіе заповѣди Божественной наказалъ ихъ тѣмъ, что выгналъ изъ рая, проклялъ ихъ и это проклятіе распространилось на весь родъ человѣческій. Объ этомъ говоритъ Ап. Павелъ въ посланіи къ Римлянамъ: «Иосему, какъ однимъ человѣкомъ грѣхъ вошелъ въ міръ, и грѣхомъ смерть, такъ и смерть перешла во всѣхъ человѣковъ, потому что въ немъ всѣ согрѣшили» (5, 12.) Несчастно было положеніе всѣхъ людей! Весь міръ уже обреченъ былъ на смерть и проклятіе! Но Милосердный Господь, чтобы избавить людей отъ власти сатаны (Быт. 3, 15), рѣшилъ послать Сына Своего, дабы Онъ, добровольно пострадавъ за всѣхъ, избавилъ ихъ отъ грѣха и проклятія. А для сего нужно было приготовить людей. Былъ избранъ отдѣльный болѣе благочестивый народъ, данъ ему законъ, слѣдуя которому во всемъ, можно было приготовиться къ принятію Спасителя. Когда же пришелъ на землю Иисусъ Христосъ, то Онъ Самъ до поры до времени соблюдалъ ев-

рейскій законъ; только тогда, когда уже выступилъ на проповѣдь, Онъ внесъ въ него нѣкоторое измѣненіе или, вѣрнѣе, исправленіе. Прежде всего для спасенія людей Онъ потребовалъ у нихъ вѣры въ Себя, какъ Сына Божія. Но іудеи въ Него не увѣрвали, ибо они ожидали Мессію въ видѣ земного царя, который бы сдѣлалъ ихъ владыками надъ миромъ,—предали Его суду и распяли (Дѣян. 2, 23). Такимъ образомъ, Іисусъ Христосъ страдалъ на землѣ, но страдалъ Онъ не даромъ: Своими страданіями Іисусъ Христосъ удовлетворилъ правдѣ Божіей, далъ возможность всѣмъ желающимъ получить избавленіе, освобожденіе отъ проклятія. Что же требуется отъ людей, желающихъ наслѣдовать жизнь вѣчную? А вотъ что: вѣровать въ Іисуса Христа, что Онъ есть Сынъ Божій, и творить добрыя дѣла при помощи благодатныхъ даровъ, получаемыхъ въ таинствахъ. Никто изъ невѣрующихъ въ Іисуса Христа Сына Божія не получитъ спасенія: ни іудеи, ни язычники, ни другіе, если бы даже и творили всѣ добрыя дѣла и исполняли весь законъ. Это видно изъ слѣдующихъ мѣстъ Евангелія: „Кто будетъ вѣровать и крестится, спасенъ будетъ; а кто не будетъ вѣровать, осужденъ будетъ“ (Мр. 16, 16)...

«Истинно, истинно говорю вамъ: слушающій слово Мое и вѣрующій въ пославшаго Меня имѣетъ жизнь вѣчную» (Іоан. 5, 24). На вопросъ іудеевъ: „что намъ дѣлать, чтобы творить дѣла Божіи?—Іисусъ Христосъ отвѣтилъ“; „вотъ дѣло Божіе, чтобы вы вѣрвали въ Того, Кого Онъ послалъ“... „Воля Пославшаго Меня есть та, чтобы всякій, видящій Сына и вѣрующій въ Него, имѣлъ жизнь вѣчную (Іоан. 6, 28-29. 40. 47; 20, 31). Но одной вѣры недостаточно для спасенія, нужны еще и дѣла. И никто изъ вѣрующихъ во Христа не войдетъ въ жизнь вѣчную, если не будетъ при своей вѣрѣ еще соблюдать заповѣдей Его и жить такъ, какъ гласитъ законъ евангельскій. Ап. Іаковъ объ этомъ говоритъ такъ: „Что пользы, братія мои, если кто говоритъ, что онъ имѣетъ вѣру, а дѣлъ не имѣетъ? Можетъ ли эта вѣра спасти его?..

Вѣра, если не имѣеть дѣлъ, мертва сама по себѣ. Но скажетъ кто—нибудь: „ты имѣешь вѣру, а я имѣю дѣла“; покажи мнѣ вѣру твою безъ дѣлъ твоихъ, а я покажу тебѣ вѣру мою изъ дѣлъ моихъ. Ты вѣруешь, что Богъ единъ: хорошо дѣлаешь; и бѣсы вѣрують и трепещуть... Не дѣлами ли оправдался Авраамъ, отецъ нашъ, возложивъ на жертвенникъ Исаака, сына своего? Видишь ли, что вѣра содѣйствовала дѣламъ его, и дѣлами вѣра достигла совершенства? . Видите ли, что человекъ оправдывается дѣлами, а не вѣрою только?... Ибо, какъ тѣло безъ духа мертво, такъ и вѣра безъ дѣлъ мертва. (Іак. 2, 14-26). Посему, по ученію Православной Церкви, для того, чтобы получить спасеніе, необходимо и вѣровать въ Сына Божія, и творить добрыя дѣла.

Штунд.—Въ ветхомъ завѣтѣ, дѣйствительно, нужны были дѣла, но постольку, поскольку была слаба вѣра у человека, и чѣмъ сильнѣе вѣра была, тѣмъ меньшая была необходимость въ дѣлахъ: „А педѣлающему, но вѣрующему въ Того, Кто оправдываетъ нечистиваго, вѣра его вмѣняется въ праведность“ (Рим. 4, 5). Потому то и всѣ праведники получали оправданіе черезъ вѣру: «Если Авраамъ оправдался дѣлами, онъ имѣеть похвалу, но не предъ Богомъ. Ибо что говоритъ Писаніе? „Повѣрилъ Авраамъ Богу, и это вмѣнилось ему въ праведность“ (Рим. 4, 2-3). «Вѣрою Авель принесъ Богу жертву лучшую, нежели Каинъ; ею получилъ свидѣтельство, что онъ праведенъ, какъ засвидѣтельствовалъ Богъ о дарахъ его; ею онъ и по смерти говорить еще. Вѣрою Енохъ переселенъ былъ такъ, что не видѣлъ смерти... А безъ вѣры угодить Богу невозможно. Вѣрою Раавъ блудница не погибла съ невѣрными» (Евр. 11, 4-31) «И писаніе, провидя, что Богъ вѣрою оправдаетъ язычниковъ, предвозвѣстило Аврааму: „въ тебѣ благословятся всѣ народы“ (Гал. 3, 8). Со времени же Христа дѣла совершенно не нужны, ибо „мы признаемъ, что человекъ оправдывается вѣрою, а не дѣлами закона“ (Рим. 3, 28),

«Однако же узнавъ, что человекъ оправдывается не дѣлами закона, а только вѣрою въ Иисуса Христа, и мы увѣровали въ Христа Иисуса, чтобы оправдаться вѣрою во Христа, а не дѣлами закона, ибо дѣлами закона не оправдается никакая плоть» (Гал. 2, 16).

Прав.—Вѣра есть только первый моментъ въ дѣлѣ спасенія. Человекъ прежде всего долженъ увѣровать въ Бога и Иисуса Христа и тѣмъ, что онъ увѣруетъ, онъ какъ бы отдѣляется отъ общества сатаны и присоединяется къ Церкви Христовой. Всѣ праведники ветхозавѣтные тѣмъ, что они увѣровали въ Истиннаго Бога, давали возможность Самому Богу оказывать имъ особенное вниманіе Своего Промысла. Такіе люди были отдѣляемы отъ язычниковъ и даже переселяемы въ другія страны, какъ доброе сѣмя отъ плевель, на примѣръ, Авраамъ (Быт. 12, 1), часто получали откровенія и наставленія отъ Самого Бога. Однако изъ того, что эти праведники вѣровали, не слѣдуетъ что они черезъ одну только вѣру получали награду. Что было бы, если бы они вѣровали въ Истиннаго Бога, но жили такъ, какъ язычники—развѣ они были бы праведниками? Нѣтъ! У нихъ бы тогда и вѣра въ Бога ослабѣла, а мало-помалу и совсѣмъ заглохла. А для того, чтобы вѣра возрастала, необходимо было поддерживать ее добрыми дѣлами. Ап. Іаковъ говоритъ: „Видишь ли, что вѣра содѣйствовала дѣламъ его и дѣлами вѣра достигла совершенства?“ (2, 22). Вѣдь Богъ испытывалъ вѣру въ дѣлахъ; на примѣръ, Авраама—въ послушаніи: въ томъ, что онъ не отказался даже и сына своего возлюбленнаго принести въ жертву Богу, за это «другъ Божій наречеся» (Іак. 2, 23). Развѣ Авраамъ получилъ названіе „друга Божьяго“ за вѣру свою? Нѣтъ! за то дѣло, которое онъ сдѣлалъ. Правда, въ этомъ дѣлѣ проявилась твердость его вѣры, но безъ этого дѣла не назывался бы онъ другомъ Божиимъ. (Іак. 2, 21-24) Равно, какъ Ной называется праведникомъ не за одну только вѣру, но и за дѣла, которыя онъ совершалъ. Вѣдь, если бы Ной

не послушался Бога и не сдѣлалъ ковчега, развѣ онъ назывался бы Праведникомъ? Итъ! Возьмите примѣръ изъ жизни Давида. Давидъ, какъ извѣстно, вѣровалъ въ Истиннаго Бога и вѣровалъ твердо и всегда, однако въ одно время согрѣшалъ предъ Богомъ тѣмъ, что сотворилъ беззаконное дѣло, убилъ мужа Урія изъ любви къ его жевѣ (2 цар. 11 15. 17). Это было угодно Богу? И Богъ послалъ къ нему пророка, чтобы онъ раскаялся, и тотъ сознался въ своемъ поступкѣ и просилъ у Бога прощенія (2 цар. 12, 13; Пс. 50). Зачѣмъ тогда, если праведники оправдывались вѣрой одной, говорится въ ветхозавѣтномъ законѣ: «Блаженны непорочные въ пути, ходящіе въ законѣ Господнемъ» (пс. 118, 1); „Блаженъ мужъ, который не ходитъ на совѣтъ нечестивыхъ и не стоитъ на пути грѣшныхъ“ (Пс. 1, 1; Прит. 10, 30; Иер. 15, 17)? Зачѣмъ тогда самъ Царь Давидъ просилъ у Бога, чтобы Онъ даровалъ ему силу соблюдать заповѣди? (Пс. 118, 5). Зачѣмъ тогда давался весь законъ, если-бы нужна была для спасенія одна вѣра? Наоборотъ, въ ветхомъ завѣтѣ все вниманіе было обращено на то, чтобы исполнить весь законъ, который былъ для іудеевъ какъ бы игонъ (Гал. 3, 10). Съ пришествіемъ Христа эти же дѣла также не уничтожены для хотящихъ наследовать спасеніе. Объ этомъ Самъ Іисусъ Христосъ сказалъ: „Не всякій, говорящій Мнѣ: «Господи! Господи», войдетъ въ Царство Небесное, но исполняющій волю Отца Моего“ (Мѡ. 7, 21; Лк. 6, 46). Значить, одной вѣры недостаточно для спасенія, а нужно еще исполнить волю Отца Небеснаго, то-есть, весь законъ, творить добрыя дѣла: «терпѣніемъ вашимъ спасайте души ваши» (Лк. 21, 19). Это ясно сознавали Апостолы, и слова Ап. Павла: „признаемъ, что человекъ оправдывается вѣрою,“ несколько не отрицаютъ необходимости добрыхъ дѣлъ для спасенія. Эти слова сказаны въ посланіяхъ къ Римлянамъ и Галатамъ. Въ Церквахъ Римской и Галатійской былъ споръ о томъ, нуженъ ли ветхозавѣтный законъ для христіанъ? Этотъ споръ затѣяла

партія іудействующихъ христіанъ, которые, хотя увѣровали во Христа, но продолжали держаться еврейскаго закона,—въ чемъ они полагали всю силу спасенія. Узнавъ о появленіи такихъ учителей, Ап. Павель и пишетъ, каково значеніе еврейскаго закона. Ветхозавѣтный законъ только приготовлялъ людей ко спасенію, „былъ дѣловодителемъ ко Христу“ (Гал. 3, 24), однако не могъ сдѣлать людей совершенными. Совершенство люди получили только съ пришествіемъ Иисуса Христа, Который снялъ съ людей покрывало Моисеева закона (2 Кор. 3, 14), но не отыгнулъ его, а вспомнилъ (Мѡ. 5 17). Итакъ, теперь спасеніе получается не черезъ соблюденіе одного закона Моисеева, но черезъ вѣру во Христа и черезъ соблюденіе тѣхъ дополненій, исправленій закона, тѣхъ заповѣдей, которыя принесъ Иисусъ Христосъ. Ап. Павель подъ «дѣлами закона» разумѣетъ законъ ветхозавѣтный, а не новозавѣтный. А что нужно исполнять законъ новозавѣтный, это видно изъ того же посланія: „Не слушатели закона праведны предъ Богомъ, но исполнители закона оправданы будутъ“ (Рим. 2, 13); „Блаженны кроткіе, ибо они наследуютъ землю... Блаженны милостивые, ибо они помилуютъ будутъ. Блаженны чистые сердцемъ. Блаженны миротворцы“ (Мѡ. 5, 5-11).

Шт.—Въ свящ. Писаніи ясно сказано: „дѣлами закона не оправдается никакая плоть“ (Гал. 2, 16).

Прав.—Вѣрно! Дѣлами ветхозавѣтнаго закона со времени Иисуса Христа никакой человекъ не оправдается. А что здѣсь разумѣется законъ ветхозавѣтный, то это видно изъ разсмотрѣнія всего этого посланія. Какъ уже раньше было сказано, эти слова сказаны были Апостоломъ христіанамъ изъ іудеевъ, которые соблюдали законъ Моисеевъ, и въ частности, обрѣзаніе, значить, подъ „дѣлами закона“ разумѣются дѣла ветхозавѣтнаго закона. Однако, Самъ Иисусъ Христосъ требовалъ не только вѣры въ Него, но и соблюденія заповѣдей. Когда къ Нему приступилъ одинъ юноша и спросилъ Его: «Что сотворю, да наследую жизнь вѣч-

ную“?—Иисусъ Христосъ отвѣтилъ ему: „Если хочешь войти въ жизнь вѣчную, соблюди заповѣди. Говорить Ему: Какія? Иисусъ же отвѣтилъ: не убивай; не прелюбодѣйствуй; не кради; не лжесвидѣтельствуй; почитай отца и мать и люби ближняго твоего, какъ самого себя“ (Мѳ 19, 16-19),

А изъ описанія Страшнаго суда видно, что тѣ, которые исполняли заповѣди Христовы и жили по закону, наследуютъ Царство вѣчное, и только имъ скажетъ Праведный Судья: „придите благословенные Отца Моего“ (Мѳ. 25, 34), а тѣ, которые, хотя вѣровали во Христа, но не исполняли Его воли, наследуютъ мѣсто, уготованное діаволу. Ап. Павелъ также подтверждаетъ необходимость дѣлъ для спасенія, говоря: „Ибо всѣмъ намъ должно явиться предъ судище Христово, чтобы каждому получить соответственно тому, что онъ дѣлалъ, живя въ тѣлѣ, доброе или худое“ (2 Кор. 5, 10), „Ибо мы Его твореніе, созданы во Христа Иисуса на добрыя дѣла, которыя Богъ предназначилъ намъ исполнять (Еф. 2. 10).

Шт.—Иисусъ Христосъ сказалъ: „Не всякій, говорящій Мнѣ: „Господи! Господи!“ войдетъ въ Царство небесное, но исполняющій волю Отца Моего (Мѳ. 7, 21). Значитъ, для спасенія нужно творить волю Отца Небеснаго? А въ чемъ состоитъ воля Отца? Отвѣтъ на это даетъ намъ евангелистъ Іоаннъ: „Сія есть жизнь вѣчная, да знаютъ Тебя, одинаго истиннаго Бога, и посланнаго Тобою Иисуса Христа“ (Іоан. 17, 3); или, какъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ: „вотъ дѣло Божіе, чтобы вы вѣровали въ Того, Кого Онъ послалъ“ (Іоан. 6, 29); „заповѣдь Его та, чтобы мы вѣровали во имя Сына Его Иисуса Христа“ (Іоан. 3, 23). Это мы признаемъ, а больше ничего не нужно для спасенія.

Прав.—Итакъ, намъ нужно разсмотрѣть, въ чемъ состоитъ воля Отца Небеснаго: въ томъ ли только, чтобы люди увѣровали въ Иисуса Христа Сына Божія, или въ томъ, чтобы они увѣровали въ Него и жили, повинувся

Его заповѣдямъ? Эти слова (Іоан. 6, 29) сказаны были іудеямъ, и естественно, что въ отношеніи къ нимъ воля въ томъ состояла, чтобы они увѣровали. Вѣдь іудеи и до пришествія Христа имѣли законъ Божій и исполняли его, значить, для того, чтобы получить спасеніе, имъ необходимо было только увѣровать во Христа.—въ этомъ и состояла Воля Отца по отношенію къ іудеямъ. А по отношенію къ язычникамъ воля Отца состояла въ томъ, чтобы они не только увѣровали во Христа, но и жили, какъ прилично званію христіанина. Вѣдь у язычниковъ не было Божественнаго закона. Вѣдь они вели жизнь совершенно негодную Богу. Посему имъ нужно было не только увѣровать во Христа, но и принять законъ Божій. Потому-то Ап. Павелъ пишетъ въ первомъ посланіи къ Солунчанамъ: „Ибо воля Божія есть освященіе ваше, чтобы вы воздерживались отъ блуда; чтобы каждый изъ васъ умѣлъ соблюдать свой сосудъ въ святости и чести, а не въ страсти похотѣнія, какъ и язычники, незнающіе Бога; чтобы вы ни въ чемъ не поступали съ братомъ своимъ противозаконно и корыстолюбиво, потомучто Господь-метитель за все это, какъ и прежде мы говорили вамъ и свидѣтельствовали. Ибо призвалъ насъ Богъ не къ нечистотѣ, но къ святости“⁴, (3—7). Сектанты ошибаются, приводя слова изъ I посланія Іоанна; тамъ вѣдь далѣе говорится, что помиме вѣры нужна и любовь къ ближнему: „А заповѣдь Его та, чтобы мы вѣровали во Имя Сына Его Ісуса Христа и любили другъ друга, какъ Отецъ заповѣдалъ намъ. И кто сохраняетъ заповѣди Его, тотъ пребываетъ въ Немъ, и Отецъ въ томъ“ (Іоан. 3, 23-24).

Если для спасенія нужна одна вѣра, то почему же за худыя дѣла будутъ отвѣчать на странномъ судѣ? Почему судъ будетъ происходить не по вѣрѣ, а дѣламъ? Итъ, не только іудеи, магометане и язычники, но и вѣрующіе христіане будутъ осуждены, если только жить будутъ не по закону, ибо оправдываетъ человека „вѣра, дѣйствующая любовью“ (Гал. 5, 6), то-есть, вѣра въ соединеніи съ добрыми

дѣлами, такъ какъ изъ любви, какъ наивысшей добродѣтели, исходятъ всѣ добрыя дѣла (Рим. 13, 10). Потому то наибольшей заповѣдью считается „возлюбить Господа Бога и ближняго своего (Мѡ. 22, 36-37).

Шт.—Въ Книгѣ Дѣяній есть повѣствованіе объ обращеніи одного темничнаго стража. Ап. Павелъ началъ ему проповѣдывать о Христѣ. На вопросъ стража: «что мнѣ дѣлать?—Апостолъ отвѣтилъ: «вѣруй въ Господа Иисуса Христа, и спасешься ты и весь домъ твой» (Дѣян. 16, 30-31), а о дѣланіи добрыхъ дѣлъ ничего не говорится. Точно также и при обращеніи Корнилія Ап. Петръ требовалъ одной вѣры (Дѣян. 10, 43).

Прав.—Какъ уже было выше сказано, вѣра есть только первый моментъ въ дѣлѣ спасенія. Человѣку прежде всего необходимо увѣровать во Христа, и разъ онъ увѣровалъ, то этимъ онъ положилъ начало своему спасенію. Если, на примѣръ, ученикъ выдержалъ экзаменъ, то, значитъ, онъ уже поступилъ въ училище. Однако, изъ того, что онъ выдержалъ экзаменъ, нельзя заключать, что онъ будетъ всегда дѣйствительнымъ ученикомъ. Это уже зависитъ отъ дальнѣйшихъ его успѣховъ и поведенія. Такъ и здѣсь, человѣкъ увѣровалъ во Христа и этимъ присоединился къ Церкви Христовой, но онъ еще долженъ заботиться о томъ, чтобы быть истиннымъ сыномъ Церкви и послѣдователемъ Христовымъ; долженъ еще взять крестъ свой (Мѡ. 16, 24, 10, 38) и безукоризненно проводить жизнь, — только тогда онъ можетъ надѣяться на спасеніе! Относительно Корнилія нужно обратить вниманіе на то, что онъ, еще не будучи послѣдователемъ Христовымъ, былъ уже благочестивымъ человекомъ, то-есть, проводилъ жизнь согласно Божьему закону, такъ что ему необходимо было только увѣровать и креститься. А тѣмъ, которые не отличались полнымъ благочестіемъ, Христосъ прямо говоритъ: «сотвори заповѣди» (Мѡ. 19, 17-19); „Итакъ, умертвите земные члены ваши: блудъ,

и чистоту, страсть, злую похоть и любостыжаніе, за которые гнѣвъ Божій грядетъ на сыновъ противленія“ (Кол. 3, 5-6).

Шт.—Всѣ истинные христіане, черезъ вѣру во Христа получили уже спасеніе. Объ томъ ясно говоритъ слово Божіе: „получая оправданіе даромъ, по благодати Его, испущеніемъ во Христа Іисуса“ (Рим. 3, 24). „Всякій, кто призоветъ имя Господне“ (Рим. 10, 13), «благодатію вы спасены черезъ вѣру, и сіе не отъ васъ, Божій даръ: не отъ дѣлъ, чтобы никто не хвалился» (Еф. 2, 8-9); Христосъ спасъ насъ“ (Тит. 3, 5): посему мы уже святы; потому то Апостолы называютъ христіанъ святыми“.

Прав.— Христосъ для того и пришелъ на землю, чтобы спасти весь родъ человѣческой. Онъ для того и страдалъ, чтобы избавить насъ отъ власти діавола, смертию Своею искупить насъ отъ смерти духовной и представить намъ свободный доступъ въ Царство Небесное. Христосъ съ Своей стороны сдѣлалъ все необходимое,—нужно только наше желаніе. Если мы пожелаемъ, увѣруемъ въ Него, возьмемъ свой крестъ и послѣдуемъ за Нимъ, то получимъ спасеніе. Сектанты говорятъ: „нужно только увѣровать во Христа-и уже спасенъ“. Какъ легко, дѣйствительно, и просто! Пророкъ Іеремія вотъ что говоритъ: „приходите, становитесь... и говорите: „мы спасены, чтобы впредь не дѣлать эти мерзости“ (7, 10). А мы, православные, скажемъ устами Ап. Павла: „мы спасены въ надеждѣ“ (Рим. 8, 24), то есть, мы отъ Христа получили спасеніе чрезъ вѣру, но нужно это спасеніе сохранить до конца. А это возможно только тогда, если вѣруя въ Сына Божія, будемъ жить свято. Апост. Павелъ говоритъ: если я имѣю всю вѣру, такъ что могу и горы переставлять а любви не имѣю: то я ничто“ (1 Кор. 13,1-2); «Нынѣ примирилъ въ тѣлѣ плоти Его, смертию Его, чтобы представить васъ святыми..., если только пребываете тверды и непоколебимы въ вѣрѣ и не отпадаете отъ надежды благовѣствованія“ (Кол. 1, 22-23). Что же? если мы увѣруемъ во Христа, а будемъ жить, какъ язычники, то Царство Божіе наследуемъ?—Нѣтъ!

ибо «блудники, идолослужители, прелюбодѣи, малакіи, мужеложники, воры, лихоимцы, пьяницы, злорѣчивые, хищники— Царства Божія не наследуютъ» (1 Кор. 6, 9-10; Гал 5, 19-21). Потому то и говорится въ другихъ мѣстахъ: «старайтесь имѣть миръ со всѣми и святость, безъ которой никто не увидитъ Господа. Наблюдайте, чтобы кто не лишился благодати Божіей (Евр. 12, 14-15); „Если вы называете Отцомъ Того, который нелицепріятно судитъ каждого по дѣламъ, то со страхомъ проводите время странствованія вашего“ (Тех. 1, 17); „со страхомъ и трепетомъ совершайте свое спасеніе“ (Фил. 2, 12). Если уже ясно говорится, что помимо спасенія, дорованнаго Христомъ міру, люди должны и сами заботиться о своемъ спасеніи, то-есть, должны со страхомъ и трепетомъ оканчивать дѣло Христово. Всѣ Христіане называются святыми не потому, что они уже спасены и сдѣлались по своей природѣ святы, ибо никто не святъ, кромѣ одного Бога (Сир. 1, 81.), а потому, что христіане призваны ко святости, должны стремиться къ ней. Это видно изъ словъ ап. Павла къ евреямъ: „Освящаемые“ (Евр. 2 11), то-есть, христіане, освящаются постепенно соблюденіемъ закона Христова (Кол. 1, 22-23).

Свящ. *Н. Цвѣтковскій*

Важный вопросъ въ текущій моментъ.

Тяжело стало жить и тѣмъ людямъ, которые живутъ только отъ трудовъ рукъ своихъ; но еще тяжелѣе, получающимъ жалованье за свой трудъ. Такъ положеніе мастерового и рабочаго благопріятнѣе въ матеріальномъ отношеніи, чѣмъ положеніе интеллигентнаго работника, напр., чиновника, учителя, такъ какъ цѣнность его труда повысилась пропорціонально цѣнѣ жизненныхъ продуктовъ; между тѣмъ, интеллигентныя работники получили мало помогающую ихъ нуждѣ прибавку въ жалованью.

Но все таки можно сказать, что всякое вѣдомство видимо стремится улучшить положеніе своихъ служащихъ въ эту тяжкую переживаемую нами годину. Ну, а вѣдомство православнаго исповѣданія, -- что сдѣлало оно для улучшенія духовенства? Ничего, или почти, что ничего. Развѣ можно назвать улучшеніемъ матеріальнаго положенія то несчастное пособіе, которое намъ собираются дать? Что изъ себя представляетъ это пособіе и въ какой нуждѣ оно поможетъ намъ?

Вѣдь, если я получу 25 рублей пособія за 1916 годъ, то мнѣ его хватитъ только на покупку муки на одинъ изъ 12 мѣсяцевъ, а прочіе 11 мѣсяцевъ я при такомъ пособіи буду голодать. Но, могутъ возразить мнѣ, что духовенство получаетъ же деньги за требы, за землю и нѣкоторое пособіе отъ казны.

Да, получаетъ, но за требы оно теперь получаетъ столько же, сколько и сто лѣтъ тому назадъ. Кромѣ того, не нужно забывать, что духовенство раньше получало натурой больше, напр., хлѣбомъ, чѣмъ теперь. Десять, двадцать лѣтъ тому назадъ паства имѣла другое отношеніе къ причту, чѣмъ теперь: она, всетаки, входила тогда въ положеніе клира, но теперь каждый изъ прихожанъ думаетъ только о себѣ; о другихъ ему мало нужды, и недостаткъ жизненный у духовенства ничуть его не беспокоитъ. Что касается церковныхъ дачъ, то онѣ въ цѣнѣ рѣзко пали въ настоящее время; такъ напр., десятина пахотнаго поля пала съ 15 руб. на 10 и даже на 8 рублей (п это при теперешней дороговизнѣ муки); засѣвать же хлѣбомъ дачную землю многіе изъ духовенства не могутъ по причинѣ дороговизны обработки и рабочихъ рукъ.

Вообразите же теперь положеніе духовенства и особенно въ низшихъ его членахъ—діаконахъ на псаломщицкихъ вакансіяхъ и псаломщикахъ? Они положительно страдаютъ отъ немовѣрной дороговизны. Нишущій сіи строки можетъ засвидѣтельствовать, что діаконъ и псаломщикъ могутъ кое какъ

влачить свое существованіе толькo благодаря побочнымъ заработкамъ; при условіи же одного дохода изъ приходовъ жизнь совершенно немислима.

Говорятъ и кричатъ о реформѣ прихода; трактуютъ о выборномъ духовенствѣ, а о нуждѣ, которую терпитъ духовенство и особенно въ настоящее время, что-то помалкиваютъ ¹⁾).

Насколько намъ извѣстно изъ газетъ за границей. напр., въ Англии и Франціи ничего подобнаго не наблюдается; тамъ все сдѣлано для того, чтобы населеніе возможно меньше чувствовалo войну, и жизненные предметы подвнялись въ цѣнѣ на 10, 15, %⁰%. А у насъ, въ Великой и безцѣнной для насъ Россіи, что сдѣлали для улучшенія жизни въ годину столь тяжкаго испытанія, какъ настоящая война? Равно ничего. Цѣны же на продукты первой необходимости продолжаютъ неимоверно расти и расти, и никому, какъ будто, до этого нѣтъ никакого дѣла.

Нужно же, наконецъ, правительству прекратить безбожныя дѣйствія торговцевъ—экспроприаторовъ, нужно же, хотя сколько-нибудь, дать населенію отдышаться отъ ихъ тисковъ, иначе мы задохнемся отъ ихъ цѣпкихъ рукъ; а для этого установить возможныя по теперешнему времени цѣны на продукты и всякому вѣдомству позаботиться о своихъ служащихъ; особенно это приложимо къ вѣдомству православнаго исповѣданія, которое въ этомъ отношеніи ровно ничего не сдѣлало; да и сдѣлаетъ ли что нибудь въ этомъ отношеніи въ будущемъ? Поживемъ—увидимъ.

Сем. Марченко.

¹⁾ Статья эта написана авторомъ до опубликованія результатовъ работъ комиссіи по обезпеченію духовенства казеннымъ жалованіемъ. Редакція.

Соціально-политическія увлеченія протестантскихъ пасторовъ, какъ естественный результатъ соціальной инертности протестантизма. I. Рудольфъ Тодтъ и его книга.

Рудольфъ Тодтъ—радикальный протестантскій пасторъ семидесятихъ годовъ. Характеренъ, въ этомъ отношеніи, эпиграфъ къ сочиненію перваго протестантскаго экономиста: «кто хочетъ понять соціальный вопросъ и способствовать его разрѣшенію, долженъ имѣть съ правой стороны книги по политической экономіи, а съ лѣвой—сочиненія о научномъ социализмѣ. *И передъ собой—открытыя страницы Нового Завѣта*». Книга Тодта является «изображеніемъ соціального содержанія христіанства и соціальныхъ задачъ христіанскаго общества на основаніи изслѣдованія Нового Завѣта»¹⁾. Изложеніе „соціального содержанія христіанства“ у Тодта, однако, довольно просто: онъ беретъ мысль за мыслью, положеніе за положеніемъ, изъ программы нѣмецкой соціалъ-демократіи, излагаетъ ихъ съ хорошей обстоятельностью и въ заключеніе присоединяетъ соотвѣтствующія идеи Нового Завѣта. Цѣль Тодта—та же, которая руководила недавно нашими русскими священниками типа о. Іоны Брхпичева. Тодтъ удивительно напоминаетъ то, что пережили, нѣкоторые русскіе священники, но съ большимъ опозданіемъ въ 1905—1906 годы. Появленіе книги нѣмецкаго пастора и ея судьба—почти точная копія христіанско-соціальной публицистики нѣкоторыхъ священниковъ русской Церкви. „Церковь, какъ собраніе вѣрующихъ,—пишетъ Тодтъ—въ которомъ правильно проповѣдуется Евангеліе и преподаются дары, относится къ радикальному социализму враждебно, такъ какъ онъ съ полнымъ сознаніемъ и сильной энергіей стремится уничтожить то, что образуетъ ея составной моментъ,—вѣру не только въ сверхчувственное

¹⁾ R. Todt, Radikale d. Socialismus... 43.

вообще, но и особенно вѣру во Христа, Сына Божія, Искупителя и Спасителя всѣхъ людей. „Вѣрующій“ приходитъ въ ужасъ отъ социалистовъ, привѣтствуя всякое проявленіе репрессивныхъ отношеній къ социализму... Съ другой стороны, пассивные люди доволствуются вздохами о паденіи правоты и на этомъ успокаиваются. Церковныя газеты говорятъ о чемъ угодно, но—только не о социализмѣ. „Церковно-либеральный протестантскій союзъ“, на собраніи 1874 года въ Висбаденѣ, поставилъ на обсужденіе социальный вопросъ, но ограничился одними жалкими резолюціями. Шесть тезисовъ заканчиваются призывомъ къ церкви выступать поучающе между работодателями и рабочими, напомнить общинамъ, что матеріальное обладаніе—не самоцѣль, что каждый отвѣтственъ за свое благосостояніе самъ и что улучшеніе благосостоянія должно начаться заботой о себѣ самомъ, что духовенство должно давать хорошее конфирмаціонное ученіе“¹⁾. „Какъ же,—спрашиваетъ Тодтъ,—церковь можетъ пріобрѣсти утерянную почву въ народѣ, завязать и укрѣпить разорванную связь довѣрія“? «Должно ли это произойти патріархальнымъ способомъ,—при помощи поученія, даровъ и душеспасенія,—или же какимъ либо другимъ образомъ?»²⁾. Изъ всѣхъ отвѣтовъ, какіе даетъ Тодтъ на этотъ вопросъ, реальное значеніе имѣетъ лишь слѣдующій. „Евангелическая церковь должна выйти изъ враждебнаго и индифферентнаго положенія по отношенію къ социализму, что можетъ произойти лишь при помощи прилежнаго и основательнаго изученія этого движенія (чему и помогаетъ моя виѳа). Лишь путемъ основательнаго изслѣдованія сущности социализма могутъ быть устранены предрасудки, заблужденія, недоразумѣнія, и слѣпая вражда уступить правдивой оцѣнкѣ“³⁾. „Богословы должны изучать социальныя науки и

1) Тамъ же, SS. 485-488.

2) Тамъ же, S. 489.

3) Тамъ же, S. 492.

сдавать по нимъ экзаменъ: имъ нужно знать, какъ народъ доставляетъ себѣ пропитаніе и удовлетворяетъ тѣлесную нужду. Богословіе и политическая экономія внутренно сходны: первое учитъ объ этическихъ, а вторая—объ экономическихъ взаимоотношеніяхъ людей. Экономическое ученіе искажено, если оно не имѣетъ нравственнаго содержанія; равнымъ образомъ, и нравственное ученіе остается одностороннимъ, какъ скоро оно направляетъ свои требованія къ отдѣльнымъ индивидуумамъ, а не къ цѣлому. Мы не хотимъ, чтобы духовенство образовало политическую партію. Его долгомъ является составить себѣ ясное, обоснованное политико-экономическое мнѣніе. Этому требуетъ его учительское положеніе въ обществѣ¹⁾. Здѣсь Тодтъ рисуетъ такія перспективы церковно-соціального міровоззрѣнія, которыя совершенно не вкладываются въ рамки протестантскаго вѣровченія. Опреѣленно соціальная точка зрѣнія на задачи церкви въ ея борьбѣ съ социализмомъ расширяется до предѣловъ евангелической этики вообще, которая изъ индивидуалистической должна стать коллективистической. Такъ могутъ разсуждать только католики, съ ихъ вѣрой въ исключительныя соціально-политическія права церкви. Но за выключеніемъ этой анти-евангелической крайности, взглядъ Тодта на задачи теоретическаго міропониманія современнаго ему духовенства вполне умѣстенъ. Выступленія соціаль-демократіи, вызвавшія оживленіе народныхъ круговъ, совершались подъ знакомъ самой отчаянной религіозной анархіи. Рѣзкости отрицанія и сѣтъ оттѣнокъ демократически—популярной агитаціи, которая становится вполне понятной массамъ и вызываетъ неудобное, въ смыслѣ религіозномъ, настроеніе. Національ-религіозныя устои жизни, въ своей борьбѣ съ революціоннымъ духомъ, терпятъ серьезное пораженіе, потому что массы склонны настраиваться на анархическій ладъ. Міровоззрѣніе, которому присуще освѣщать

¹⁾ Тамъ же, SS. 510-512.

религіозно, получаетъ ущербъ. Нужно было подходить къ этому отрицательному явленію непосредственно, — не міровоззрѣніе укрѣплять, потому что оно и само по себѣ прочно, — а устранять вредныя вліянія новыхъ соціальныхъ ученій. Необходимо было ясное пониманіе соціального вопроса и освѣщеніе его христіанствомъ, которое смягчало бы рѣзкости выраженія основной сущности этого вопроса. Голая идея классовыхъ противорѣчій, не взятая въ рамки здраваго соціально-экономическаго ученія и чуждающаяся принциповъ мирнаго разрѣшенія данныхъ противорѣчій, являлась заблужденіемъ, и, что важнѣе, только бесплодно возбуждала массы. При такомъ положеніи потребность въ прочной теоретической задержкѣ чувствовалась особенно. А у протестантовъ ея не было. Въ данное время евангелическіе пасторы были относительно соціального вопроса, дѣйствительно, не въ курсѣ дѣла.

Что касается другихъ сторонъ труда Тодта, то здѣсь онъ не только не современемъ, но даже страдаетъ чертами индивидуалистическаго теоретизированія, оказываясь среди однихъ постулатовъ и чаяній, безъ твердой почвы подъ ногами. Я имѣю въ виду его опыты (знакомые и намъ, русскимъ) сближенія радикальнаго соціализма и христіанскаго ученія объ обществѣ. Вотъ, на примѣръ, понятіе Тодта о соціализмѣ. Соціализмъ есть вообще стремленіе разрѣшить ошущаемое живѣйшимъ образомъ противорѣчіе между современными народно-хозяйственными отношеніями и идеаломъ извѣстныхъ слоевъ населенія при помощи введенія новой экономической организаціи; въ сравненіи съ этимъ, Новый Завѣтъ есть единственное великое свидѣтельство даннаго противорѣчія, которое существуетъ между идеаломъ и дѣйствительностью. Поэтому съ точки зрѣнія Новаго Завѣта мы не можемъ отказать соціализму со стороны его внутренней сущности, въ правѣ на существованіе. Наиболѣе существенной стороной соціализма является коммунизмъ, который составляетъ изъ трехъ понятій: признаніе зла въ людяхъ,

объясненіе его эгоизмомъ, провозглашеніе солидарности интересовъ, какъ спасительнаго средства. Но первая идея сквозитъ, въ качествѣ основнаго тона, въ Св. Писаніи. Затѣмъ, то, что социализмъ называетъ эгоизмомъ, Св. Писаніе понимаетъ какъ грѣхъ. Наконецъ, солидарность интересовъ есть истинно—повозавѣтное евангельское понятіе¹⁾ Далѣе, по мнѣнію Тодта, социалистическая идея республики, какъ таковая, не содержитъ чего-либо противорѣчиваго духу Новаго Завѣта. Лишь насильственное введеніе послѣдней стояло бы въ прямомъ противорѣчій съ послѣднимъ²⁾. Наконецъ, атеизмъ вообще не связанъ съ сущностью социализма. Религія и христіанство являются въ такой малой степени предметомъ социалистической критики, что старыя нѣмецкіе и французскіе социалисты скорѣе возвращались къ христіанству, а новѣйшіе занимаютъ у христіанства главные понятія,—конечно, безъ всякой признательности за это. Атеизмъ современнаго радикальнаго нѣмецкаго социализма является только случайностью, находящей свое объясненіе столько же въ простыхъ практическихъ соображеніяхъ, какъ и въ материалистическомъ направленіи вѣла... Такой атеизмъ, поэтому, встрѣчается, напримѣръ, въ либерализмѣ... Новый Завѣтъ осуждаетъ атеизмъ уже самымъ фактомъ своего существованія³⁾. Социализмъ провозглашаетъ идею экономическаго равенства всѣхъ людей. Новый Завѣтъ, признавая физическое, нравственное и религіозное равенство всѣхъ, не отрицаетъ, какъ показываетъ исторія апостольской общины въ Іерусалимѣ, и экономическаго осуществленія этого тройнаго равенства,—конечно, не при помощи насилія, какъ этого хотятъ социалисты, но—путемъ добровольнаго побужденія свободнаго духа любви⁴⁾.

Путемъ такихъ сближеній, которыя не вездѣ натуральны, Тодтъ пытается открыть себѣ дорогу къ своему „соціальному

¹⁾ Radik. d. Socialismus, s. 53.

²⁾ Тамъ же, SS. 74-79.

³⁾ Тамъ же, S. 102.

⁴⁾ Тамъ же. S. 5-116

христіанству“. Цѣль Тодта добрая: „Соціализмъ призванъ не господствовать, но—послужить любви; атеистическій соціализмъ долженъ потерять почву въ народѣ, отнятую имъ у Церкви, и снова возвратить ей“ ¹⁾. По такая цѣль достигается, какъ видимъ, измѣной не только протестантскимъ, но даже и евангельскимъ началамъ. Вотъ почему книга Тодта вызвала въ свое время весьма рѣзкія возраженія, которыя, впрочемъ, не помѣшали ей стать очень извѣстной во всей Европѣ наряду съ произведеніями епископа Кеттелера ²⁾. Главное значеніе ея,—опредѣленіе соціального значенія евангелической церкви,—было сознано, хотя и не сразу. Что же касается изображенія его на почвѣ новозавѣтнаго ученія, то въ этомъ отношеніи сейчасъ же нашлись справедливыя и серьезныя указанія. Прежде всего, подвергнутъ былъ критикѣ самый методъ Тодта. Весь методъ его книги, мысли которой признавались „небезполезными для борьбы съ христіанскимъ, а также и антихристіанскимъ соціализмомъ“ ³⁾,—сводится просто къ аналогіи соціалистическихъ и христіанскихъ учрежденій; тамъ же, гдѣ такое непосредственное сравненіе невозможно,—къ свободному размышленію автора о заключеніяхъ, которыя можно вывести изъ христіанства для соціализма“ ⁴⁾. При этомъ Тодтъ „обнаруживаетъ поразительное непониманіе этической стороны христіанства“ ⁵⁾... Задачей прінятаго имъ метода является одно желаніе, продиктованное исключительными особенностями эпохи и совершенно независимо отъ христіанства—„взять коммунизмъ изъ нечистыхъ рукъ соціализма и передать его въ чистыя руки церкви“ ⁶⁾ По развѣ это дѣлается съ научной осмотри-

¹⁾ Тамъ же, S. 514

²⁾ Обращали вниманіе, но очень осторожно, на книгу Тодта и въ Россіи („Р Мысль, 1834 г. Статья не окончена).

³⁾ *G. Brake. Der christlicher Socialismus des Pfarrers Todt. Eine theologische Kritik, 1879, предисловіе.*

⁴⁾ Тамъ же, S. 15.

⁵⁾ Тамъ же, S. 12.

⁶⁾ Тамъ же S. 54.

тельностью? Можно ли отъ идеи организма, на которой апостолъ Павелъ строить ученіе о нравственномъ единеніи христіанъ, переходить къ мысли о производительной ассоціаціи въ духѣ Лассаля? Вѣдь „здѣсь опора на простую аналогію“¹⁾ Равенство экономическое—„не реальный фактъ, такъ какъ оно уничтожается естественными индивидуальными различіями“... Зачѣмъ же заставлять христіанство настаивать на невозможномъ?²⁾ „Уживчивость коммунизма и христіанства не подтверждается исторіей“ и является тоже фиктивной аналогіей: Иерусалимская община скоро обѣднѣла, коммунизмъ находилъ себѣ поддержку у сектъ, которыя не были способны къ универсальному христіанскому вліянію³⁾. Въ общемъ о книгѣ Тодта критикъ выражается довольно мѣтко: „Соціалисты сами не заботятся о христіанскомъ обоснованіи своей программы и предоставляютъ это дѣло пасторамъ“⁴⁾. Неужели,—спрашиваетъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—Тодтъ серьезно намѣренъ побѣдить социализмъ, съ его чрезмѣрными надеждами, изложивъ всѣ его требованія съ помощью Библии? Мысль его новой вѣры и мысль Евангелія отстоятъ другъ отъ друга, какъ земля и небо. Ложное стремленіе привести въ гармонію христіанство и социализмъ приводитъ пастора Тодта къ тому, что онъ смѣшиваетъ церковь съ государствомъ, религію и нравственность, этику и политическую экономію... Научной цѣнности эта книга не имѣетъ“⁵⁾. Такой рѣзкій приговоръ для аналогій Тодта вполне справедливъ. Тодтъ упустилъ изъ виду, что въ протестантизмѣ внутренняя религиозная жизнь сильно изолирована отъ всякихъ внѣшнихъ жизненныхъ условій и тѣмъ самымъ можетъ господствовать надъ человекомъ независимо отъ его отношеній къ государству, науцѣ, праву, семьѣ, ма-

¹⁾ Тамъ же, S. 60.

²⁾ Тамъ же. S. 36.

³⁾ Тамъ же, S. 50.

⁴⁾ Тамъ же, S. 23.

⁵⁾ Тамъ же. SS. 83-84.

теріальнимъ условіямъ... Переоцінка программныхъ требованій соціально-демократіи, заставлявшая Тодта притягивать къ нимъ христіанское ученіе, закрыла для многихъ современниковъ здоровую идеалистическую струю въ сочиненіи Тодта: онъ хотѣлъ доказать неприемлемость классовой вражды и организаціи средствъ этой вражды *среди христіанъ*. Рѣшая вопросъ о томъ, какъ церковь должна проявить свою активность въ отношеніи неимущихъ, Тодтъ намѣчаетъ слѣдующія задачи ея практической работы: „улучшить энергичной, безпрерывной поддержкой союзовъ матеріальное благо рабочихъ классовъ и дать послѣднимъ, такимъ образомъ, достойное челоѣка существованіе; это—не риздача милостыни, которая является непрочнымъ улучшеніемъ матеріальнаго положенія, не обезнечиваетъ достойнаго челоѣка существованія“¹⁾. Но это практическое указаніе совершенно теряется въ массѣ спорныхъ теоретическихъ положеній, въ страницахъ самого необузданнаго идеализма. Правда, Тодтъ пытается дать своему соціальному ученію жизненное приложеніе въ организаціи „центрального союза“ «для соціальныхъ реформъ на религіозной и конституціонно-монархической основѣ»²⁾. Это была организація пасторовъ и христіанъ, которая имѣла своей цѣлью изученіе соціальнаго вопроса. Союзъ выполнялъ, такимъ образомъ, важное назначеніе—служить соціальному воспитанію интеллигентныхъ круговъ церкви. „Центральный союзъ,—говоритъ современникъ,—обращается не къ рабочимъ, а къ остальнымъ классамъ народа, къ интеллигентамъ и собственникамъ,—съ одной стороны, чтобы склонить ихъ къ мирной соціальной реформѣ, а съ другой, чтобы приобрѣсти ихъ научно для религіознаго міровоззрѣнія“. Однако, радикальныя крайности Тодта испортили все. „Неописуемое заблужденіе,—говоритъ Тодтъ,—соціализма заключается въ томъ, что онъ покинулъ почву христіанства, изъ котораго

¹⁾ Der radikale d. Socialismus... S. 4497.

²⁾ Тамъ же, S. 484. примѣч.

заимствовали свои лучшія идеи. Его пропагандистская сила была бы, по нашему мнѣнію, несокрушимой. Нужно только подумать о полъ-милліонѣ социалистовъ, которые со своими основными идеалами, названными у насъ христіанскими, выступили бы передъ испуганнымъ обществомъ, считающимъ себя христіанскимъ и будто бы защищающимъ религію отъ социаль-демократіи, и открыто, громко призывали бы къ Евангелію, христіанской совѣсти. Навѣрно Духъ Божій повелъ бы эти толпы къ оживленію дома Божія, дакъ положительный матеріалъ, тогда какъ теперь онѣ могутъ быть названы камнями только въ отрицательномъ смыслѣ¹⁾. Эта мечта становится у Тодта руководящимъ началомъ и въ организаціи его „союза“. Однако, перевѣшиваніе воображаемаго надъ реальнымъ убивало въ корнѣ здоровья тенденціи дѣятельности Тодта, которыя были испорчены рѣдкими выпадами, эксцессами. „Какое печальное смѣшеніе истины съ заблужденіемъ!“—писалъ одинъ современникъ по поводу агитаторскихъ задачъ „Центральнаго союза“. Онъ смѣшиваетъ самыя святыя идеи, высочайшія истины съ сутолокой, партійными стремленіями обыденной жизни, не различаетъ между церковнымъ, государственнымъ, этическимъ и правовымъ. Это—одна изъ самыхъ роковыхъ ошибокъ²⁾. Однако социальное политиканство—удѣлъ исповѣданій, не имѣющихъ собственной церковно-общественной инициативы. Скоропостижно умершаго Тодта смѣнялъ другой пасторъ—Адольфъ Штеккеръ.

¹⁾ „Staatssocialist“, 1878, № 16

²⁾ Radik. d. Socialismus, S. 445.

Изъ повременной печати.

Къ изясненію молитвы Господней.

Большей частью при объясненіи молитвы Господней прошенія ея разсматриваются отдѣльно, безъ указанія связи между ними. А такова связь несомнѣнно есть. Въ „Отдыхъ христіанина“ (1916 г. № 10) свящ. І. Егоровъ изясняетъ всю эту молитву съ точки зрѣнія одной идеи, указанной въ призываніи, т. е., нашего сыновства Отцу Небесному. Чувство сыновства выражается въ любви къ Отцу, въ благоговѣйномъ отношеніи къ самому имени Его, въ стремленіи „святить имя Его“ во всей своей жизни и дѣятельности. Съ сознаемъ сыновства связано чувство братства съ другими людьми, единства всѣхъ людей, которые единымъ Отцомъ, Владыкою и Царемъ своимъ должны признавать Бога. Отсюда—молитва о пришествіи царства Божія. Но кто призналъ Бога своимъ Царемъ, тотъ желаетъ исполнить волю Его, а не свою, что совпадаетъ и съ стремленіемъ сына подражать отцу своему (Мѡ. 5, 48).

Такимъ образомъ, сыновство приводитъ къ всецѣлому преданію себя въ волю Божию, потому что судьба ребенка естественно-въ рукахъ отца. Тѣмъ самымъ христіанинъ отказывается отъ самоличной заботы о себѣ, что и выражается относительно настоящаго въ четвертомъ прошеніи, относительно пришедшаго-въ пятомъ и относительно будущаго-въ двухъ послѣднихъ. Какъ дитя не заботится о томъ, что ѣсть и пить, во что одѣваться, такъ и христіанинъ надѣется все эго получить отъ Бога. И прошедшее ребенка—въ волѣ отца: для исправленія допущенныхъ имъ ошибокъ обращается къ отцу, сломавъ игрушку, проситъ отца поправить и т. п. Такъ и христіанинъ, сознавая, что прошлая жизнь его полна ошибокъ и паденій, объ исправленіи ихъ молятъ своего Отца Небеснаго. Ребенокъ устремляется за помощію къ отцу и въ предвиденіи будущихъ опасностей. Такъ и христіанинъ проситъ Бога не допускать его до искушенія и избавить отъ лукаваго.

Въ славословіи христіанинъ исповѣдуетъ Бога своимъ Царемъ, сильнымъ и славнымъ Своими отеческими милостями къ человѣку. Такъ вся молитва Господня вырастаетъ и развивается изъ одного зерна—призванія Бога Отцомъ нашимъ.

Изъ уроковъ войны.

Много горя и страданій принесла война. Особенно тягостна утрата многихъ тысячъ человѣческихъ жизней. Но премудрый промыслъ Божій самое зло направляетъ къ добру, и самая смерть на полѣ брани является для многихъ мученическимъ подвигомъ, доставляющимъ вѣнецъ царства небеснаго, такъ что такое великое бѣдствіе, какъ война, оказывается содѣйствующимъ достиженію той цѣли, для которой чловѣкъ и живетъ на землѣ. Въ „Троицкомъ Словѣ“ (№ 350) С. Нилусъ рассказываетъ о видѣніяхъ, подтверждающихъ указанную истину (которая, конечно, и безъ подобныхъ видѣній очевидна). Одна раба Божія (имени ея авторъ не называетъ, ради ея смиренія), много скорбѣвшая объ ужасахъ войны, видѣла во снѣ слѣдующее.

„Стоитъ она, будто бы, на незнакомомъ мѣстѣ. Ночь. Небо темное. И вдругъ разверзлось небо, и въ лучезорномъ блескѣ ослѣпительнаго величія и неизобразимой славы явился на небѣ пречудный предивный, градъ Сіонъ. И отъ града этого, Іерусалима святого, имѣвшаго славу Божию, увидѣла она, спустилась до земли отъ неба величественная лѣстница. И устремилась къ ней всѣмъ желаніемъ своимъ имѣвшая видѣніе... Но, увы!—до земли не досягала лѣстница, и концы ея были отъ земли выше роста человѣческаго, такъ что и протянутымъ кверху рукама нижней ступени ея достать было невозможно“.

„И отошла я“,—сказывала раба Божія,—къ сторонкѣ и стала; смотрю и неутѣшно плачу о томъ, что недостойна я града того небеснаго. И что же, милые мои, вижу? Откуда то взялись войны: идутъ одинъ по одному, цѣлое огромное воинство, полки за полками, безъ счету, подходятъ къ лѣст-

ницѣ и безъ всякаго труда, какъ безтѣлесные, входятъ по ней и скрываются въ открытыхъ вратахъ небеснаго Іерусалима. И предъ тѣмъ, какъ вступить имъ во врата Іерусалима небеснаго, —вижу я,—загораются на нихъ вѣнцы такой красоты и сіянія, что ихъ не только описать, но и вообразить себѣ, не выдавши, невозможно... И долго я стояла и смотрѣла на нихъ, и плакала, плакала. А они все шли да шли мимо меня полки за полками, шли и возносились по лѣстницѣ къ небу, и сіяли своими вѣнцами, какъ яркія звѣзды на тверди небесной“.

А вотъ разсказъ война, бывшаго на излеченіи въ лазаретѣ и стремившагося поскорѣе возвратиться въ строй.— „Было дѣло за австрійской границей. Нашу часть пустили въ обходъ одной горы, повѣривъ жидамъ, что мы захватимъ врасплохъ австрійцевъ, а жиды насъ предали: и понали мы подъ такой перекрестный огонь непріятели, что отъ нашей обходной колонны мало кто и въ живыхъ остался. Меня тутъ контузило, и я упалъ безъ сознанія. Когда опомнился, то стало уже темнѣть... И вдругъ, такой свѣтъ откуда то явился, что я чуть не ослѣпъ отъ этого свѣту. И Господи Боже мой, что-же я тутъ въ этомъ свѣтѣ увидѣлъ, тому и повѣрить, кажется, невозможно! Смотрю: идетъ между павшими въ бою Сама Матушка Царица Небесная, сіяетъ свѣтомъ, какъ солнце, идетъ и ручками Своими пречистыми возлагаетъ то на ту, то на другую голову павшихъ воиновъ вѣнецъ красоты неизобразимой“.—Какъ поучительно и полезно прочитывать нашимъ воинамъ о такихъ случаяхъ!

Приводитъ авторъ и слѣдующія слова извѣстной Дивѣевской юродивой Прасковіи Ивановны, которую многіе не безъ основанія считаютъ прозорливой: „Богъ-то, Богъ-то милосердъ-то какъ!—разбойники въ царство небесное такъ валомъ и валятъ, такъ и валятъ!“—Война-это пробный камень, черезъ который открылись истинныя помышленія многихъ сердець, это—всемирный судъ, обнаружившій по длинную цѣну и достоинство и отдѣльныхъ лицъ, и цѣлыхъ

націй. Многіе, считавшіеся людьми заурядными, склонные, быть можетъ, даже выражать свое молодечество въ не совсѣмъ одобрительныхъ выходкахъ („разбойнички“, по выраженію юродивой Прасковіи Ивановны), оказались способными на геройскіе подвиги, достойными вѣнцовъ мученическихъ. Другіе, причислявшіеся къ вполне почтеннымъ людямъ, даже общественные дѣятели, попали въ число мародеровъ, не стѣсняющихся на общенародномъ бѣдствіи созидать свое благополучіе. А какой приговоръ вынесъ этотъ великій міровой судъ каждому изъ насъ?—вотъ вопросъ, который заслуживаетъ того, чтобы на немъ остановиться съ полнымъ вниманіемъ.

Н. Гумилевскій.

Забутые православные.

Грустно читать воспоминанія нѣкого господина Юхельсона, американскаго путешественника и этнографа, посѣтившаго въ недавнее время алеутскіе острова и въ теченіе зимы наблюдавшаго жизнь туземцевъ-алеутовъ. Общее его впечатлѣніе то, что алеуты, нѣкогда усвоившіе православную вѣру и русскую культуру теперь, очевидно,—со времени продажи алеутскихъ острововъ Америкѣ (1868 г.) постепенно забываютъ и православную вѣру и русскую культуру и превращаются въ истыхъ американцевъ.

Грустно думать, что у насъ никому нѣтъ дѣла до малыхъ сихъ, что оскудѣлъ у насъ духъ апостольскій и никто не подвигнется на дѣло служенія среди этихъ нашихъ братьевъ по вѣрѣ, такъ трогательно помнящихъ и еще пока сохраняющихъ остатки Православія. Вотъ болѣе существенныя выдержки изъ статьи г. Юхельсона.

Въ сентябрѣ 1909 года мы, то-есть я съ женой и тремя алеутами—, нашими помощниками и переводчиками, были высажены на Умнакѣ,—одинъ изъ острововъ Алеутской цѣпи, дугой отдѣляющей Тихій океанъ отъ Беринговаго моря.

Умнакъ имѣеть около 70 вестъ въ длину, но весьма малую ширину, особенно въ юго-западной части. У единственнаго теперь селенія—Никольскаго можно въ два часа пройти пѣшкомъ отъ Тихаго океана къ Беринговому морю.

Южная, низкая часть Умнака, тамъ, гдѣ находится селеніе, своими сѣро-бурыми скалами, ржавыми мхами, бѣлыми лишаями и зелеными травами, и теперь съ птичьяго полета походить на сбитую кучу морскихъ водорослей, обдаваемую соленными брызгами двухъ морей. Одно изъ нихъ приносить съ сѣвера холодъ ледовитаго океана; другое—съ юга тепло японскихъ водъ. Результатомъ этой встрѣчи являются рѣчные туманы, пронизывающая сырость, сильные вѣтры, холодъ и дождь и бурные приливы.

Рѣдко солнце. Нѣтъ лѣта. Собственно и настоящей зимы нѣтъ. Почти круглый годъ суровая осень. Тѣмъ не менѣе на о. Умнакъ до открытія его русскими было много людей, обитавшихъ въ 20 селеніяхъ. Пбо море изобиловало китами и тюленями, бобрами и котиками, сивучами и моржами и другими животными; а обитатели острова имѣли кожаные челноки и были отважными мореходами и ловкими охотниками. Морскіе звѣри имъ доставляли въ изобиліи и пищу и одежду, и жиръ для свѣта и топлива.

Такъ жили они, пока не пришли съ запада на большихъ судахъ бородатые люди и постепенно не истребили жителей острова и морскихъ звѣрей, которыми они питались.

Когда осталось одно только селеніе, люди его, раньше гордо называвшіе себя „сыновьями сивучей“ или „морскихъ львовъ“ смирились. Они лишились отваги, утратили энергію и потеряли вкусъ къ жизни, ибо жизнь ихъ стала подневольной. Подъ командой десятниковъ, вооруженныхъ сталью и порохомъ, они ходили въ море добывать мѣха для торговаго товарищества, которому они безъ ихъ желанія и вѣдома были отданы на откупъ великимъ хозяиномъ русской земли.

Они, правда, нашли утѣшеніе въ новой вѣрѣ, въ которую они были обращены пришельцами и которой они предались, наконецъ, всей силой эмоціи, рождаемой чувствомъ зависимости отъ грозныхъ силъ — видимыхъ и невидимыхъ.

Но когда они уже примирились со своей зависимостью, порядками управленія, взысканіями и поборами; когда они привыкли къ скуднымъ предметамъ привоза русской культуры; когда они, наконецъ, сдѣлались русскими по языку и вѣрѣ, — они вдругъ вмѣстѣ съ Аляской были проданы американцамъ и, можно сказать... преданы.

Новые владѣльцы предоставили умнахцевъ самимъ себѣ. Никакихъ начальниковъ, или урядниковъ къ нимъ не послали. Ни ясака, ни податей, ни натуральныхъ повинностей съ нихъ не требовали. Они получили полную свободу собой распорядиться. Но это было бы хорошо полтора ста лѣтъ тому назадъ. Теперь же, когда море оскудѣло, и когда они сами, отъ многихъ лѣтъ опеки и принужденій, сдѣлались слабыми и безпомощными, они пришли въ смущеніе отъ полученной свободы.

Кризисъ, однако, продолжался недолго. Скоро нашлись частные хозяева. Такимъ „хозяиномъ“ о. Умнака состоялъ во время нашего пребыванія мистеръ Апплгейтъ — владѣлецъ шхуны. Въ началѣ лѣта каждаго года онъ приходилъ къ острову, забиралъ на свою шхуну всѣхъ взрослыхъ мужчинъ съ байдарками и оружіемъ и увозилъ туда, гдѣ еще водятся морскіе бобры. Осенью онъ ихъ привозилъ обратно.

Въ селеніи Никольскомъ всего было 101 человекъ, съ женщинами и дѣтьми, жившихъ въ 22 землянкахъ. Послѣ лѣтняго промысла всѣ были дома. Мы сжились съ нимъ очень скоро. Это честные и правдивые люди. Сначала робкіе и сдержанные, они быстро освоились съ нами и наши отношенія сдѣлались простыми и близкими. Этому способствовало то, что на службѣ у насъ находился въ качествѣ одного изъ переводчиковъ самый уважаемый среди алеутовъ человекъ, староста Уналашки Миронъ Алексѣевичъ Ячменевъ,

и то, что въ старикахъ, помнившихъ еще русскія времена мы вызывали старыя переживанія. Хотя это прошлое не было особенно веселымъ, но горечь его исчезла и осталось только одно теплое чувство. Мы часто забывали, что находимся на американской территоріи. Отъ всѣхъ этихъ Суворовыхъ, Ермиловыхъ, Крюковыхъ и другихъ именъ умнакцевъ еще пахло русскимъ духомъ. Казалось, что мы находимся въ сибирскомъ селеніи, которое было покинуто почетельнымъ начальствомъ.

Религіозная жизнь умнакцевъ была связана съ часовнею. Духовнымъ лицомъ былъ „чтець“ Арсеній Крюковъ. Онъ служилъ по праздникамъ въ часовнѣ. Онъ читалъ, не разбирая, что разрѣшается мірянину и что полагается только іерею, ибо онъ читалъ, не понимая текстовъ, какъ его выучилъ старый чтець. Впрочемъ, для него былъ также мало понятенъ неудачный алеутскій переводъ Евангелія и богослужебныхъ книгъ, составленныхъ алеутами.

Арсеній былъ также учителемъ. Въ будніе дни онъ обучалъ мальчиковъ русскому и церковнославянскому чтенію. Почти всѣ умнакцы знаютъ русскую грамоту, но не понимаютъ читаннаго. Послѣ продажи Соединеннымъ Штатамъ русско-американскихъ владѣній, обрусѣвшіе были умнакцы постепенно забыли русскій языкъ и вернулись къ алеутскому. Теперь только два—три старика еще немного понимаютъ по-русски, но сами они говорить не умѣютъ или стѣсняются. Я ни разу не могъ ихъ вызвать на то, чтобы они сказали русскую фразу. Они отвѣчали мнѣ по-алеутски.

По-англійски большинство изъ умнакцевъ или вовсе не знаетъ, или понимаетъ только отдѣльныя слова. Американцы, занятые Аляскою, до сихъ поръ еще не удосужились устроить вамъ школу. Вообще для этого острова они еще ничего не сдѣлали. Неизвѣстно, какъ умнакцы будутъ жить, когда Апплгейтъ ихъ оставитъ и другого «хозяина» не найдется.

Единственные люди, съ которыми мы могли изъясняться по-русски и то съ грѣхомъ пополамъ, были Ячменевъ и

сынъ его Петръ, юноша, учившійся раньше въ русской школѣ при уналашкинской церкви. По-англійски свободно говорила одна только молодая женщина Софія Ермилова. Она воспитывалась въ миссіонерскомъ пріютѣ методистовъ въ Уналашкѣ. Когда она вышла изъ пріюта, она вернулась къ Православію. Такихъ примѣровъ было много среди алеутовъ, и если вѣхъ сопоставить съ фактами отпаденія отъ Православія въ буддизмъ или исламъ, послѣ закона 1905 года, многихъ сибирскихъ инородцевъ, то станетъ яснымъ, насколько совѣсть человека въ области религіи должна быть свободна отъ какого бы то ни было давленія или насилія.

(Рѣчь).

Душа русскаго воина.

(Е. Чириковъ, Герой, — сборникъ его же „Эхо войны“).

Иванъ Каптеевъ, когда онъ былъ на „дѣйствительной“, кромѣ „бабы“, другого названія не имѣлъ. — Ужъ его и въ денщки пробовали, — тоже не годится: поддержать господя, да опять — въ строй, „Какой онъ воинъ! — говорила жена-кухарка, проводивъ мужа. Поглядѣть-жалко: все-то у него на боку, съѣзжаетъ, шанка — на ухахъ, пятами не попадаетъ, какъ другіе. Когда его полкъ шелъ на вокзалъ подъ музыку, то на Ивана было прямо смѣшно смотрѣть: въ послѣднихъ рядахъ шагаль бородастый, низкорослый солдатишко, не попадая ногами въ тактъ музыкѣ..

И этотъ самый, ничемный съ виду, селдатыкъ оказался героемъ, который, при томъ, не хотѣлъ понять своего героѣства.

— „Даже ничего въ этомъ занятого-то нѣтъ.. Какъ было? Обнаковенно. Въ бою былъ. Наша рота на лѣвомъ флангѣ шла. Больно они насъ огнемъ закидывали... Страсти! На горѣ они, въ барскомъ имѣніи, въ хуторѣ засѣли; оттуда надо было ихъ вышибать. Засѣли вездѣ, какъ клоны! И въ господскомъ домѣ, и въ сараяхъ, и въ ригѣ, и въ конюшняхъ.. Что съ ними дѣлать? Цѣлый день выбивали, — не вышло.. Вотъ къ вечеру командиръ приказалъ къ атакѣ готовиться. Хорошо. Помолчились. Маленечко стемнѣло, — распоряженіе: „Въ атаку, ребяташки! Ура!“ Начали къ имѣнію подходить,

какъ начнетъ пулеметомъ косить! Косить нашихъ, какъ траву по лугу, а отсюда—понять невозможно... Вотъ тутъ меня Господь и вразумилъ! Все одно, думакъ, помирать, видно, надо. На перебѣжкѣ мы въ безпорядкѣ были, кто впередъ вылѣзъ, а кто позади остался. Мы съ товарищемъ вбокъ отбились. Впереди другихъ, а только сбоку, подъ овражкомъ, за которымъ заборы были... Я, зная, присѣлъ, сапоги съ портянками долой, шинель бросилъ, сумку бросилъ, поясъ скинулъ.. Что, думаю, помереть и не по формѣ можно. Господь и такъ отличить, когда преставишься.. Облегчилъ себя, перекрестился, да и маршъ.. Товарища обогналъ да черезъ ограду—разъ! Пробѣжали маленько задами, а дальше опять заборъ, а за заборомъ — садъ.. Поглядѣлъ въ щель—черезъ дорожку видать бесѣдочку, а въ ней—непріятель. Вонъ откуда они, антихристы, изъ пулемета работаютъ!.. Тутъ мой товарищъ подбѣжалъ.. И начали мы съ нимъ черезъ щель—то жарить! Глядимъ,—потерялись... задержались, затуманились.. И товарища на мѣстѣ оставилъ, а самъ отбѣжалъ да винтовку черезъ заборъ и самъ за ней туда же! Кабы въ сапогахъ,—не возможно бы. а босякомъ разъ-два и готово!. Нагнулся, бусточками и началъ сзади ихъ еще угрожать. А потомъ какъ закричу „ура“, да на нихъ изъ—за кустовъ, то! Всѣ разбѣжались, одинъ у пулимета остался. Я къ нему да за горло его! Но только что онъ, конечно, въ меня изъ револьверта началъ.. Упалъ ему подъ ноги, да за ноги его какъ дерну!—Онъ натемя, я на него, ковшенно.. Сяжу н, немъ, а онъ мнѣ палець кусаетъ.. Кругомъ бой передъ паши въ хуторъ ворвался, а я сяжу безъ дѣла верхомъ на супостатѣ и никакъ палець ослабонить не могу... Подбѣжалъ ротный, револьвертъ наставель ему въ башку, онъ и пустилъ палець—то..

—А какъ же тебѣ ногу—то?

—Ногу—то? Это послѣ ужъ, въ другомъ бою! Тутъ все благополучно было...

—Кабы въ сапогахъ—не возможно! Хорошо, Господь разуться надоумилъ!

Г. П.

Редакторъ Протоіерей Платонъ Петровъ
печатать дозволяется. Кіевъ 10 Февраля 1917 года.

Цензоръ Протоіерей Николай Гроссу

Кіевъ Тип. Акц. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго Моршановскаго, № 6

ГОДЪ

LVII

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ШЕСТЬ руб., съ пересылкою СЕМЬ
рублей.

№ 5

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1917 года 1-го марта.

Содержаніе: I. О покаяніи. Св. І. Лисовскій. II. О несеніи крестовъ. Изъ твор. еп. Теофана. III. О Іоаннѣ Кронштадтскій, какъ педагогъ. Г. П. IV. Учителство, какъ первая пастырская обязанность, и приготовленіе къ нему. А. Ключевъ. V. На современные темы. Н. Гумилевскій VI. По поводу газетныхъ слуховъ и замѣтокъ. Влад. С. VII. Изъ повременной печати. П. Г. — VIII. Церковно-общественная журналистика. Г. П.

О покаяніи.

Неуспѣхъ нашей пастырской дѣятельности зависитъ отъ многихъ причинъ. Къ одной изъ нихъ надобно отнести неправильную постановку исповѣди.

Многіе пастыри безъ разумѣнія исповѣдуютъ и причащаютъ народъ. Причащаютъ пребывающихъ въ смертныхъ грѣхахъ, отчего происходитъ то, что между христіанами пороки все болѣе и болѣе умножаются. До слезъ скорбитъ душа моя, когда размышляю о томъ, какой отвѣтъ дадимъ мы на страшномъ судѣ за допущеніе поношенія имени

Христа и великаго таинства Евхаристіи. Мнѣ пришлось слышать отъ священниковъ объ исповѣди такое понятіе, какое существуетъ у іезуитовъ, что для примиренія съ Богомъ достаточно одного внѣшняго покаанія безъ исправленія жизни. Они думаютъ, что Іисусъ Христосъ пришелъ для того, чтобы снять обязанность любить Бога и дать намъ таинства, которыя все дѣлаютъ помимо насъ. Священники тоже не желаютъ уразумѣть той истины, что только подъ условіемъ нашихъ усилій Господь устраиваетъ наше спасеніе, а спасать лѣнливыхъ и безпечныхъ, лукавыхъ и хитрыхъ, значило бы потворствовать грѣхамъ. Я не говорю, что мы можемъ быть безгрѣшными, но можно съ каждымъ днемъ становиться все меньше и меньше грѣшными, все ближе и ближе быть къ Создателю и дѣлаться совершеннѣе и свободнѣе отъ грѣха; въ этомъ то и есть смыслъ жизни нашей земной. Покаяніе должно быть всегдашнимъ, а не приуроченнымъ только къ извѣстному времени года, времени того или другого поста. Кто въ Великомъ посту не можетъ выбраться изъ вонючаго грѣховнаго болота, не рѣшился бросить дурныя привычки, служить сатанѣ, тотъ можетъ приступить къ исповѣди тогда, когда положить начало своему исправленію. Это необходимо выяснитъ народу, чтобы исповѣдь не приурочивали къ извѣстному времени, послѣ котораго говорятъ, что возвращеніе къ прежнимъ грѣхамъ не составляетъ великой бѣды, ибо будетъ еще постъ. Нужно внушать постоянное покаянное настроеніе души, которое возможно только при ежедневномъ усвоеніи сердцемъ Слова Божія. А безъ этого нельзя подвигнуть и на волосъ духовнаго дѣланія. Въ раннія времена христіанства не разлучались съ Словомъ Божіимъ—книги Священнаго Писанія всегда имѣли при себѣ и въ домѣ и въ дорогѣ; оттого они всѣ свои дѣла повѣряли Словомъ Божіимъ. Теперь этого нѣтъ; оттого мы живемъ противно ученію Христа. Вотъ, напр., въ приложеніи къ Церк. Вѣд. за 19—12 годъ говорится, что мы не должны чуждаться

земныхъ удовольствій, а Христось Спасительъ учитъ удаляться отъ нихъ, говоря: кто хочеть душу свою спасти, долженъ ее погубить, т. е. лишить радости и утѣшенія въ жизни земной. Теперь не знаютъ, что есть утѣхи, довольство—духовныя. Кто ихъ находитъ, тотъ презираеть земныя удовольствія, какъ препятствующія прилѣпляться къ Богу, съ Которымъ и горе становится радостью. Это слѣдовало бы уразумѣть духовенству. Для чего либо полезнаго въ скоротечной земной жизни комитеты учреждаются, дѣлаются собранія; почему же не дѣлается это для уясненія повелѣній Божіихъ, чтобы исполнять ихъ. На это отвѣтъ у насъ готовъ. Законъ Божій извѣстенъ. Я убѣжденъ, что живущіе блудно не знаютъ про Іосифа Прекраснаго, не знаютъ житія Моисея Угрина, Мартипіана, Алексѣя, чело-вѣка Божія, и жизни другихъ святыхъ. Если бы знали Законъ Божій, то не потворствовали бы беззаконникамъ. Духовенство допускаеть къ Св. Чашѣ негодяевъ, пребывающихъ въ распутствѣ, не уничтожаетъ языческихъ обычаевъ при крещеніи, при погребеніи, на свадьбахъ, развратителей народа допускаеть къ воспріемничеству, къ цѣлованію креста и т. д. Потому простой народъ имѣеть только видъ благочестія, силы же его отвергся. Въ правящихъ же классахъ, интеллигенціи, только единицы „знають путь Господень“. Большинство ихъ, какъ говоритъ Достоевскій въ своей книгѣ «Бѣсы», напоминаетъ евангельскаго бѣсноватаго, который могъ избавиться отъ бѣсовъ только лишь у ногъ Христа Спасителя. А привести ко Христу должно духовенство. Но современное духовенство преклоняется предъ богатыми и знатыми ради мира съ ними. Вотъ гдѣ причина упадка нравственности. Мы не должны, какъ говоритъ ап. Павелъ, ради сохраненія мира потворствовать грѣхамъ ближнихъ (Рим. гл. 12, ст. 18). Если возможно, будьте въ мирѣ со всѣми людьми. Тогда была бы эта возможность, если бы не было враговъ правды. Невозможно прожить мирно съ немиролюбцемъ врагомъ. Потому Св.

Церковь на землѣ называется воинствующей, что война необходимо должна продолжаться между добрыми и злыми, пока не будутъ заключены въ бездну враги Божіи. „Мните ли, яко миръ пришелъ дати на землю? Ни, глаголю вамъ, но раздѣленіе (Лук. 12, 51) Если миръ Христа ненавидѣлъ, то и насъ долженъ возненавидѣть. А если миръ насъ любитъ, то мы не послѣдователи Христа. „И будете ненавидимы всѣми имени Моего ради (Лук. 6, 21). Царство небесное Господь обѣщаль дать нищимъ духомъ, плачущимъ о грѣхахъ, алчущимъ и жаждущимъ правды, изгнаннымъ за правду. И это малое гонимое стадо составляетъ церковь Божію на землѣ. Малое это стадо, ибо многіе изъ пастырей стараются поддѣлываться къ людямъ, чтобы избѣжать отъ нихъ гоненій. А что прогнѣваемъ Господа, подлаживаясь къ людямъ, объ этомъ не беспокоимся. И это происходитъ отъ невѣжества, какъ говоритъ Св. Іоаннъ Златоустъ. Если бы мы упражнялись въ изученіи Слова Божія такъ хотя, какъ военные, напр., въ своемъ дѣлѣ, то были бы такими христіанами, какими должны быть по ученію Христа.

Священникъ Іоаннъ Лисовскій.

О несеніи крестовъ.

Внутренніе кресты у насъ бываютъ при борьбѣ со страстями и похотями. Св. Апостолъ говоритъ: *иже Христовы суть,—плоть распяша со страстьми и похотьми* (Галат. 5; 24). Распяли?—значить, у нихъ былъ крестъ. Какой же?—Борьба со страстями и похотями. Распять ихъ—значить обезсилить ихъ, подавить, искоренить. Поборешь какую-либо страсть нѣсколько разъ, она обезсилѣетъ. Поборешь еще, она будетъ подавлена. Еще поборешь и, съ помощію Божіей, искоренишь ее. Но сія борьба трудна, прискорбна, болѣзненна и воистину есть внутренній крестъ.

Ибо приразившіяся со внѣ страсти какъ бы приросли къ тѣлу и душѣ. Стань вырывать ихъ и почувствуешь боль. Больно? Зато спасительно!

Есть болѣзнь полипь-нарость, пускающій корни въ нашѣмъ тѣлѣ. Не вырѣжешь его, не исцѣлѣешь, а стань вырывать—больно. Но боль возвращаетъ здоровье. Не вырѣзывать,—тоже будетъ больно, только боль будетъ не къ здравію, а къ усиленію болѣзни и даже смерти. Такъ и борьба со страстями или искорененіе ихъ—болѣзненны, зато спасительны.

Оставь страсти, не искореняй ихъ, онѣ тоже будутъ причинять тяготу, болѣзненность, страданіе, но не во спасеніе, а на пагубу и смерть духовную. Ибо образы грѣха смерть (Рим. 6; 23).

Какая страсть не болѣзненна! Гнѣвъ жжетъ; зависить сушить; похоть расслабляетъ; скупость ѣсть и спать не даетъ; оскорбленная гордость убійственно снѣдаетъ сердце, и всякая другая страсть—ненависть, подозрительность, сварливость, человѣкоугодіе, пристрастіе къ вещамъ и лицамъ—все причиняетъ намъ терзаніе, и жить въ страстяхъ то же, что ходить босыми ногами по ножамъ или горячимъ угольямъ, или быть въ положеніи человѣка, у котораго зміи сосутъ сердце. Но у кого нѣтъ страстей? У всякаго есть. Есть самолюбіе—матерь страстей, то есть и другія страсти. Только не у всякаго онѣ всѣ въ одинаковой степени: у одного одна, у другого другая преобладаетъ и заправляетъ прочими. Есть страсти, есть и мученія отъ нихъ, но не во спасеніе, а на пагубу. Страстный терзается ими и гибнетъ.

Такъ не лучше ли взяться за себя и самому себѣ устроить страданіе, но во спасеніе; вмѣсто удовлетворенія страстямъ, насъ убивающимъ, начать поражать страсти, бороться съ ними, противодействовать имъ? Тутъ тоже будетъ боль и страданіе сердца, но боль цѣлительная, за которою послѣдуетъ отрадное успокоеніе. Напримѣръ,

кто либо разсерчаетъ. Трудно одолѣть гнѣвъ и неприятно, но, когда одолѣешь—успокоишься; если же удовлетворишь гнѣву, долго будешь не миренъ. Ты оскорбленъ. Трудно одолѣть себя и простить, но, когда простишь,—обрѣтешь миръ, если же отомстишь, то не будешь имѣть покоя—совѣсть будетъ мучить. Загорѣлось пристрастіе. Трудно погасить его, но, когда погасишь,—увидишь свѣтъ Божій, а не погасишь—будешь ходить—какъ убитый. Такъ и въ отношеніи всякой страсти. Мучить насъ страсть и губить; мучить и борьба со страстью, но исцѣляетъ и спасаетъ. Всякому страстному надо сказать: ты гибнешь на крестѣ страстей. Уничтожь его и устрой другой—крестъ борьбы со страстями и онъ будетъ во спасеніе. Все это ясно, какъ день, и выборъ невзатруднителенъ. Однако, на дѣлѣ онъ не всегда оправдывается.

Удивительное ослѣпленіе и вражда противъ себя! Страдаетъ человѣкъ отъ страсти и все еще удовлетворяетъ ей. Видятъ, что страстію причиняетъ себѣ болѣе и болѣе зла, но все не отстаетъ отъ пагубы. Иной собирается востать на страсть, но лишь явилось ея похотѣніе, тотчасъ удовлетворяетъ его. Опять собирается и опять уступаетъ. И такъ продолжаетъ жить въ страсти. Какое великое разслабленіе нравственной силы! Въ чемъ же обманъ и приманка? Повидиму, страсть обѣщаетъ удовольствіе, а борьба съ нею ничего не обѣщаетъ. Но вѣдь уже нѣсколько разъ испытано, что удовлетвореніе страсти приноситъ не покой, а муку и томленіе. Страсть много обѣщаетъ и ничего не даетъ, а борьба ничего не обѣщаетъ и все даетъ. Испытай и увидишь. Но то горе наше, что испытать то не себе-ремся съ силами. Причина тому—самосожалѣніе. Это самый льстивый нашъ измѣнникъ и врагъ,—первое исчадіе самолюбія. Жалѣемъ себя и губимъ себя. Думаемъ, что добро себѣ дѣлаемъ, а дѣлаемъ зло, и чѣмъ болѣе дѣлаемъ, тѣмъ болѣе желаемъ дѣлать. Зло растеть и приближаетъ къ намъ конечную пагубу.

Воодушевимся и мужественно пойдемъ на крестъ самораспятія для искорененія похотей и страстей. Отвержемъ самосожалѣніе и возгрѣемъ ревность спасенія. Возьмемъ въ примѣръ врача. Когда болѣютъ любимыя и чтимыя имъ особы, онъ по нуждѣ дѣлаетъ имъ жестокія рѣзанія и прижиганія. Надо испытать на дѣлѣ и оно само все пояснить и всему научить. Съ самого начала борьбы явятся покой и радость и будутъ возрастать, пока не завершатся вполне мирнымъ устроеніемъ сердца, въ коемъ будетъ почивать Богъ.

Распятіемъ безъ самосожалѣнія ты приобщишься кресту Христову. Каждое одолѣніе страсти то же будетъ, что приемъ живительныхъ соковъ изъ Живоноснаго Креста. Самораспятіе будто отнимаетъ, но, отнимая, даетъ. Будто отсѣкаетъ, но, отсѣкая, прививаетъ. Будто убиваетъ, но, убивая, живить.

Первый шагъ рѣшительности на борьбу и первое одолѣніе себя—трудноваты, а потомъ все будетъ легче и легче, ревность разгорится, умѣнье одолѣвать увеличится, врагъ станетъ ослабѣвать.

Можетъ силъ не достанетъ начать? Молись, Господь пошлетъ. Помышляй объ опасности пребыванія въ страстяхъ и погонишь себя изъ тьмы ихъ ко свѣту свободы отъ нихъ. Оживи чувство мучительства страстей и возгорись досадою на нихъ и желаніемъ отъ нихъ освободиться. Но болѣе всего исповѣдуй свою немощь Господу, толки въ двери Его милосердія, вопія о помощи, и она придетъ: уничтожить самосожалѣніе, возжетъ ревность бодро вооружиться противъ страстей. А если Господь будетъ съ нами, кто будетъ на насъ?

Изъ твор. еп. Теофана.

4. Іоаннъ Кронштадтскій, какъ педагогъ ¹⁾

Объ о. Іоаннѣ Кронштадтскомъ, какъ педагогѣ русскаго народа, писали мало. ²⁾ Между тѣмъ эта сторона жизни великаго пастыря можетъ привлекать къ себѣ вниманіе. О. Іоанну были близки завѣты церковно-школьнаго дѣла. Фактически онъ часто оказывался благотворителемъ школъ. При Архангельскомъ епархіальномъ училищномъ совѣтѣ существуетъ особый неприкосновенный фондъ имени о. Іоанна для церковно-приходскихъ школъ Архангельской епархіи; онъ образовался изъ пожертвованій самого о. Іоанна и его почитателей (А. Яковлевъ) и состоитъ изъ 22, 300 руб.

Однако, трудно учесть всѣ обнаруженія фактической помощи о. Іоанна школамъ. Намъ осталось отъ него большее, — идеѣ воспитанія русскаго народа, которыя руководили дѣятельностью о. Іоанна. Воспитаніе русскаго народа — предметъ очень близкій и тѣмъ, кто имѣетъ дѣло съ отдѣльными лицами, какъ въ школѣ. Дѣти отражаютъ степень духовной культуры всего народа, воздѣйствіе на нихъ является воздѣйствіемъ на весь народъ.

За обладаніе правомъ воспитанія народа, которое осуществлялъ, какъ пастырь, о. Іоаннъ, которое, далѣе, осуществляютъ всѣ русскіе пастыри, въ Россіи борется два

¹⁾ Редакціей получено изъ Казани, отъ В. И. Николаева, письмо такого содержанія. „Интересуясь личностью высокочтимаго пастыря о. Іоанна Кронштадтскаго, я, какъ педагогъ, особенно хочу найти у него его педагогическія воззрѣнія. Перебралъ оглавленія вашего журнала за нѣкоторые годы, нашелъ тамъ описаніе педагогическихъ воззрѣній знаменитыхъ въ церкви людей, но объ о. Іоаннѣ — ничего“. Полагая, что желаніе г. Николаева могутъ раздѣлить и другіе изъ нашихъ уважаемыхъ читателей, мы даемъ мѣсто статьѣ г. П-ва о педагогическихъ воззрѣніяхъ о. Іоанна.

²⁾ См. А. Яковлевъ, Педагогическое наследіе о. Іоанна Кронштадтскаго („Народное образованіе“. — Училищнаго при Св. Синодѣ Совѣта, 1909, январь). А. Трошина (тотъ же авторъ) въ статьѣ „Наши педагоги“ („Школьный — календарь“, — произложеніе къ „Народному образованію“ за 1915).

начала,—церковное и свѣтское. Первое, идущее отъ времени Св. Владиміра, является религіознымъ; второе же, народившееся послѣ Петра В., нерѣдко оказывается богоборнымъ. О. Іоаннъ, обояніемъ своей высокой личности, побѣждалъ послѣднее. Это можно было видѣть даже въ такіе, печальные для Православія годы, какими надо признать 1905—1906 гг. О тѣхъ временахъ одинъ петроградецъ писалъ, напр., слѣдующее: „Нигдѣ такъ побѣдоносно не чувствовала и не дѣйствовала интеллигенція, какъ именно въ Петроградѣ, городѣ *скептическомъ и невѣрующемъ, полунемъцкомъ*, ¹⁾), гдѣ газеты подняли обдуманную травлю, цѣлый походъ противъ о. Іоанна. Но смерть великаго священника обнаружила всебезсиліе интеллигентскаго руководительства, всю пустоту претензій интеллигенціи на такое руководительство. Кто былъ свидѣтелемъ, тотъ не забудетъ стеченія народа, которое участвовало въ траурной процессіи за гробомъ о. Іоанна, отъ Балтійскаго вокзала до Іоаннова монастыря. Такого стеченія народа Петроградъ еще не видѣлъ. Почти за два часа до процессіи вся улица (Измайловскій проспектъ) была уже заполнена народомъ. Черное волнующееся море человѣческихъ головъ стало почти сплошной стѣной на улицѣ и затѣмъ съ рыданіями многихъ ринулось за гробомъ. Отмѣтимъ, что это былъ день рабочій и рабочее время дня, когда всѣ лавки, мастерскія и заводы были въ полномъ ходу, и что стояла отвратительная мокрая и пасмурная погода. Это не было любопытство толпы, потомучто смотрѣть и глядѣть было не на что. Это не была простая толпа. Что заставило громадное количество людей, среди которыхъ можно было видѣть много интеллигентныхъ лицъ, придти и собраться ко гробу? Они рыдали по немъ, какъ по самомъ дорогомъ и близкомъ человѣкѣ. Это не была простая толпа,—это было общество, объединенное сознаниемъ своего единства въ вѣрѣ и пораженное утратой близкаго человѣка. Намъ казалось, что это

¹⁾ Это писалось еще въ 1909 году!!

былъ одинъ изъ рѣдкихъ моментовъ, когда не интеллигенція, а народъ захватываетъ интеллигенцію и властно увлекаетъ ее своимъ воодушевленіемъ“.

Чѣмъ же о. Іоаннъ привязывалъ къ себѣ? Почему была у него органическая близость къ народнымъ массамъ,—это важнѣйшее условіе всякаго воспитанія.

О. Іоаннъ былъ близокъ народу своимъ удивительно настойчивымъ проникновеніемъ въ духъ Евангелія. Рѣдкій даже изъ духовныхъ лицъ сродняется съ этимъ источникомъ жизни во Христѣ. Потому-то и страдаетъ наше церковное дѣло. Отъ прихода, напр., совершенно не замѣтно, отпадаютъ въ сектантство. Батюшка вадыхаетъ, горюетъ, но боится сказать кому-либо изъ друзей-священниковъ.. Другой, тутъ же около, и не вадыхаетъ, а просто молить, хотя онъ самъ о. благочинный... О сектантахъ въ его приходѣ узнали только послѣ того, какъ онъ перешелъ на другое мѣсто, и этотъ приходъ занялъ новый батюшка, для котораго сектантскія семьи оказались сюрпризомъ.

Грѣхъ обычныхъ среднихъ педагоговъ, грѣхъ духовныхъ лицъ, которыхъ не слушаютъ воспитываемые состоитъ въ увлеченіи далекими отъ Евангелія мотивами жизни. „Учатся не у единого Учителя—Христа, изъ Евангелія Его, и не у церкви Его, а у свѣтскихъ журналистовъ, фельетонистовъ, романистовъ, поэтовъ, актеровъ и говорятъ: „ахъ! какъ все это занимательно, какъ все это нравоучительно!“ И если не на словахъ, то на дѣлѣ говорятъ: намъ не надо ни Евангелія, ни Церкви съ ея богослуженіями, таинствами, проповѣданіемъ Слова Божія“... „Не это-ли дѣлаютъ нынѣ свѣтскіе люди и даже многіе духовные?“ Такъ говорилъ о. Іоаннъ.

По характерному выраженію о. Іоанна, русскіе люди „обневѣрились“, какъ-то притупили чувство вѣры въ своей душѣ. Не удивительно, поэтому, иногда плачевные результаты христіанскаго дѣла.

Мы привыкли спокойно читать и слушать евангельскую повѣсть о вѣрующемъ сотникѣ, о настойчивой вѣрѣ матери-хананеянки, и насъ не трогаетъ бесѣда послѣдней съ Господомъ. Не такъ воспринимала горѣвшая вѣрой душа о. Иоанна эти повѣствованія. Въ нихъ онъ видѣлъ то, что, по наблюдениямъ чуткихъ людей (напр.,—проф. И. А. Сикорскаго), переживалъ постоянно самъ, къ чему звалъ и другихъ. „Отчего,—проникновенно пишетъ о. Иоаннъ,—Спаситель удивлялся простосердечной, искренней вѣрѣ въ сотникѣ и хананеянкѣ? Оттого, что *она была рѣдкостью въ людяхъ*, между тѣмъ какъ ее-то Онъ искалъ... Спаситель для того заставилъ женщину-хананеянку усиленно просить, чтобы возбудить въ ней вѣру, усилить ее.

Вотъ идеалъ душевнаго состоянія вѣрующаго педагога, пастыря: *„вся душа его дѣлается Христовою, какъ желѣзо въ горящихъ угольяхъ; все дѣлается огненнымъ, какъ бы горящимъ, улемъ: все огонь, все свѣтъ, все теплота“*.

Въ положеніи учителя, священника, есть одна опасность,—опасность потери одушевленія, этого горящаго въ душѣ и поналяющаго все дурное „угля вѣры“, и утрата способности обучаться съ воспитываемыми, пасомыми. Заѣдаетъ,—какъ говорятъ,—среда“. Потухъ внутри огонекъ вѣры, ослабѣлъ духъ призванія къ дѣлу Христову, какимъ является и пастырство, и учительство,—въ результатѣ остается одинъ механизмъ дѣла, ремесло, что такъ горько чувствуетъ соприкасающійся съ учащими, священствующими.

„Духа не угашайте!“—таковъ призывъ о. Иоанна ко всѣмъ христіанамъ, педагогамъ, священникамъ.

Призывы о. Иоанна, его настроенія хорошо знакомы тѣмъ скромнымъ сельскимъ пастырямъ, которыхъ приходится встрѣчать въ далекой, напр., глуши Донской области. За этимъ настроеніемъ, за „горящимъ углемъ“ христіанской души ѣздили они въ дальній, непривѣтливый Петроградъ, совершали съ о. Иоанномъ теплую молитву и уносили отъ него запасъ христіанской вѣры на всю свою жизнь. У нихъ

красуется „святой батюшка“ на портретъ съ надписью. Они, глядя на о. Іоанна, держатся, не падаютъ, берегутъ въ себѣ теплоту вѣры..

Работаютъ и вѣруютъ также наши православные учителя, учительницы. Съ ними о. Іоаннъ связанъ не только духовно, но и по временамъ, и матеріально. Напр., Сурская двухклассная церковно-приходская школа (Архангельской губ.) пользуется капиталомъ о. Іоанна въ 49. 700 руб., Сурекая церковно-приходская школа при Іоанно-Богословскомъ ж. монастырѣ—22. 300 р. Сошинская ц.—приходская школа (Кишиневской губ.)—300 р. Такіе же капиталы, пожертвованные о. Іоанномъ (по 100.), существуютъ въ Еремичской двухклассной школѣ (Минской губ.), Бородинской школѣ (Оренбургской губ.), въ Германовской второклассной школѣ (Ярославской губ.), Соликамскомъ уѣздномъ отдѣленіи Пермскаго Епархіального училищнаго совѣта.. „Но кто подсчитаетъ,—говоритъ А. Трошинъ,—сколько разъ о. Іоаннъ помогалъ школамъ на единовременныя нужды, по просьбамъ священниковъ завѣдующихъ! Особенно трогательно было то, что письмо къ о. Іоанну о денежной помощи въ трудную минуту школьной жизни было, въ сущности, направлено не къ нему, а къ Богу, ибо пишущій хорошо зналъ, что у о. Іоанна собственныхъ денегъ нѣтъ и не бывало, и своимъ письмомъ пишущій выражалъ только свою вѣру, что по милости Божіей „не оскудѣетъ преподобный“. А моменты въ школьной жизни бывали дѣйствительно критическіе. Напр., Верхне-Борецкая школа Архангельской губ. только съ помощью о. Іоанна побѣдила нѣкогда винную лавку и укрѣпилась въ своемъ собственномъ существованіи. Въ приходѣ продавался очень хорошій домъ. Его уже покупали подъ винную монополію. Но мѣстное крестьянское общество, во главѣ со своимъ священникомъ, предупредило эту покупку и, получивши отъ о. Іоанна пособіе, купило зданіе для своей церковной школы“.

Г. П.

Учительство, какъ первая пастырская обязанность, и приготовленіе къ нему.

Учительство есть первая обязанность пастыря Церкви по отношенію къ своей паствѣ, по слову Спасителя апостоламъ (Мѡ. 28, 19). Чтобы быть „учительнымъ“, пастырь долженъ быть „всегда готовъ всякому, требующему у него отчета въ его упованіи, дать отвѣтъ съ кротостью и благоговѣніемъ“ (I Пет. III, 15; Сравн.: Фил. IV, 6). Само собою понятно, что для того, чтобы сумѣть дать отвѣтъ всякому вопрошающему о вѣрѣ,—„надлежитъ священнику всячески тщатся о приобрѣтеніи себѣ силы (слово)“. ¹⁾ Необходимо это потому, что „многое число простаковъ, ему подвластныхъ, когда увидятъ вождя преодолѣна, и въ отвѣтъ противорѣчащимъ что сказать не имѣюща, тогда не безсиліе его побѣды, но обветшаніе догматъ виновно быти—они поставляютъ. И но неискusstву одинаго, многіе въ послѣднюю гибель низвергаются. Хотя же они и всяческіе стороны сопротивниковъ не держатся, да однако о тѣхъ, на кого надѣялись, сомнѣваться принуждены бываютъ: и къ кому они прежде съ неуклонною вѣрою приходили, не могутъ уже послѣ съ тою же твердостью его словъ внимать. Но то лихая буря отъ побѣжденія учителя въ души оныхъ вселяется, что сіе заключеніе до конечнаго потопленія ихъ доводитъ“ ²⁾. Итакъ, „тщитися“ о приобрѣтеніи силы слова необходимо. Въ чемъ же заключается это „тщаніе“? Въ добросовѣстномъ изученіи всего того, что потребно нужно знать пастырю для спасенія брата,—въ образованіи. Пастырь долженъ быть просвѣщеннымъ человѣкомъ вообще и богословски образованнымъ въ особенности. Думается, что о необходимости богословскаго образованія и говорить не стоитъ. Вѣдь богословіе есть сфера дѣятельности пастыря и потому странно было бы, если

¹⁾ „Слово о свящ. св. Іоан. Злат.“ IV сл. л. 74 на оборот.

²⁾ „Тамъ же“, л. 81.

бы онъ не зналъ того, какая дѣятельность ему предстоитъ. Это было бы равносильно тому, что учителемъ школы грамоты былъ бы назначенъ человекъ неграмотный. Пастырь долженъ проповѣдывать Евангеліе, долженъ учить истинной жизни, но какъ онъ будетъ проповѣдывать, разъ не знаетъ предмета проповѣди? Такой пастырь былъ бы смѣшонъ и жалокъ, какъ „слѣпой вождь слѣпого народа“. Но слѣпой слѣпому вести не можетъ, ибо „оба упадутъ въ яму“. (Лук. VI, 39—40). Несмотря, однако, на всю очевидность необходимости спеціальнаго-богословскаго образованія для пастыря, среди современнаго интеллигентнаго общества находятся люди, которые полагаютъ, что пастырь прекрасно можетъ обойтись и безъ него. Вотъ что, напр., пишетъ В. Свенцицкій о духовныхъ школахъ: „всѣ существующія школы, отъ высшихъ до низшихъ, должны быть уничтожены или же превращены въ свѣтскія—никакого спеціальнаго отношенія къ подготовкѣ пастырей не имѣющія“. ¹⁾ Этой идеѣ можно сочувствовать только въ томъ случаѣ, если желаешь построить жизнь на началахъ собственнаго разума, ибо духовныя школы, какъ бы плохо онѣ ни были поставлены, не дадутъ человеку возможности забыть совершенно Бога, влекутъ его къ Нему, мѣшаютъ всему человечеству свергнуть съ себя „легкое иго“ Христово. Другихъ причинъ уничтоженія духовныхъ школъ и замѣны ихъ свѣтскими мы не видимъ. Почему, въ самомъ дѣлѣ, г. Свенцицкому хочется уничтожить духовную школу? —Потому ли, что она изученіе Закона Божія ставитъ выше всего?—или потому, что она „плохо поставлена“? О первой причинѣ говорить не приходится. Тотъ, кто не поставяетъ Закона Божія выше всего и не видитъ нужды въ исполненіи его,—не христіанинъ. Христіанину же съ нехристіаниномъ считаться нельзя, ибо ихъ воззрѣнія противоположны другъ другу.

¹⁾ „Христ. братст. борьб. и его программа.“ В. Свенцицкій, ст. 26.

Вторая причина не имѣеть никакихъ разумныхъ основаній. Школа плоха? Она не выполняетъ своего предназначенія? Такъ исправьте ее, сдѣлайте хорошей, а не уничтожайте. Вѣдь и въ свѣтскихъ школахъ не всегда и не все хорошо. Бываетъ, что въ нихъ дѣла обстоятъ хуже, чѣмъ въ школь духовной, почему же никто не говоритъ объ уничтоженіи свѣтскихъ школь?

Христіанинъ долженъ знать законъ Божій, какъ всякій гражданинъ обязанъ знать законы гражданскіе,—даже болѣе, ибо если еще можно быть порядочнымъ гражданиномъ, не зная закона, то пельзя быть не только хорошимъ христіаномъ, но и вообще христіаниномъ, не зная закона Божественнаго. Отсюда слѣдуетъ, что тотъ, кто хочетъ сдѣлать общество христіанскимъ, долженъ заботиться не объ уничтоженіи духовныхъ школь, а объ умноженіи ихъ.

Намъ, пожалуй, скажутъ, что можно и въ свѣтскихъ школахъ обучаться Закону Божию. Можно и должно отвѣтимъ мы, но это не говоритъ еще за уничтоженіе духовныхъ школь. Духовныя школы—*спеціальныя учебныя заведенія*, гдѣ молодые люди не только изучаютъ законъ Божій, но и воспитываются такъ, чтобы могли сдѣлаться учителями жизни истинно-христіанской, святой, каковой задачи свѣтская школа не преслѣдуетъ. А нужна ли спеціальная подготовка къ пастырскому служенію, рѣшить не трудно. Нужна спеціальная подготовка врачу? нужна юристу, воспитателю, учителю, офицеру и солдату?—Если да, тогда она нужна и пастырю, обязанности котораго несравненно выше Пастырь—и врачъ, и юристъ, и учитель, и воспитатель, и воинъ, и работникъ на нивѣ Божіей; слѣдовательно, онъ долженъ изучать все потребно нужное для этого. А все необходимое для плодотворной работы на нивѣ Божіей указано въ Богословіи; значитъ, пастырь долженъ его изучать.

Но, пожалуй, возразятъ намъ, для этого можно учредить богословскій факультетъ. Безполезно, отвѣтимъ мы, если только мы не будемъ изучать закона Божія съ дѣтства,

если мы не возлюбимъ его съ юности, если онъ не сдѣлается нашей плотью и кровью. Только людямъ, стоящимъ внѣ богословскаго образованія, схватившимъ нѣкоторыя верхушки его, — можетъ казаться, что богословскую науку можно изучить въ четыре года. Тотъ же, кто стоитъ близко къ ней, знаетъ, что и всей жизни не хватитъ на то, чтобы основательно изучить ее, чтобы понять духъ и смыслъ евангельскаго ученія, а не буквы его. Недостаточно только знать Евангеліе, нужно еще и понимать его, для чего необходимо трудиться надъ нимъ всю жизнь, начиная съ юныхъ лѣтъ, ибо только въ этомъ случаѣ Евангеліе можетъ сдѣлаться плотью и кровью нашей.

Не нужно забывать и того, что въ свѣтскихъ школахъ и сейчасъ преподается законъ Божій. Думается, что г. Свенцицкому знакомо и отношеніе къ этому предмету учениковъ и учителей. Изъ этого отношенія къ Закону Божию въ свѣтскихъ школахъ видно ясно, можно ли въ нихъ изучить его основательно. А между тѣмъ изучить его необходимо, ибо по завѣтамъ Христа, апостоловъ, св. отцовъ и учителей Церкви, если человѣку позволительно еще не знать свѣтскихъ наукъ, то невозможно не знать закона Божественнаго, руководящаго насъ ко спасенію. Поэтому то и Христосъ, хотя и не учился, но Законъ Божій зналъ такъ, что сами книжники и фарисеи удивлялись Его званію. Апостолы, въ большинствѣ случаевъ, не получили никакого образованія, но проповѣдывать пошли не прежде, чѣмъ усвоили Законъ Божій. Его они знали такъ, что силою духа этого закона обратили ко Христу враждебный Ему міръ. Первые христіане отъ учителей своихъ о свѣтскихъ наукахъ ничего не слышали, а Закону Божию научены были. Если же рядовому христіанину необходимо знать священную науку, тѣмъ болѣе необходимо это пастырю, учителю христіанъ. Да впрочемъ никто изъ истинныхъ христіанъ въ этомъ никогда не сомнѣвался и не сомнѣвается. Кто знакомъ съ біографіями свв. отцовъ и учителей Церкви, тотъ знаетъ, что священная

наука во всю жизнь была главнымъ предметомъ ихъ занятій; тотъ знаетъ, что при дворѣ многихъ изъ нихъ была своего рода духовная школа—клиръ, изъ котораго выродились наши духовныя училища, семинаріи и академіи.

Но не одно богословское образованіе нужно пастырю для того, чтобы быть учительнымъ. Онъ долженъ дать отвѣтъ всякому вопрошающему его о вѣрѣ, а для этого необходимо, чтобы священникъ „свѣдомъ былъ о всемъ поведеніи житейскомъ не меньше тѣхъ, кои въ немъ обращаются“ ¹⁾. Пастыри должны стоять на высотѣ нынѣшняго научнаго знанія, должны быть чутки къ разнообразнымъ вѣяніямъ, охватившимъ человѣчество, должны умѣть угадывать, гдѣ подъ кучею наноснаго хлама кроется обломокъ драгоцѣнности, и по достоинству цѣнить все хорошее, что замѣтять въ людяхъ“ ²⁾.

Какія же изъ внѣшнихъ наукъ нужно знать пастырю?

Не мѣшало бы знать всѣ, которыя такъ или иначе воздѣйствуютъ на жизнь человѣческую,—по крайней мѣрѣ, самыя важныя изъ нихъ. Ему необходимо, прежде всего, философское образованіе, такъ какъ философія много помогла и помогаетъ богословію стать на научную почву. Философія, по выраженію блаж. Августина, служанка богословія,—и это вѣрно; вѣрно потому, что философія создала опредѣленную и болѣе или менѣе приличную терминологию для обозначенія возвышенныхъ предметовъ, понятій и идей.

Она ясно указала и, даже можно сказать, доказала, что безъ причины ничего существовать не можетъ, что существуетъ Первооснова всего—Богъ, безъ Котораго ничто существовать не можетъ. Она доказала, что разумъ человѣческій стоитъ выше всего изъ извѣстнаго намъ, чѣмъ ясно пока-

¹⁾ “Слов. о. свящ. св. Іоан. Злат. л. 96 на оборот. VI“.

²⁾ Руковод. для сельск. паст. 1904 г. № 1, Высок. задач. соврем. пастыр. Н. Пальмовъ, ст. 7.

зала, что нужно мыслить Бога существомъ разумнымъ, имѣющимъ жизнь, обладающимъ извѣстными нравственными качествами, ибо въ слѣдствіи не можетъ быть больше, чѣмъ въ причинѣ. Коротко сказать, философія въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей является тѣмъ же откровеніемъ Божиимъ, что и Евангеліе,—съ тою лишь разницей, что въ философіи, какъ продуктѣ разума человѣческаго, масса заблужденій, много недосказаннаго, сомнительнаго, односторонняго, неполнаго,—тогда какъ въ Евангеліи, какъ откровеніи Самого Бога, все ясно, опредѣленно, точно, полно, истинно.

Но не въ этомъ одномъ значеніе философскаго образованія. Едва ли не большее значеніе его въ томъ, что оно пріучаетъ нашу мысль къ точности, ясности, логической послѣдовательности, что много содѣйствуетъ успѣху проповѣднической дѣятельности.

Окончаніе слѣдуетъ.

А. Ключевскій.

На современныя темы.

Русскій народъ, по самой своей природѣ, отличается глубокой религіозностью. Черта эта, какъ остроумно отмѣтили, напр., авторы извѣстнаго сборника „Вѣхи“, замѣчается даже у той части русской интеллигенціи, которая сама признаетъ себя невѣрующей. Такое тяжелое бѣдствіе, какъ война, естественно, вызвала повышеніе религіозности. Но такъ какъ за удовлетвореніемъ своей религіозной потребности далеко не всѣ обращаются къ истинному источнику „воды живой“—Православной Церкви Христовой, то религіозность эта нерѣдко принимаетъ извращенное направленіе.

Въ „Кіевлянинѣ“ (№ 24) отмѣчается увлеченіе въ нѣкоторыхъ петроградскихъ кругахъ мистицизмомъ, масонствомъ спиритизмомъ и т. п. Между прочимъ, передается слѣдующій случай. Въ одномъ великосвѣтскомъ салонѣ на докладѣ

почтеннаго протоіерея, вмѣстѣ съ избранной публикой, возсѣдали въ первомъ ряду „босоногій съ громаднымъ посохомъ здоровой дѣтина въ потертомъ подрясникѣ и дряхлая, полуслѣпая старушенька—странница“; съ послѣдней вдругъ сдѣлался припадокъ, она стала выкрикивать сумбурныя фразы, и вся публика, устремилась къ ней, жадно лова ея слова, комментируемая босоногимъ дѣтиной, такъ что о. протоіерею пришлось свой докладъ прекратить. Корреспондентъ „Кіевлянина“ объясняетъ подобныя явленія своего рода людей—въ связи съ вызванной войной истрепанностью нервовъ. Но такія явленія были у насъ и до войны, и не только въ великосвѣтскихъ, но и въ народныхъ кругахъ: кому не извѣстны разные „старцы“ и „братцы“—Иванушки, Стефавы, Григоріи, Дмитріи? Очевидно, причину даннаго явленія нужно искать глубже.

Русская религіозность, помимо другихъ своихъ основныхъ чертъ, характеризуется постояннымъ и настойчивымъ желаніемъ видѣть болѣе или менѣе полное воплощеніе своего идеала въ жизни, въ живейшей человѣческой личности, имѣть передъ собою человѣка, предъ которымъ можно было бы преклониться, какъ предъ носителемъ и выразителемъ высшей, Божественной правды, къ которому можно было бы обратиться за разрѣшеніемъ мучащихъ душу вопросовъ. И исторія свидѣтельствуетъ, что русскій народъ, несмотря на свою отсталость въ смыслѣ культурномъ, удивительно чутко и тонко уловилъ тѣ черты, которыми отмѣчаются такіе избранники Божіи; для подтвержденія этой истины достаточно припомнить нравственный образъ тѣхъ подвижниковъ, которые привлекали къ себѣ народныя массы со всѣхъ концовъ Руси, начиная съ преп. Оеодосія Печерскаго и преп. Сергія Радонежскаго и кончая преп. Серафимомъ, Оптинскими старцами и о. Іоанномъ Кронштадтскимъ. Между прочимъ, русскій народъ вѣрно подмѣтилъ и ту черту, что нравственная высота нерѣдко не совпадаетъ съ признаками вѣшняго достоинства и благоприличія, наиболѣе цѣнными въ очахъ

міра сего, т. е. ту истину, которую изрекъ Самъ Господь: „что высоко у людей, то мерзость предъ Богомъ“ (Лук. 16, 15); на этомъ основывается то почитаніе, которымъ пользовались на Руси Христа ради юродивые.

Но въ данномъ случаѣ возможны, конечно, и ошибки: о нравственномъ состояніи другихъ людей мы судимъ по ихъ поступкамъ, а поступки часто не соотвѣтствуютъ дѣйствительному внутреннему настроенію. И раньше бывали, и теперь есть самообольщенные люди, почитающіе себя за великихъ праведниковъ и въ этомъ смыслѣ обольщающіе легковѣрную толпу, ослѣвленную ихъ внѣшнимъ подвижничествомъ, а чаще—прямо наглые обманщики, съ своею рыткою цѣлью эксплуатирующіе въ своихъ интересахъ народное благочестіе, (удобнѣйшимъ средствомъ обратитъ на себя вниманіе служить подражаніе подвигу юродства). И жажда видѣть осуществленіе правды въ жизни оказывается настолько велика, что такіе волки въ овечьихъ одеждахъ находятъ ревностныхъ почитателей, готовыхъ для нихъ на всевозможныя жертвы. Очевидно, причина этого прежде всего и болѣе всего заключается въ томъ, что указанная жажда, вполне естественная и похвальная, не находитъ себѣ надлежащаго удовлетворенія. При сіяніи истиннаго свѣта поддѣльный блескъ самъ собою тускнѣетъ. Гдѣ же эта жажда народная естественнѣе всего должна была бы находить себѣ законное удовлетвореніе? Кто, и по самому существу своего служенія, и по возрѣнію благомыслящей части народа, призванъ быть служителемъ Божиимъ, носителемъ правды Божіей?—Отвѣтъ можетъ быть только одинъ: православное духовенство. Для этого не требуется обязательно, чтобы всѣ священники стояли по своему нравственному уровню наравнѣ съ о. Іоанномъ Кронштадтскимъ: вѣдь „святость“ разныхъ самозванныхъ старцевъ даже и по внѣшности не такъ уже недосыгаема. Нужно проникновенное молитвенное настроеніе (у „старцевъ“ таковое часто бываетъ просто напускнымъ), стремленіе жить по правдѣ; по Божію, и вообще

живое сознание, что вѣра и благочестіе должны быть опредѣляющими началами жизни, а не чѣмъ то внѣшнимъ, далекимъ и глубоко безразличнымъ; пужно также желаніе послужить спасенію ближнихъ, ихъ духовнымъ нуждамъ и запросамъ. На этой почвѣ въ извѣстной мѣрѣ можетъ быть смягченъ и наиболѣе жгучій въ настоящее время вопросъ — о содержаніи приходскаго духовенства. Прихожане тяготеютъ платой духовенству болѣе всего потому, что они не чувствуютъ осязательно тѣхъ духовныхъ благъ, которыя они получаютъ отъ священника. А для ублаженія, напр., извѣстнаго Иннокентія Балтскаго добровольно разорались цѣлыя деревни, причемъ иннокентіевцы не усматривали ничего предосудительнаго въ томъ, что ихъ учитель принимаетъ отъ нихъ ихъ послѣднее достояніе, и ужъ тѣмъ болѣе не жаловались, что бнѣ „дереть и съ живого, и съ мертвого“.

Кромѣ указанной, основанной причины преклоненія предъ разнаго рода религіозными проходимцами, есть еще и другія. Для челоѣка съ правильно развитымъ религіознымъ сознаниемъ болѣею частью нетрудно бываетъ опредѣлить, что тотъ или другой „старецъ“ или „братецъ“ не есть представитель подлиннаго, чистаго благочестія. Не говоря уже о догматическихъ заблужденіяхъ, къ которымъ почти неизбѣжно приходятъ самозванные учителя, ставящіе свое мнѣніе выше обще-церковнаго руководства, уже своекорыстный характеръ (также почти неизбѣжный) ихъ дѣятельности естественно наводитъ на подозрѣнія. Потому упорными и постоянными почитателями ихъ (на первыхъ порахъ искусный обманъ не всегда легко бываетъ открытъ) могутъ быть только люди, слабо оснѣдомленные въ истинахъ вѣры и недостаточно чуткіе нравственно. Отсюда для предотвращенія даннаго явленія необходимо болѣе глубокое религіозное и нравственное просвѣщеніе православнаго народа и общества, что опять таки прежде всего лежитъ на обязанности духовенства.

Въ нѣкоторыхъ изъ разсматриваемыхъ случаевъ едва ли можно отрицать наличность у мнимыхъ праведниковъ осо-

бейной силы внушенія, вродѣ гипнотической. Иногда поведеніе „старца“ такъ рѣзко расходится съ принятой имъ на себя личной, что постороннему наблюдателю кажется совершенно непонятнымъ, какимъ образомъ почитатели „старца“ могутъ не замѣчать обмана и продолжать искренно преклоняться предъ обманщикомъ. Очевидно, здѣсь происходитъ такое порабощеніе воли, когда человѣкъ свидѣльствамъ собственныхъ чувствъ и даже собственнаго разума вѣрить меньше, чѣмъ внушеніямъ лица, безраздѣльно овладѣвшаго его довѣріемъ. Борьба съ такимъ вліяніемъ очень нелегка. Часто только сильное душевное потрясеніе можетъ заставить порабощеннаго здраво взглянуть на вещи, какъ показываетъ примѣръ дядюшки (изображеннаго Достоевскимъ въ повѣсти „Село Степанчиково и его обитатели“; повѣсть эта прекрасно характеризуетъ психологію духовнаго порабощателя и его жертвы), который только тогда возсталъ (да и то, какъ скоро оказалось, не окончательно) противъ вліянія Оомы, когда послѣдній оклеветалъ дядюшкину невѣсту. Во всякомъ случаѣ, первопричиной такого духовнаго порабощенія является неустойчивость характера, слабость воли людей, поддающихся внушенію.

Въ связи съ этимъ имѣетъ свою долю вліянія (и не только въ великосвѣтскихъ кругахъ, а и въ простомъ народѣ) и народная расшатанность (во время войны, конечно, обострившаяся), порождающая поверхностный мистичизмъ, надежды пережить острия впечатлѣнія чрезъ любопытное заглядываніе въ область сверхчувственнаго и чудеснаго. Здѣсь уже мы имѣемъ дѣло не съ настоящей, хотя бы бы и дурно направленной религіозностью, а съ своего рода игрой въ религію, съ желаніемъ использовать религію для полученія сильныхъ ощущеній, которыхъ почему либо оказывается невозможнымъ получить въ другихъ областяхъ жизни человѣческой. И въ данномъ случаѣ (не говоря, конечно, о возможныхъ здѣсь извращеніяхъ, когда грѣхъ намѣренно ставится въ соприкосновеніе съ религіозной областью,

для приданія ему будто бы особенной „пикантности“). лучшее средство для борьбы съ такими явленіями заключается въ распространеніи истинной религіозности, которая, однако, только можетъ дать полное духовное удовлетвореніе совершенно несоизмѣримое съ тѣмъ шекотаніемъ нервовъ, которое получается отъ мнимаго соприкосновенія съ міромъ сверхчувственнымъ чрезъ посредство разнаго рода маговъ, спиритовъ, теософовъ, „старцевъ“ и прочихъ шарлатановъ.

Н. Гумилевскій.

По поводу газетныхъ слуховъ и замѣтокъ.

Какъ то недавно промелькнула въ газетахъ ¹⁾ замѣтка, что одинъ нѣмецкій ученый антропологъ и этнографъ, командированный для изученія въ этнографическомъ отношеніи бѣлоруссовъ, послѣ долгихъ изслѣдованій опубликовалъ въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ толстыхъ журналахъ свой научный трудъ, въ которомъ доказываетъ, что бѣлоруссы по строенію черепа ничѣмъ не отличаются отъ нѣмцевъ, что они чистѣйшіе нѣмцы, и если теперь они этого не понимаютъ, то поймутъ лѣтъ черезъ 50, вкусивъ благъ нѣмецкой культуры. Это „открытіе“ ученого нѣмца о черепѣ болоруссовъ можетъ показаться пріемлемымъ и убѣдительнымъ, конечно, только для своеобразно мыслящихъ нѣмецкихъ череповъ; у всякаго изъ насъ оно вызоветъ лишь улыбку и лишній разъ подтвердить уже сложившееся у русскаго человѣка представленіе о нѣмцахъ. Однако замѣтка эта заставляетъ насъ призадуматься надъ горькой судьбой бѣлоруссовъ; не надъ будущей судьбой, которая скрыта отъ насъ непроницаемымъ покровомъ міровой тайны, а надъ судьбой прошедшей и настоящей. Нѣмцы, послѣдовающіе всюду раньше другихъ, въ данномъ случаѣ опоздали. Они только мечтаютъ

¹⁾ „Рус. Сл.“ 1416 г. № 276.

приняться за онѣмечиваніе бѣлоруссовъ. Но въ этихъ своихъ планахъ и аппетитахъ нѣмцы имѣютъ достойныхъ предшественниковъ. Уже много десятковъ лѣтъ смѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ пришли къ аналогичному выводу и поляки. Они открыли даже большее и утверждаютъ, что черепъ бѣлорусса есть не только настоящій польскій черепъ, но что онъ отъ вѣка предопредѣленъ судьбою склоняться къ подножію „святѣйшаго“ (какъ его величаютъ іезуиты, наши газетные репортеры и дипломаты) папскаго престола. Объ этомъ весьма искусно жужжали въ уши нашимъ довѣрчивымъ „московитамъ“; и вотъ представьте себѣ удивленіе одного изъ послѣднихъ, когда, занесенный войною въ Бѣлоруссію, онъ вдругъ увидѣлъ здѣсь по селамъ и деревнямъ (въ городахъ—почти сплошь израильтяне и поляки; только прислуга русская) все тотъ же сѣрый и пришибленный русскій народъ, когда услышалъ здѣсь русскій языкъ, болѣе правильный и чистый, нежели въ нашихъ южныхъ губерніяхъ, когда увидѣлъ здѣсь, наряду съ недавно выстроеными новыми роскошными востелами, тѣ же, правда, болѣе убогіе и древніе, православные храмы и услышалъ въ нихъ родные священные напѣвы и молитвы! Насъ убаюкивали, а между тѣмъ окатоличиваніе и нераздѣльное съ нимъ ополчваніе бѣлоруссовъ шло быстро впередъ. Быть можетъ, война, всколыхнувшая мирно дремавшее подъ напѣвы его „любителей“ русское море, заставитъ и насъ, наконецъ, подумать о себѣ, о необходимости принятія мѣръ противъ покушеній и посягательствъ на св. Православіе и русскую народность. Правда, наши доморощенные радѣтели доселѣ твердили намъ, что это не наше дѣло, что объ этомъ позаботится начальство, а намъ нужно лишь думать о спасеніи своей души. Но едва-ли мы спасемъ свою душу, оставаясь пассивными при видѣ гибели душъ нашихъ близкихъ братьевъ по вѣрѣ и крови. Исходя изъ этой точки зрѣнія и предвидя могущую обрушиться на его енархію послѣ войны съ особенною силою пропаганду католицизма и полонизма, преосвя-

щенный Архиепископъ Минскій предлагаетъ своимъ сотрудникамъ на нивѣ Христовой рядъ предупредительныхъ мѣръ: 1) Постройка православныхъ храмовъ, которые не уступали бы по своему великолѣпію построеннымъ на іезуитскія деньги съ цѣлью пропаганды костеламъ; 2) поднятіе на должную высоту православнаго богослуженія и проповѣди; 3) организація крестныхъ ходовъ и устройство торжественныхъ празднествъ; 4) основаніе и открытіе благотворительныхъ обществъ; 5) устройство кружковъ „ревнителей Православія“, и т. д. Конечно, эти мѣры, проведенныя въ жизнь, не останутся безплодными; нужно только рѣшительно приняться за ихъ осуществленіе, не страшась борьбы съ всемогущими въ Бѣлоруссіи „панамі“, которые въ большинствѣ поляки-католики, элементъ пришлый въ этомъ краѣ и чуждый коренному населенію, подобно нѣмецкимъ баронамъ въ Литвѣ. Они объединились въ одну „бѣлорусско-литовскую“ политическую группу, которая менѣе всего заботится объ интересахъ коренныхъ бѣлоруссовъ и литовцевъ. А бѣлоруссы заслуживаютъ того, чтобы ихъ братски любить и помочь имъ бороться съ чуждымъ вліяніемъ. Бѣлоруссы—народъ весьма религіозный, вѣжливый, привѣтливый, со многими другими положительными качествами души. Но вмѣстѣ съ тѣмъ на лицѣ каждаго изъ нихъ вы невольно прочтете едва уловимую черту грусти и приниженности. Это печать многолѣтняго господства властной „панской“ руки, которую раньше, обычно, становясь на колѣни, крестьяне цѣловали (у насъ этотъ рабскій обычай удалось, подъ вліяніемъ общенія съ остальной Россіей, искоренить, но въ Галиціи, гдѣ „панамі“ тѣ же поляки, плюсъ къ нимъ іудеи, онъ остается и доселѣ). Безропотно подчиняясь своей судьбѣ, Бѣлоруссы живутъ селеніями въ дебряхъ Полѣсья, воздѣлывая мало плодородную здѣсь почву и тяжелымъ трудомъ на обширныхъ панскихъ поляхъ добывая себѣ скудный кусокъ хлѣба. Печально звучать ихъ грустныя пѣсни среди болотъ и лѣсовъ родной имъ страны! Воинствующій и не брезгающій ради успѣха

сроей пропаганды никакими средствами польскій католицизмъ упорно дѣлаеть здѣсь свое разрушительное злое дѣло, совращая изъ Православія отдѣльныя личности и внося этимъ въ православныя крестьянскія семьи раздѣленіе и религиозную вражду. Наше православное духовенство борется, какъ можетъ, но оно дѣйствуетъ лишь дозволенными совѣстью и Евангеліемъ средствами, и потому борьба съ іезуитствомъ для него тяжела. Больно бывало выслушивать жалобы нѣкоторыхъ пастырей Церкви на тѣ препоны и обиды, которыя съ дѣвольскимъ умѣніемъ и расчетливостью разставлялись на пути ихъ пастырскаго служенія всецѣльными покровителями католицизма и полонизма въ Бѣлоруссіи! Но сознаніе надвигающейся опасности и отвѣтственности предъ Богомъ и будущей Россіей да объединить насъ и укрѣпить на борьбу съ врагами св. Православія и русскаго народа! Борьба эта будетъ медленная, но вести ее нужно планомѣрно, систематически и упорно, взаимно дѣломъ и словомъ поддерживая другъ друга.

По сообщеніямъ газетъ („Рус. Сл.“), 26 января въ Царское Село выѣзжалъ оберъ-прокуроръ Синода Н. П. Раевъ съ очереднымъ докладомъ по вѣдомству православнаго вѣроисповѣданія. Между прочимъ, во время этой поѣздки выяснилось, что совмѣстный докладъ синодальнаго оберъ-прокурора съ первоприсутствующимъ членомъ Святѣйшаго Синода въ ближайшее время не состоится. Передаютъ о возможности полной отміны такихъ докладовъ. Насколько достоверно это газетное сообщеніе, трудно сказать, но во всякомъ случаѣ оно невольно заставляетъ насъ вспомнить о тѣхъ надеждахъ, которыя еще такъ недавно радовали насъ при извѣстіи, что о дѣлахъ Церкви будетъ докладывать Царю не только свѣтское лицо, которое сегодня празвано защищать интересы Церкви, а завтра можетъ уйти, и потому при всемъ своемъ благомъ желаніи не могущее знать всѣ церковныя нужды, но совмѣстно съ нимъ и лицо духовное, Первенствующій Членъ Св. Синода. Казалось бы, что съ

точки зрѣнія церковной пользы тутъ не можетъ быть двухъ мнѣній, но къ великому сожаленію надеждамъ и чаяніямъ православно-вѣрующихъ людей, какъ видно, не суждено сбыться, и все идетъ по прежнему...

За послѣднее время много печаталось, но еще больше писалось и говорилось о модномъ психозѣ нашей аристократіи, помѣшавшейся на кликушахъ медиумахъ, подозрительныхъ юродивыхъ и мірскихъ (въ противоположность монастырскимъ) „старцахъ“. Конечно, аристократія всегда пользовалась правомъ потѣшаться отъ скуки, чѣмъ ей угодно; печально лишь то, что отъ нея (а, быть можетъ, и въ угоду ей) не отстаютъ нѣкоторые представители нашего духовенства. Вотъ что читаемъ, между прочимъ, по этому поводу въ „Рус. Словѣ“¹⁾: Наша „аристократія“ уже такъ устроена, что не можетъ жить безъ спиритической чертовщины. Оттого и сейчасъ на спиритическихъ сеансахъ нашихъ особняковъ среди надушенныхъ протоіереевъ, сенаторовъ и старѣющихъ барынь обязательно присутствуютъ босоногіе юродивые съ сизыми ногтями и съ оглоблями вмѣсто посоховъ въ рукахъ. Сидитъ этакій Ерусланъ въ бархатныхъ креслахъ, икаетъ послѣ денатурата и, разсматривая аристократическія пазухи, время-отъ времени «прорицаетъ». А вокругъ него толпятся мистическіе сановники, спиритическіе дамочки и «окультные» протоіереи. Толпятся и жадно ловятъ «брехню» босоногого Еруслана и перешептываются и ищутъ въ «брехнѣ» таинственнаго, «потусторонняго» смысла. Но оттого, что наши «верхи» сидятъ за спиритическими столами и нюхаютъ, чѣмъ пахнетъ юродивый Мишка, еще нѣтъ большой бѣды для Россіи. Какъ говорилъ М. Погодинъ: Это верхнія волны, подъ которыми море течетъ, какъ Богъ велитъ» Иное дѣло, разумѣется, если юродивый Мишка пріобрѣтаетъ вліяніе на русскіе дѣла, и если наша съ вами судьба и судьба будущихъ русскіихъ поколѣній складывается подъ вліяніемъ круглыхъ столиковъ и спиритическихъ

¹⁾ 1917 г. № 21.

блюдечекъ. Но тутъ уже виноваты не «Мишка и не салоны, а мы, и только мы ибо если общество могло допустить, что его исторія вся цѣликомъ укладывается на спиритическомъ блюдечкѣ, то ничего другого это общество и не заслуживаетъ!» Печальный приговоръ, но справедливый. Если вспомнить сколько бѣдъ, униженій и несмываемыхъ пятенъ наложило на церковную жизнь нашего времени это вліяніе пресловутыхъ „старцевъ“ при угодливомъ молчаніи большинства тѣхъ, кто поставленъ на землѣ быть стражемъ Церкви, если вспомнить, какъ слабо наше общество реагировало на полныя благороднаго и святаго возмущенія слова отдѣльныхъ нашихъ уважаемыхъ архипастырей и пастырей о новомъ хлыстовствѣ и его пагубномъ вліяніи, то невольно приходишь къ заключенію: лучшаго мы не стоимъ; что посеяли, то и жнемъ. Но долго еще продолжаться такъ не можетъ, иначе останутся учрежденія, „вѣдомство“, вліятельные салоны съ мистическими ламами и прорицающими „старцами“, а паства разсѣется. На духовенство начинаютъ указывать, говорятъ объ его падающемъ авторитетѣ, объ ошибкахъ и даже объ измѣнѣ своему пастырскому долгу нѣкоторыхъ отдѣльныхъ его представителей. Пусть все это послужитъ намъ урокомъ для будущаго!

Въ связи съ истекающимъ срокомъ полномочій членовъ нынѣшней Госуд. Думы, поднимается въ печати вопросъ о новыхъ выборахъ; строятся разныя предположенія, готовятся къ предвыборной кампаніи. Духовенство, конечно, къ предстоящимъ выборамъ членовъ въ слѣдующую Госуд. Думу не можетъ относиться безразлично. По установившемуся ходу вещей въ Госуд. Думѣ обсуждаются и многіе церковные вопросы; Дума ассигнуетъ средства на содержаніе нѣкоторыхъ церковныхъ учреждений. За послѣдніе годы она даже неоднократно, при разношерстности въ религіозномъ отношеніи своего состава, проявляла попытки вторженія въ область внутренней жизни Православной Церкви. Обходя вопросъ о законности и причинахъ этого явленія, мы оста-

новимъ лишь вниманіе читателя на ближайшихъ задачахъ, выдвигаемыхъ текущимъ моментомъ. Духовенство, безспорно, великая сила; его вліяніе на народъ, несмотря на всѣ старанія враждебныхъ Православію темныхъ силъ, велико и учитываются существующими политическими партіями. Нѣкоторыя изъ нихъ расчитываютъ на поддержку духовенства. Отъ послѣдняго, такимъ образомъ, потребуется дать свой голосъ за того или иного, выдвигаемаго въ Думу кандидата. Смѣемъ надѣяться, что опытъ нѣсколькихъ минувшихъ выборовъ предохранитъ духовенство отъ новыхъ ошибокъ. Этотъ опытъ говорить намъ, что избранникъ духовенства прежде всего долженъ быть человѣкомъ, преданнымъ св. Православной Церкви, помимо другихъ его взглядовъ и убѣжденій. При свѣтѣ десятилѣтняго парламентскаго опыта духовенству пора уже уяснить себѣ, отъ кого Церковь наша можетъ ожидать уваженія въ себѣ, къ своимъ правамъ и представителямъ. Духовенство должно остановить свой выборъ на человѣкѣ, который въ нужный моментъ смѣло выступитъ въ защиту Церкви, не принесетъ ея интересы въ жертву интересамъ отдѣльной партіи или группы лицъ, который будетъ настаивать на освобожденія Церкви отъ парализующихъ ея жизнь и дѣятельность постороннихъ вмѣшательствъ и вліяній, на упорядоченіи взаимоотношеній между Церковію и земными человѣческими учрежденіями, который будетъ смотрѣть на Церковь не сквозь призму нѣмецко-лютеранскаго ученія ¹⁾ о ней, а согласно съ завѣтами и канонами св. Православія. Такой избранникъ будетъ въ то же время и стражемъ интересовъ русскаго народа, для коего Православіе является главной основой жизни.

Владиміръ С.

¹⁾ См. статью Г. Л. Попова „Евангелическо-соціальные ученія“, № 3 „Рук. д. сел. паст.“.

Изъ поврежденной печати.

Требованія, предъявляемыя къ священникамъ.

Нѣтъ на землѣ служенія выше священническаго, потому что священники, по словамъ св. Златоуста, „получили власть, какой Богъ не далъ ни ангеламъ, ни архангеламъ,— власть предлагать хлѣбъ и вино въ Тѣло и Кровь Христову, низводить Духа Святаго и разрѣшать грѣхи кающимся. Поэтому неудивительно, если къ священникамъ предъявляются и требованія ивыя, чѣмъ къ прочимъ людямъ, и какъ бы высоки эти требованія ни были, ихъ трудно признать преувеличенными. Естественно, напр., желаніе видѣть священника стоящимъ выше міра съ его обычными житейскими заботами и дразгами, по крайней мѣрѣ,—въ храмѣ, во время совершенія богослуженія. Такое желаніе высказываетъ, между прочимъ, въ фельетонѣ «Кіевлянина» (№ 16) Е. Кузьминъ.

Онъ начинаетъ съ мелочи: ему однажды пришлось видѣть священника, который стоялъ въ Царскихъ вратахъ, произнося проповѣдь, въ калошахъ. Но въ этой мелочи авторъ фельетона усматриваетъ признакъ того, что у священниковъ часто нѣтъ сознанія священной важности алтаря и самаго своего служенія. Вѣдь, напр., къ архіерею или къ губернатору священникъ никогда не явился бы въ калошахъ. „Почему же“, спрашиваетъ авторъ, „калоши въ алтарь—только *маленькая подробность*, а въ архіерейскихъ покоехъ—почти катастрофа?“—и отвѣчаетъ: потому, что стерлось самое понятіе, отдѣляющее алтарь отъ улицы, дѣлающее его мѣстомъ особаго, исключительнаго присутствія; вотъ у губернатора это присутствіе чувствуется, а въ алтарь у самихъ служителей алтаря этого ощущенія нѣтъ“.

Авторъ, несомнѣнно, сильно преувеличиваетъ: нужно думать, что большинство служителей алтаря ясно сознаютъ отличіе алтаря отъ улицы. Но всегда ли это сознаніе остается на должной высотѣ? Всегда ли богослуженіе совершается

съ такимъ благоговѣнiемъ, какое должно вызываться мыслью объ особенномъ присутствiи Божиємъ въ храмѣ? Авторъ разсматриваемаго фелетона хорошо изображаетъ то, что должно происходить съ священникомъ, приступающимъ къ священнодѣйствию.—Въ храмъ входитъ обычный человѣкъ, съ обычными заботами, даже слабостями, грѣшками. «Но вотъ уже со свѣтлымъ (непремѣнно свѣтлымъ) празникомъ—онъ *преображается*, ибо облачается въ духовную чистоту, послѣ чего его рукамъ дается особая сила и власть (наручники), онъ опоясывается духовнымъ мечемъ (набедренникъ). Каждая часть его облаченiя (уже не костюма) какъ бы все болѣе и болѣе отрываетъ его отъ земли, дѣлаетъ его *преображеннымъ*». (А въ дѣйствительности всегда ли такъ происходитъ?) »Я хочу«, продолжаетъ далѣе авторъ, »чтобы священникъ, совершающій таинство, чувствовалъ бы трепеть отъ того, что онъ творитъ, зналъ бы и не только умомъ, „изъ книжки“, а всѣмъ своимъ существомъ сознавалъ бы, что проходитъ чрезъ него, чья сила, чья власть, и, сознавая, содрогался бы, я хочу, чтобы хотя въ алтарь, прикрывая свою будничную рясу ризой, онъ на это время „прикрылъ“ бы и будничнаго отца Петра или отца Висилiя, оставивъ только безыменнаго исполнителя *страшныхъ Христовыхъ таинствъ*«. Авторъ предвидитъ возраженiе, что нельзя требовать, чтобы всѣ были героями, и въ отвѣтъ на это возраженiе указываетъ, что во время войны многiе самыя заурядные люди безропотно идутъ на высшiй героическiй подвигъ—пожертвованiе своею жизнью.—Какъ бы ни смотрѣть на изложенныя мысли, но не считается съ ними нельзя, потому что г. Кузьминъ въ данномъ случаѣ, конечно, далеко не одинокъ.

А вотъ какiя наблюденiя передаетъ одинъ о. дiаконъ. «Я знаю, какъ молящiеся какимъ то сверхчутьемъ угадываютъ даже тщательнѣйше маскируемое настроенiе служащаго. Посмотрите, какое удовлетворенiе испытываютъ сельскiе прихожане, когда въ воскресный день, послѣ трудовой недѣли, вымытые, одѣтые во все чистое, страхнувшiе съ

себя вмѣстѣ съ тѣлесной нечистотой всѣ будничныя заботы и требованія, они слушаютъ вдохновенную службу. Нужно видѣть ихъ лица, такія свѣтлыя, бодрья.. Но—чуть замѣтная небрежность, торопливость, связь богослуженія съ мирскимъ, житейскимъ,—и темнѣютъ лица, и ощущение легкости и душевнаго покоя смѣняется ощущеніемъ усталости, тяжелой немощи. Торжественная тишина смѣняется движеніемъ, шопотомъ, даже подавленнымъ смѣхомъ. Священникъ раздражается невнимательностію прихожанъ, не сознавая, что имъ самимъ вызвана она, лишь чувствуя, что не выполненъ его долгъ, долгъ дать трудящемуся человѣку въ седьмой день зѣповѣданный Богомъ отдыхъ, покой“. („Сарат. Еп. Вѣд.“ № 2).

Какъ же священнику выработать въ себѣ то настроеніе, которое необходимо для него, какъ для совершителя страшныхъ Христовыхъ таинъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ находимъ въ слѣдующихъ указаніяхъ Сильвестра, епископа Омскаго («Ом. Еп. Вѣд.» № 2). Прежде всего священнику необходимо воспитать въ себѣ молитвенный духъ. Такъ какъ молитва требуетъ сосредоточенности, то слѣдуетъ отстранять отъ себя все, что способствуетъ разсѣянности: игру въ карты, шумныя собранія и т. п. Для пріобрѣтенія навыка къ молитвѣ нужно установить для себя опредѣленное домашнее молитвенное правило, при выполненіи котораго стараться, чтобы молитва не нарушалась никакими посторонними помыслами.

Священникъ долженъ ежедневно читать Св. Писаніе, хотя бы по одной главѣ. Черезъ это онъ не только будетъ проникаться библейскимъ настроеніемъ, но и пріобрѣтетъ хорошее знаніе текста Библии, столь необходимое и для проповѣдей, и, еще болѣе, для борьбы съ сектантствомъ. Слѣдуетъ читать также и святоотеческія творенія, которыя даютъ не только знанія о вѣрѣ, но и научаютъ, какъ вести духовную жизнь. Въ этомъ отношеніи особенную важность имѣютъ аскетическія сочиненія, которыя помогаютъ пастырю

разбираться какъ въ своихъ собственныхъ духовныхъ переживаніяхъ, такъ и въ душѣ каждаго пасомага и находить для каждой душевной немощи соотвѣтствующее врачество. Лучше всего начинать съ русскихъ аскетическихъ твореній, каковы: „Алфавитъ духовный“ св. Димитрія Ростовскаго, „Сокровище духовное, отъ міра собираемое“ св. Тихона Задонскаго, „Что такое духовная жизнь, и какъ на нее настроиться“, „Путь ко спасенію“ и письма пресв. Теофана Вышенскаго, «Моя жизнь во Христѣ» о. Іоанна Кронштадтскаго,—а потомъ уже переходить къ „Лѣствицѣ“ пресв. Іоанна и къ «Добролюбію». Весьма полезно также ежедневно прочитывать и Житія святыхъ, которыя содержатъ обильный матеріалъ для назиданія.

Разная психологія.

Въ новомъ пастырско-законоучительскомъ журналѣ „Храмъ и школа“ приведены (№ 1) слова русскаго солдата, весьма мѣтко характеризующія различіе между русскими и нѣмцами.—«Что—мы за народъ такой чудной! Деремся—зубами бы его, проклятаго; грызъ; въ плѣнъ возьмешь—ажъ трясется весь! А взглянешь на него, на плѣннаго—жалко станеть, и заговоришь съ нимъ, какъ съ братомъ, особливо, коли раненый. А онъ нѣтъ! Онъ же какъ звѣрь. А намъ жалко. Чудно, право».—Дѣйствительно, для русскаго кажутся невѣроятными тѣ жестокости, которыя совершаютъ нѣмцы надъ мирнымъ населеніемъ въ занятыхъ ими странахъ и еще болѣе надъ беззащитными военноплѣнными; только и вѣришь потому, что подобные случаи официально и безспорно засвидѣтельствованы; а нѣмцы творятъ свои звѣрства, очевидно, съ вполнѣ легкимъ сердцемъ. Н. Г.

Церковно — общественная журналистика.

Новыя формы церковно-общественной жизни постепенно нарастают и опредѣляются пока въ области только литературной. Но и это — фактъ большой важности. Чтобы онъ былъ возможенъ, надо было пройти цѣлому десятилѣтію, а то, можетъ быть, и двадцатилѣтію. 15—20 лѣтъ назадъ трудно было рассчитывать на возможность журнальной инициативы у духовенства. Теперь же мы являемся свидѣтелями совершенно новаго факта, когда въ разныхъ концахъ Россіи выступаютъ за свой страхъ оо. редакторы, издатели, которые выдвигаютъ свои идеи, положенія, и защищаютъ ихъ если не очень ужъ талантливо, то во всякомъ случаѣ горячо, а то, какъ будто, и искренно. Въ ихъ журнальной работѣ чувствуется широта крузора, желаніе выйти изъ узкихъ рамокъ своего личнаго бытія, которое бываетъ иногда такъ отгорожено отъ міра, что иной батюшка ничего не читаетъ, не выписываетъ. Мало того, новые педатели изъ духовенства нерѣдко идутъ къ ясно понятому предназначенію Церкви, школы, законоучителей. Такимъ образомъ, въ журналистикѣ активной части духовенства можно видѣть важный фактъ церковно-общественнаго характера, вполне заслуживающій того, чтобы его можно отмѣчать, привѣтствовать и провожать самыми лучшими пожеланіями.

Вотъ предъ нами прежде всего, „Храмъ и Школа“ харьковскаго прот. *Н. Липскаго*. (Харковъ, Замотинская, 37), — журналъ ежепедѣльный (цѣна 6 руб.)

О. прот. Липскій даетъ *матеріалы* (но не готовые проповѣди: ихъ онъ не признаетъ) для проповѣди, способствуетъ апологетическому самообразованію священника, знакомитъ его съ литературными теченіями, устанавливаетъ тѣсную связь съ читателемъ, предавая гласности его завѣтныя мысли, чувства, заслуживающія оцѣнки, и даже факты порицанія. Для послѣдней цѣли у о. Липскаго заведенъ особый отдѣлъ съ „черной доской“, на которую „вносятся“ лица свѣтскія и духовныя, обнаружившія вредное для религіознаго дѣла

направленіе. Такъ, напр., уже досталось одному директору реального училища за то, что онъ требуетъ выбросить эктенію объ оглашенныхъ, о. благочинному—за высокоумное отношеніе къ духовенству, причту одной соборной церкви университетскаго города за пристрастіе къ повышенію доходовъ по требамъ, учителю высшаго начальнаго училища—за легкомысленное отношеніе къ урокамъ законоучителя. Мы посоветовали—бы о. редактору только одно: не понимать живость веденія своего дѣла (а журналъ ведется, дѣйствительно интересно и живо въ томъ же самомъ смыслѣ, въ какомъ это принято для клетскихъ газетъ нашего времени. Просимъ понять нашъ советъ, какъ выраженіе сочувствія и журналу, и его редактору. У него честныя памѣренія, повидимому—хорошее желаніе искать правду, пригвозждать къ позорному столбу всякую пошлость, отъкого—бы она исходила. Тѣмъ болѣе важно думать о достоинствѣ *формы*, въ какую облакается правдолюбіе о. редактора.

„Законоучитель“ прот. А. А. Голосова издается (Житомиръ Волынской губ., Иларіоновская ул. № 2, кв. 3 выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ и стоитъ 5 руб.) уже пятый годъ. Тѣмъ не менѣе, этотъ журналъ долженъ быть отмѣченъ какъ явленіе для русскаго духовенства безусловно новое. Въ захолустномъ, хотя и губернскомъ городѣ, который стоитъ въ сторонѣ отъ главныхъ путей культуры (т. е. железнодорожныхъ), издавать серьезный по содержанію журналъ стоитъ большой духовной выдержки. Прот. А. Голосовъ не только самъ работаетъ, но привлекаетъ къ сотрудничеству и свѣжія силы,—законоучителей, свѣтскихъ писателей (напр., Мурзаевъ). Потому на страницахъ «Законоучителя» найдутся статьи, носящія отпечатокъ близкаго знакомства ихъ авторовъ съ новѣйшими педагогическими теченіями (напр.,—трудоваго школы). Журналъ даетъ, поэтому, разнообразный матеріалъ по такому повидимому узкому дѣлу, какъ законоучительство, разъясняетъ вопросы изъ области юридическо—законоучительской, имѣетъ отдѣлъ миссіонерско—законоучительскій. Найдется въ журналѣ и библіографическая замѣтка о свѣжей книжкѣ по Закону Божію.

Необходимость новаго слова, особаго литературнаго усилія, чувствуется и тѣми, кто издаетъ обязательные органы. Отмѣтимъ, напр., измѣненія въ бывшемъ „приходскомъ Листкѣ“, теперешнемъ „Всероссійскомъ церковно—общественномъ Вѣстникѣ“,—измѣненія, продиктованныя, несомнѣнно, желаніемъ сдѣлать изданіе болѣе живымъ, ин-

тереснымъ. Обращаетъ на себя вниманіе органъ харьковскаго духовенства „Пастырь и Паства“, пытающійся,—и вѣдше, и внутренно,—не походить на обычные епархіальныя вѣдомости. Какъ новость, надобно отмѣтить здѣсь наличность беллетристики. Пусть она не великолѣпна,—но въ ней находятся нерѣдко ключъ къ тому, чтобы привлечь вниманіе читателя. Попадаются и стихи. Читая рассказы, подписчикъ заглянетъ и въ сосѣднія страницы. А на этихъ страницахъ онъ найдетъ, прежде всего, свѣжій матеріалъ, мѣстнаго происхожденія, и уже затѣмъ перепечатки,—фактъ весьма цѣнный. Есть епархіальныя изданія, которыя имѣютъ характеръ церковно—общественныхъ ежемѣсячниковъ, но сплошь состоятъ изъ перепечатокъ. Такъ добрая цѣль—дать церковно—общественный органъ, отдѣливъ его отъ официальныхъ „вѣдомостей“, не достигается. Очевидно, или, мѣсто очень глухо, или же силы разбросаны. Напримѣръ, на Дону издается епархіальный ежемѣсячникъ и—рядомъ съ нимъ—тощенькій богословскій листочекъ, стоящій гроши. Почему бы имъ не объединиться? Приходится, далѣе, отмѣчать, что успѣху изданія иногда способствуетъ организованность епархіальныхъ силъ, и что эта послѣдняя по мѣстамъ обязана никому другому, а—епархіальному архіерею. Такъ, напр, объясняютъ возникновеніе и существованіе «толстаго» черниговскаго журнала „Вѣра и Жизнь“. Глухой городокъ соединенный съ остальнымъ міромъ узкоколейкой, гдѣ люди, теряются въ пескахъ, разсылаетъ по епархіи и по Россіи увѣсистые ежемѣсячники со статьями научно—богословскаго характера. „Пастырь и Паству“ официально редактируетъ епископъ Митрофанъ (впрочемъ, адресъ редакціи—харьковская духовная семинарія). Вообще, наличность организаціи, *отъ кого бы она ни происходила*, можетъ сообщить изданію весьма приличный видъ.

Кончая пока этотъ неполный обзоръ, отмѣтимъ вообще, что потребность въ хорошемъ печатномъ словѣ, умѣнье вести журнальное дѣло, живое отношеніе къ вопросамъ церковной практики, опредѣленно намѣчаются и въ духовной средѣ. Духовная печать понемногу перестаетъ быть удѣломъ „опусовъ“ скучнаго, пріѣвшагося, заученнаго свойства.

Г. И.

Редакторъ Протоіерей Платонъ Петровъ

Печатать дозволяется. Кіевъ 1 Марта 1917 года.

Цензоръ Протоіерей Николай Гроссу

ГОДЪ

LVII

УЧЕБНОЕ ПРАВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ШЕСТЬ руб., съ пересылкою СЕМЬ
рублей.

№ 6

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1917 года 15-го марта.

Содержаніе: I. Мысли о. Іоанна Кронштадтскаго о молитвѣ.—II. Таинство св. Причащенія. М. Дороновичъ.—III. Причастницы. Стихотвореніе.—IV. Учителство, какъ первая пастырская обязанность. А. Ключевъ.—V. На современные темы. Н. Гумилевскій.—VI. Естественныя проповѣди.—VII. Матеріальное обезпеченіе духовенства. Владиміра С.—VIII. Кому на Руси жить хорошо. №.—IX. Библиографическая замѣтка. П.

Къ моменту.

Итакъ, у насъ въ Россіи нѣтъ царя. Царь Николай II отрекся отъ престола. Или вѣрнѣе—народъ нашъ, искони царелюбивый, отрекся отъ царя. Не отъ идеи отрекся народъ, а отъ стараго правительства, о которомъ справедливо сказалъ Милюковъ въ одной изъ послѣднихъ своихъ рѣчей: исторія не знаетъ другого правительства столь глупаго; столь безчестнаго и столь трусливаго и измѣнчиваго, какъ это нынѣ низвергнутое правительство, покрывшее себя позоромъ и лишившее себя всякихъ корней симпатіи и ува-

женія, которыя связываютъ сколько нибудь сильное правительство съ народомъ. Это вѣрно. Но Милюковъ, сказалъ не все. Старое правительство было не русское. Не секретъ, что нашъ дворъ былъ отдѣленіемъ германскаго двора, что важнѣйшіе чины ставились по указанію нѣмецкаго кайзера. Что же будетъ? Что можно желать и ожидать? Будетъ созвано учредительное собраніе и чрезъ него народъ скажетъ рѣшеніе. Теперь одно нужно желать и ожидать, чтобы нашъ народъ не попалъ изъ нѣмецкаго ярма въ другое подобное, или еще болѣе тяжкое. Нужно молить Бога, чтобы добытая народомъ свобода была путемъ къ расцвѣту лучшихъ свойствъ его души и залогомъ прочнаго счастья.

Велика и отвѣтственна задача духовенства въ текущей моментъ. Въ рукахъ русскаго духовенства свобода русскаго народа.

Мысли о. Іоанна Кронштадтскаго о молитвѣ.

Иногда мы стоимъ въ церкви или дома на молитвѣ въ расслабленіи духа и тѣла: и безсильна, холодна, бесплодна бываетъ душа наша, какъ оная языческая неплодящая церковь; но лишь напряжемъ сердце свое къ искренней молитвѣ къ Богу, обратимъ мысли и сердце свое къ Нему съ вѣрою живою, тотчасъ оживетъ, согрѣется и оплодотворится душа наша; какое вдругъ спокойствіе, легкость, какое умиленіе, какой внутренній святой огонь, какія теплыя слезы о грѣхахъ, какое искреннее чувство сожалѣнія о томъ, что прогнѣвали ими Владыку Преплагого, какой свѣтъ въ сердцѣ и въ умѣ, какой обильный потокъ живой воды заструится въ сердцѣ, льющійся свободно съ языка, или съ пера и карандаша на бумагу; пустыня душевная процвѣтаетъ, яко кракъ пришествіемъ Господа въ сердце. Ахъ, зачѣмъ мы чаще не обращаемъ сердце своихъ ко Господу! Сколько

у Него всегда сокрыто для насъ покоя, утѣшенія! *Коль многое множество благости Твоя, Господи, уже скрылъ еси боящимся Тебѣ, Господи!* (Псал. 30, 20).

Хорошо иногда въ молитвѣ сказать нѣсколько своихъ словъ, дышащихъ горячею вѣрою и любовью ко Господу. Да, не все чужими словами бесѣдовать съ Богомъ, не все быть дѣтьми въ вѣрѣ и надеждѣ, а надо показать и свой умъ, отрыгнуть отъ сердца и свое слово благо, притомъ же къ чужимъ словамъ какъ то привыкаемъ и хладѣемъ. И какъ пріятель бываетъ Господу этотъ нашъ собственный лепетъ, исходящій прямо отъ вѣрующаго, любящаго и благодарнаго сердца — пересказать нельзя: надобно только то сказать, что душа при своихъ словахъ къ Богу трепещетъ радостію, вся разгорячается, оживляется, блаженствуетъ. Нѣсколько словъ скажешь, а блаженства вкусишь столько, что не получишь его въ такой мѣрѣ отъ самыхъ длинныхъ и трогательныхъ чужихъ молитвъ по привычкѣ и неискренно произносимыхъ.

Иногда только лишь насладившись Господомъ, а врагъ скорѣе же послѣ того или чрезъ людей несетъ тебѣ крайнюю скорбь. Таковъ удѣлъ работающихъ въ этой жизни Господу. Напримѣръ, ты упокоился и возвеселился у Чашы Господней, и иногда тотчасъ послѣ службы встрѣчаетъ тебя огненное искушеніе, съ нимъ и скорбь; даже у самой Чашы врагъ дѣлаетъ тебѣ козни и смущаетъ тебя разными помыслами, и не хочешь, да борись, и хотѣлъ бы долго, долго опочить съ Господомъ, да враги не даютъ. Пока въ насъ страсти будутъ дѣйствовать, пока ветхій человекъ въ насъ будетъ жить и не умретъ, до тѣхъ поръ намъ придется много скорбѣть отъ различныхъ искушеній въ жизни, отъ борьбы ветхаго человека съ новымъ.

Когда смущеніе и какое то безсиліе сердца препятствуютъ тебѣ произносить во время Богослуженія слова молитвъ, тогда сочти это смущеніе и безсиліе за мечту вражю (демонскую), отбрось уныніе, малодушіе и робость, и о

имени Господни говори не торопясь, спокойно и намѣренно громче, и ты одолѣешь смущеніе и безсиліе и получишь бодрость и силу. Вѣрующему и уповающему всё возможно. Надо бороться и побѣждать.

Когда ощутишь, что въ сердцѣ твоёмъ не стало мира изъ за пристрастія къ чему нибудь житейскому, а вмѣсто того въ немъ дышетъ раздражительность и злоба, стань тотчасъ на стражѣ сердца и не давай наполнить его діавольскому огню. Молись сердечною молитвою и укрѣпляй Божию силою страстное, нетерпѣливое сердце свое. Будь твердо увѣренъ, что злодышущее разженіе сердца есть дѣло врага; а врагъ сильно воюетъ чрезъ сытый желудокъ.

Тайнство Св. Причащенія.

Истинное присутвіе Господа Нашего подъ видомъ хлѣба и вина есть великое чудо, которое дѣлаетъ причащеніе самымъ удивительнымъ изъ всѣхъ тайнствъ. Къ нему одному въ христіанствѣ сводится все и все его предполагаетъ. Въ немъ священство, жертва, сама христіанская вѣра черпаютъ свой истинный и совершенный смыслъ. Въ этомъ тайнствѣ мы самымъ ощутительнымъ образомъ постигаемъ всю глубину любви Іисуса Христа. Благодаря ему, мы истиннѣ имѣемъ передъ алтаремъ Божественнаго Посредника, такъ какъ въ святой трапезѣ мы находимъ божественно укрѣпляющую и оживляющую пищу.

Въ силу именно этой своей исключительной важности и чудеснаго характера, истинность присутствія Господа (подъ видомъ хлѣба и вина) служить предметомъ самыхъ ожесточенныхъ нападокъ. Когда мы, вмѣстѣ съ апостолами и первыми христіанами, повторяемъ съ энтузіазмомъ крикъ благодарности: „любовь совершила это чудо... мы знаемъ... мы вѣримъ этому“... ересь и невѣріе противопоставляютъ намъ еще болѣе дерзкія возраженія.

Поэтому необходимо начать нашу рѣчь отъ Евхаристіи съ подтвержденія истинности присутствія Господа нашего въ этомъ таинствѣ. Это мы и сдѣлаемъ сейчасъ. Въ то же самое время мы скажемъ, когда и какимъ образомъ имѣеть мѣсто это присутствіе: мы изслѣдуемъ догматъ о пресуществленіи и отвѣтимъ на аргументы нашихъ противниковъ.

I.

Евхаристія есть таинство, которое подъ видомъ хлѣба и вина, реально, несомнѣнно и существенно содержитъ плоть, кровь, душу и Божество Господа Нашего Иисуса Христа. Подлинная формула нашей вѣры такова: „Если кто-либо, — говорится въ канонахъ ея, — отрицаетъ, что тѣло и кровь Господа нашего Иисуса Христа вмѣстѣ съ Его душой и Божествомъ, а, слѣдовательно, и Самъ Иисусъ Христосъ несомнѣнно истинно и существенно содержитсяъ въ таинствѣ святой Евхаристіи; или если, наоборотъ, кто-либо говоритъ, что Господь въ таинствѣ есть какъ бы знакъ или образъ или свойство-да будетъ анаѳема“.

Въ теченіе многихъ столѣтій Церковь вѣрила и исповѣдывала, что Иисусъ Христосъ присутствуетъ въ Евхаристіи, и потому говорилось просто: „Онъ въ ней присутствуетъ“. Но нападки протестантовъ сдѣлали необходимымъ въ только что приведенномъ мною опредѣленіи прибавленіе трехъ словъ: „несомнѣнно, истинно, существенно“, хотя и одного, казалось, было бы вполне достаточно. Но если навести справки въ исторіи, то окажется совсѣмъ иное: „Иисусъ Христосъ присутствуетъ въ Евхаристіи“, говорятъ Цвингли и его единомышленники, — „но только какъ образъ; то есть, въ таинствѣ мы видимъ изображеніе, символъ, представляющій Его“. — „Нѣтъ“, раздался тогда голосъ Церкви; — Евхаристія не только символъ, она несомнѣнно заключаетъ всего Иисуса Христа“. — „Безъ сомнѣнія, она Его заключаетъ“, — говоритъ въ свою очередь Кальвинъ — „но единственно тѣмъ, что приглашаетъ думать о Немъ, стараться охватить Его своей вѣрой“. — „Нѣтъ“, — отвѣтила ему Цер-

ковъ,— „поклоненіе вѣрой происходитъ отъ истиннаго Его Присутствія“.—Онъ истинно есть въ таинствѣ,—я допускаю это“, снова начинаетъ Кальвинъ,— „по только въ томъ смыслѣ, что въ таинствѣ есть свойства, исходящія отъ Иисуса Христа,—сила, вызванная Имъ. Онъ присутствуетъ въ таинствѣ по причинѣ поступковъ или дѣяній, совершенныхъ Имъ“.— „Нѣтъ“,—сказала Церковь,— „въ Евхаристіи мы имѣемъ Самого Иисуса Христа, Его существо, Его истинную субстанцію: Онъ въ таинствѣ присутствуетъ существенно“.

Въ качествѣ самаго сильнаго доказательства мы располагаемъ свидѣтельствомъ, противъ котораго мы не имѣемъ права возставать.—свидѣтельствомъ, „полнѣйшую цѣнность и неоспоримый авторитетъ котораго долженъ признать здравый смыслъ, ибо оно исходитъ отъ Ума, передъ Которымъ всѣ человѣческіе умы невѣжественны и слабы. Въ качествѣ доказательства мы имѣемъ Свидѣтельство—утвержденіе Самого Бога, говорящаго устами Своего Сына, Господа Нашего Иисуса Христа:

„Не знаю, были ли вы поражены тѣмъ явленіемъ, что въ вечеръ Святаго Четверга, въ моментъ, когда Иисусъ Христосъ, завершая Свою любовь и не желая оставлять насъ сиротами, утвердилъ Тайну Своей жизни и свое постоянное присутствіе на землѣ, говоря: „Примите, ядите сіе есть тѣло мое... примите и пійте, сія есть Кровь моя... сіе творите въ Мое воспоминаніе“, что въ этотъ вечеръ апостолы, „эти вѣчные совопросники“, какъ называетъ ихъ Бессюзъ, видимо, не выразили никакого удивленія. Евангеліе не приводитъ ни одного вопроса, заданнаго ими. Это произошло потому, что Еожественный Учитель подготовилъ ихъ къ подобному чуду, возвѣстивъ его заранѣе.

Почти за годъ до учрежденія этого таинства Онъ общалъ его. Онъ даже отвѣтилъ на колебанія тѣхъ, кого изумляла исключительность природы обѣщаннаго событія. Таковъ ясно было обѣщаніе, что апостолы увѣровали заранѣе.

Но значительное число слушателей Учителя, напротив, вознегодовали и, значить, Евхаристія еще до своего утверждения приобрѣла враговъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ еретиковъ, немедленно отдѣлившихся отъ Иисуса.

Это произошло на другой день послѣ насыщенія цѣтью хлѣбами пяти тысячъ человекъ. Евреи, очень чувствительные къ чудесамъ подобнаго рода, рѣсговорились похитить Иисуса Христа и сдѣлать Его царемъ; но Господь таинственно скрылся.

Найдя Христа на другой день, евреи стали просить у Него хлѣба, падающаго съ неба, подобно маннѣ, посланной Богомъ отцамъ ихъ въ пустынѣ. „Нѣтъ“,—отвѣтилъ Онъ имъ, упрекая за грубость,—«хлѣбъ, который дамъ Я, есть плоть Моя, которую Я отдаю для спасенія міра... Если вы не примете плоти Сына человѣческаго и Его крови, никогда не будете имѣть жизни въ васъ самихъ. Плоть Моя истинно есть брашно и кровь Моя истинно есть питіе. Ядый Мою плоть и пійя Мою кровь во Мнѣ пребываетъ, и Азь въ немъ... Какъ Отець Живый послалъ Меня, и какъ живу Я во Отцѣ, такъ ядущій Меня живъ будетъ Мною. Въ этомъ хлѣбѣ, спедшій съ неба. Кто вкусить этого хлѣба, будетъ вѣчно живъ». Я привелъ только нѣкоторыя изъ словъ Христа Господа. Вы можете прочесть ихъ всѣ цѣликомъ въ шестой главѣ Евангелія отъ Іоанна.

Слова эти были такъ ясны, что, услышавъ ихъ, толпа, только что такая воодушевленная, приподнятая, поколебалась. Въ ней подвралась распря, по словамъ Евангелія. Толпа не могла повѣрить настолько поразительному утвержденію. Всѣ, услышавшіе слова Спасителя, поняли ихъ въ томъ же смыслѣ, какъ и наша Церковь, то есть, въ буйвальномъ, а не въ переносномъ. И Спаситель не разубѣждалъ ихъ. Напротивъ, Онъ далъ понять іудеямъ, что они правильно поняли Его слова о небесномъ хлѣбѣ. „Истинно истинно говорю вамъ, если не будете ѣсть плоти Сына Человѣческаго и пить крови Его, то не будете имѣть въ себѣ жизни“.

Многіе ученики Христа Спасителя приводятъ то же возраженіе, что и современные невѣрующіе: «Слово это неразумно, и какъ можемъ мы принять его?» Такъ шепчуть они про себя, покидая Учителя.

А этотъ Послѣдній постарался ли объяснить, смягчить Свое выраженіе? Это можно было сдѣлать только тогда и больше никогда. Нѣтъ, Онъ не измѣнилъ сказаннаго ни на іоту. Наоборотъ, обращаясь къ Своимъ двѣнадцати ученикамъ, Онъ потребовалъ отъ нихъ той же вѣры въ Свое свидѣтельство, какой требуетъ и отъ насъ самихъ: «А вы также хотите покинуть Меня?—сказалъ Онъ»—„Господи, къ кому намъ идти? воскликнулъ Симонъ Петръ; Ты имѣешь глаголы вѣчной жизни и мы увѣровали и познали, что Ты—Христось, Сынъ Бога Живаго“...

Всякое сомнѣніе излишне. Если бы Иисусъ Христось не общался истинно пребывать въ Евхаристіи, чтобы служить намъ высшей духовной пищей, что бы тогда было? Онъ недостойно обманулъ бы всѣхъ, начиная со Своихъ слушателей и кончая нами. А это невозможно. Слѣдовательно, Онъ на самомъ дѣлѣ общался Свое истинное присутствіе, Онъ есть безконечно совершенная истина; и Онъ долженъ выполнить то, что принялъ на Себя.

И въ самомъ дѣлѣ, мы всѣ знаемъ рассказъ объ установленіи Святой Евхаристіи, оставленный намъ Святыми Евангелистами Матеемъ, Маркомъ, Лукой и апостоломъ Павломъ:

Это совершилось во время послѣдней вечери, въ ночь, предшествовавшую Крестнымъ Страданіямъ. Ноги апостоловъ уже омыты. Наступилъ моментъ исполнить обѣщаніе. Иисусъ беретъ хлѣбъ, возноситъ хвалу Своему Отцу и произноситъ священныя слова:

„Примите, ядите,—сказалъ Онъ,— сіе есть тѣло Мое, которое за васъ предается“. Потомъ, взявъ полную чашу вина, Онъ снова вознесъ хвалу Богу и, подавъ чашу Своимъ ученикамъ сказалъ: „пійте отъ нея вси, сія есть Кровь Моя

Новаго Завѣта, которая проливается за васъ и за многихъ во оставленіе грѣховъ“. И, желая дать своимъ апостоламъ власть и обязанность дѣлать то же самое, Онъ прибавилъ: «сіе творите въ Мое воспоминаніе».

Утверждать, что словами: „сіе есть Тѣло Мое, сія есть Кровь Моя“, Иисусъ хотѣлъ сказать просто: „это представляетъ тѣло Мое“, значить идти противъ всѣхъ правилъ языка и здраваго смысла.

Напрасно нѣкоторые протестанты поддерживали мнѣніе, что языкъ, на которомъ говорилъ Христосъ, не имѣлъ слова для выраженія понятія представлять, и что, даже несмотря на нежеланіе употребить символическое обозначеніе, Иисусъ Христосъ могъ сказать только: „это есть“. Виземанъ доказалъ, что сиро-халдейскій языкъ содержитъ болѣе сорока словъ, служащихъ для обозначенія понятія представлять.

Если Спаситель хотѣлъ оставить лишь простое воспоминаніе, Онъ сказалъ бы просто: „Вспоминайте обо Мнѣ, принимая этотъ хлѣбъ и это вино“; и во всякомъ случаѣ Онъ не сказалъ-бы: «это Мое тѣло, это Моя кровь». О статуѣ, о картинѣ можно сказать:—„это такой—то человѣкъ, такая—то личность», не добавляя «это изображеніе, портретъ такого-то лица». Всякій пойметъ опущеніе, которымъ замѣняютъ слово: „представлять“. Но кто не пойметъ въ буквальномъ смыслѣ такія выразительные жесты и слова: „это Мое тѣло,“ и указывая на вино: „это кровь Моя“? Развѣ хлѣбъ походитъ какимъ-нибудь образомъ на человеческое тѣло, а вино на нашу кровь?—Нѣтъ. Надо отвергнуть, что Иисусъ Христосъ въ данномъ случаѣ выразился образно.

Это становится еще болѣе очевиднымъ, если принять во вниманіе, что въ послѣдній день Ему надлежало какъ можно яснѣе говорить о Себѣ, чтобы Его правильно поняли и потомъ не исказили Его словъ. Такимъ образомъ, одинъ только доводъ можетъ побуждать въ словахъ нашего Гос-

пода находить не тотъ смыслъ, который они имѣютъ на самомъ дѣлѣ. Это то, что Пропзнесшій приведенныя слова, былъ неспособенъ осуществить того, что они выражаютъ. Но Говорившій, какъ мы знаемъ, былъ Богъ, всемогущую волю Котораго ничто не можетъ ограничить. Развѣ Онъ, принявши человѣческую природу при воплощеніи, былъ не способенъ довести эту природу до желаемаго состоянія, все-таки оставаясь съ ней нераздѣльно соединеннымъ? Можно ли измѣрять Божественное могущество ничтожной высстой человѣческаго разума? Надо ли провозглашать какое-либо явленіе, поступокъ невозможнымъ только потому, что мы не можемъ постигнуть и уразумѣть его? Знаемъ ли мы, какъ Богъ могъ создать міръ изъ ничего? Знаемъ ли мы, какъ растительный сокъ превращается въ дерево, цвѣтокъ и плодъ? Знаемъ ли мы даже, какъ наша душа можетъ оживлять все наше тѣло, и какъ движеніе нашей руки находится въ зависимости отъ нашей воли? Однимъ словомъ, развѣ мы даже среди видимаго и осязаемаго міра въ природѣ не окружены тайнами и чудесами, которыхъ мы не понимаемъ, по которымъ мы должны признать? Наконецъ, мы же сами—мы вѣримъ въ любовь. Такъ вотъ всемогущей любовью Божіей и объясняется истинно присутствіе въ Евхаристіи Иисуса Христа. Вотъ что подразумѣваетъ Святой Іоаннъ Богословъ, который, приведя подробно слова обѣдованія, считалъ бесполезнымъ повторять въ своемъ Евангеліи объ учрежденіи Евхаристіи то, что было уже давно сказано святымъ Павломъ и тремя первыми евангелистами, и что, благодаря продолжительной практикѣ, знала вся Церковь.

Іоаннъ Богословъ начинаетъ свой рассказъ о тайной вечерѣ словами, которыя раскрываютъ тайну всего происшедшаго въ тотъ вечеръ: „Иисусъ, зная, что наступилъ Его часъ уйти изъ міра и вернуться къ Своему Отцу, и любя всехъ Своихъ, бывшихъ въ мірѣ, возлюбилъ ихъ до самаго конца“.

Утвержденіе Господа нашего ясно; оно исключаетъ всякую символку. Значить, надо, на основаніи этого авторитета, признать истинность присутствія такъ, какъ учить объ этомъ Церковь.

Чтобы еще лучше знать, что хотѣлъ сказать Господь нашъ Іисусъ Христосъ, достаточно знать, что проповѣдывали Его апостолы и чему вѣрила, согласно ихъ наставленіямъ, Церковь первыхъ вѣковъ.

Послушаемъ святаго апостола Павла: „Да испытываетъ себя человекъ, и такимъ образомъ пусть ѣсть отъ хлѣба сего и пьетъ изъ чаши сей. Ибо кто ѣсть и пьетъ недостойно, тотъ есть и пьетъ осужденіе себѣ, не разсуждая о Тѣлѣ Господнемъ. (I Кор. II гл. 28—29 ст.). Очевидно, что апостоль не говорилъ бы такъ, если бы Евхаристія была для него простымъ напомнаніемъ (образомъ). Освященная вода—свяга, но я не знаю, заслуживаетъ ли поднаго осужденія легкомысленное отношеніе къ ней. То же самое было бы и съ Евхаристіей, если бы злоупотребленіе жертвой оскверняло только знакъ, не затрагивая истиннаго и существеннаго присутствія Божественной субстанціи (существа).

Первые христіане исповѣдывали все то, что признаетъ святой ап. Павелъ, и что проповѣдывали вмѣстѣ съ нимъ и другіе апостолы, согласно непосредственному наставленію Учителя.

Откуда, въ самомъ дѣлѣ, беретъ начало нелѣпая клевета о дѣтубійствѣ и людубійствѣ, которую язычники съ дѣлю обвиненія выдвинули противъ вѣрующихъ первыхъ христіанскихъ общинъ, какъ не изъ неправильнаго толкованія Евхаристическаго торжества, мало известнаго язычникамъ и плохо понятаго ими по причинѣ запрещенія христіанамъ раскрывать передъ невѣрными святаы тайны? Чѣмъ, инымъ, какъ не вѣрой въ истинное присутствіе Іисуса Христа и примѣненіемъ причащенія, можно объяснить огромное число живописныхъ изображеній и надписей въ катакомбахъ?

Къ тому же, несмотря на уставъ, требовавшій соблюденія тайны, точные тексты, указывающіе на вѣру первоначальной Церкви въ истинное присутствіе, не допускаютъ возможности сомнѣнія даже у первыхъ отцовъ и духовныхъ писателей.

„Они избѣгаютъ Евхаристіи“, — писалъ святой Игнатій Антиохійскій смирнянамъ въ концѣ перваго вѣка, говоря объ извѣстной сектѣ еретиковъ докетовъ, — они избѣгаютъ Евхаристіи, такъ какъ они не исповѣдуютъ того, что хлѣбъ Евхаристіи есть плоть Господа нашего Иисуса Христа, страдавшаго за насъ и воскресшаго“.

Въ среднѣиъ II-го вѣка святой Іустинъ-философъ писалъ въ своей Апологіи императору Антоцину: „Мы не принимаемъ этихъ вещей, какъ обыкновенные хлѣбъ и вино, ибо насъ учили, что пища, освященная установленной Иисусомъ Христомъ молитвой, есть подлиннѣ плоть и кровь вочеловѣчившагося Иисуса“.

„Разъ самъ Онь постановилъ, что это есть тѣло Его,“ — говорили въ первоначальной Церкви, о чемъ свидѣльствуетъ святой Кириллъ Іерусалимскій, — то кто осмѣлится подвергнуть эти слова сомнѣнію и сказать: это не есть Кровь Его. Во время оно въ Капѣ Онь претворилъ воду въ вино. Такъ почему же не заслуживаетъ довѣрія, когда Онь же Самъ говоритъ, что претворяетъ вино въ Свою кровь.

„Вы должны знать, что вы получили, что получите сейчасъ и что вы должны получить каждый день,“ — говорилъ святой Августинъ. „Хлѣбъ, который видите вы на алтарѣ, послѣ освященія его словомъ Божіимъ, есть уже тѣло Христова. Эта чаша, или вѣрнѣе содержимое этой чаши, послѣ освященія словомъ Божіимъ, есть уже кровь Христа. Такииъ образомъ, Христосъ соизволилъ довѣрять намъ Свое тѣло и кровь, пролитую за насъ во избавленіе отъ грѣховъ“.

Я не могу, здѣсь увеличивать число выдержекъ, но достаточно взять немного болѣе подробно разработанный трудъ

по этому вопросу, гдѣ тексты находятся въ большемъ количествѣ, чтобы удостовѣриться, какъ между всѣми христіанскими преданіями приводимое является наиболѣе подтвержденнымъ.

Несторіане и Евтихіане, отдѣлившіеся отъ вселенской Церкви въ V-мъ вѣкѣ, также признаютъ чудесное присутствіе Господа нашего въ Евхаристіи. Таково ученіе Халдеевъ, Армянъ и вообще всѣхъ восточныхъ церквей. Что бы ни говорили протестанты, вѣра первыхъ дней Церкви не измѣнилась и до сего дня. И кромѣ того, почему же съ самаго начала церковной жизни самые дорогіе металлы, самые рѣдкіе камни, самая тонкая работа примѣнялась къ предметамъ, служащимъ при Евхаристіи. Почему все это, какъ не по причинѣ вѣры въ истинное присутствіе въ святыхъ дарахъ Иисуса Христа? А великолѣпная архитектура нашихъ соборовъ и изящныя лянн нашихъ храмовъ и часовенъ, — развѣ не сходятся всѣ они всегда въ одной центральной точкѣ христіанскаго храма—дарохранительницѣ? Согласіе, изъ вѣка въ вѣкъ оправдывающее нашу вѣру отъ возраженій ересей или отрицаній невѣрія, всемірно.

Таково великое доказательство истиннаго присутствія, которое, несмотря на облекающую его тайну, самые великіе и гордые умы признали послѣ зрѣлаго размышленія: исповѣдуемое такимъ образомъ свидѣтельство Бога и Церкви представляется имъ живымъ и неоспоримымъ.

Я не буду настаивать еще на другомъ доказательствѣ, которое извлекается изъ Евхаристическихъ чудесъ. Многія изъ этихъ чудесъ основаны на очень полныхъ опросахъ и документахъ. А сколько нравственныхъ чудесъ цѣломудрія, совершенствованія, геройства, добродѣтелей, произведенныхъ св. Причащеніемъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Перев. съ франц. М. Дороновичъ, подъ редакціей свящ.

А. Введенскаго.

Учительство, какъ первая пастырская обязанность, и приготовленіе къ нему ¹⁾.

Нужно знать пастырю в науки естественныя, ибо книга природы—вторая книга Божественнаго откровенія. написанная не буквами, а предметами и вещами. Тѣмъ болѣе нужно знать естественныя науки современному пастырю, ибо на почвѣ ихъ выросли: заблужденія, суевѣрія, отрицаніе религіи, Бога, человѣка, какъ богоподобнаго существа,—проповѣдь животнаго натурализма. Пастырь, какъ вѣрный стражъ Церкви, не можетъ, конечно, быть равнодушнымъ къ этимъ ненормальнымъ явленіямъ жизни, ибо его долгъ учить людей истинной жизни, отъ которой уклоняются тѣ, умъ коихъ помраченъ „железнымъ знаніемъ“ природы и матеріальнаго міра. Но какъ пастырь будетъ бороться съ ненормальными воззрѣніями на природу, если онъ будетъ совершенно незнакомъ съ науками естественнымъ?

Историческія науки тоже не мало содѣйствуютъ тому, чтобы пастырь былъ учительнымъ. На основаніи этихъ наукъ онъ можетъ нарисовать прекрасную картину человѣчества падшаго и человѣчества возрожденнаго...

Исторія, особенно церковная, даетъ массу величественныхъ образовъ, подражать которымъ долженъ пастырь, если желаетъ быть „вѣрнымъ стражемъ дому Израилеву“. Въ церковной исторіи пастырь найдетъ себѣ поддержку и утѣшеніе въ томъ случаѣ, если подвергнется гоненіямъ, ибо она ясно покажетъ ему, что по пустынямъ, горамъ и ущельямъ скитались тѣ, которыхъ весь міръ не былъ достоинъ, что дѣло ихъ не теряло своего значенія отъ преслѣдованія, а, наоборотъ, крѣпло и росло;—что добро всегда торжествуетъ надъ зломъ. Словомъ, нѣтъ ничего такого въ нашей жизни, чтобы мы не могли провѣрить примѣрами прошлаго. Насколько все это важно, повѣтъ не трудно. Основываясь

¹⁾ См. № 5 Рук. для с. Паст.

на историческихъ данныхъ, проповѣдникъ можетъ доказать, что только то имѣетъ цѣну, что основывается на словѣ Божіемъ.

Не лишніи пастырю и науки математическія, ибо онѣ приучаютъ наше мышленіе къ краткому, ясному, опредѣленному и строго-логическому мышленію; что много содѣйствуетъ успѣху проповѣди.

Но болѣе всѣхъ другихъ наукъ, по нашему мнѣнію, приносятъ пастырю пользу—психологія и современная ему литература.

Психологія—это анатомія души человѣческой. Пастырь—врачъ душъ человѣческихъ. Слѣдовательно, пастырю необходимо знать психологію не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ врачу—анатомію. Вѣдь психологія—наука о душѣ человѣческой, о ея способностяхъ, силахъ и качествахъ. Она указываетъ, какъ и чѣмъ можно воздѣйствовать на душу человѣка, она даетъ понятіе о томъ, какъ порокъ заражается въ человѣкѣ, какъ онъ развивается, до какихъ предѣловъ доходить. Она указываетъ болѣзни ума, воли и чувства, причины ихъ и слѣдствія. Насколько все это важно для пастыря-врача, понять не трудно. Пастырь долженъ воздѣйствовать на жизнь общества, психологія укажетъ ему способы этого воздѣйствія. Пастырь долженъ лѣчить общество отъ недуговъ, психологія помогаетъ ему разобраться въ томъ, каковъ родъ болѣзни у человѣка, насколько укоренилась она въ немъ, какова ея причина... Все это необходимо знать пастырю-врачу для того, чтобы умѣть дать соответствующее болѣзни лѣкарство.

Столь же, какъ психологія, если даже не больше, необходимо пастырю-учителю знаніе современной ему литературы.

Пастырь, желающій стоять на высотѣ положенія, долженъ быть въ состояніи дать отвѣтъ всякому, вопрошающему его объ истинѣ. Въ настоящее время, когда повсюду замѣчается шатаніе умовъ, когда люди не знаютъ или не

понимають цѣли своего бытія,—не знаютъ, куда идти, что дѣлать, какъ жить и нужно ли вообще жить—такихъ вопрошающихъ объ истинѣ не мало. Вотъ предъ нами босяки М. Горькаго. Всѣ они тоскуютъ и мнутъ, не зная того, гдѣ имъ отыскать „линію своей жизни“. Всѣ они думаютъ, что живутъ напрасно. Всѣ они не видятъ цѣли бытія. Безысходная тоска звучитъ въ ихъ словахъ; когда они разсуждаютъ о жизни. «Эхъ, ты жизнь, дьявольская ты премудрость» (Супруги Орловы), воселицаетъ съ тоскою Гришка Орловъ, когда жизнь не дала ему отвѣта на запросы его сердца и выбросила изъ своей колѣн мѣ ту яму, имя которой—„золотая рота“. Да и не одинъ онъ. Всѣ герои М. Горькаго такъ смотрятъ на жизнь.

Всѣ они вопрошающіе объ истинѣ, всѣ они жаждущіе, которыхъ нужно напоить словами истины,—той истины, которая осмысливаетъ бытіе человѣка.

„Пастырь добрый, полагающій душу свою за овцы“, долженъ дать отвѣтъ этимъ вопрошающимъ его о жизни. Какъ же онъ можетъ сдѣлать это, если онъ даже не знаетъ, —чѣмъ мятется душа босяка? какая причина его паденія? что столѣнуло его на дно пропасти? отчего онъ ненавидитъ жизнь?... Говорить шаблонныя истины такому человѣку—равносильно тому, что ничего не сказать. Нужно понять душу его, чтобы отвѣтить ему на запросы его души... Тутъ то и является на помощь пастырю литература. Она указываетъ причины паденія, опредѣляетъ болѣзнь, которую долженъ лѣчить врачъ пастырь. Появивъ болѣзнь и объяснивъ причину ея появленія, опытный врачъ можетъ и изгнать болѣзнь, употребивъ соответствующія средства.

Пастырь долженъ указать истинную причину ненормальностей въ жизни. Онъ можетъ поднять самочувствіе босяка, показавъ, что и онъ не хуже людей, несмотря на свои недостатки... Пастырь добрый, страждущій о пашихъ, можетъ указать босяку своего прихода истинную цѣль жизни; дуть въ этой цѣли иначе, до тѣхъ поръ, пока не достигнута „линія“, которой такъ домогаются босяки М. Горькаго.

Если человѣкомъ уже завладѣлъ пессимизмъ Аристида Кувалды, который думаетъ, что все кончается смертью и что — потому — разрушеніе есть цѣль жизни; то пастырь, искренне убѣжденный въ истинности слова Божія, можетъ доказать, что не все кончается смертью... Пусть онъ не докажетъ этого! Но уже одно то, что пастырь можетъ вселить въ душѣ отчаяннаго пессимиста, думающаго, что все кончается смертью, — сомнѣніе въ истинности убѣжденій, можетъ принести огромную пользу. Человѣкъ, сомнѣвающийся въ томъ, что все кончается смертью, никогда не скажетъ, что „все равно, какъ бы не жилъ человѣкъ“. Смотришь, отъ мысли онъ перешелъ къ дѣлу, а сдѣлавъ кое что, онъ успокоился и зажилъ, какъ слѣдуетъ. Болѣзнь прошла. Врачъ — пастырь сдѣлалъ свое дѣло... Что помогло пастырю въ этомъ дѣлѣ? Литература, которая раскрыла душу человѣка.

Могутъ сказать, что пастырь могъ узнать все это непосредственно изъ жизни, не читая произведеній М. Горькаго. Совершенно вѣрно... Но вѣдь и врачъ можетъ изучать болѣзни и дѣйствія ихъ на живыхъ существахъ, — почему же не считаютъ излишнимъ изученіе медицины? Да очевидно потому, что пока врачъ изучаетъ болѣзни на живыхъ организмахъ, десятокъ, а то и сотня этихъ организмовъ можетъ сойти въ могилу. Развѣ не можетъ случится того же и съ пастыремъ?... Да и вопросъ еще, обратитъ ли пастырь должное вниманіе на причину грѣха и не сочтетъ ли его слѣдствіемъ слабоволія и озорства? Вѣдь нужно быть глубокимъ психологомъ, чтобы понять истинную причину паденія человѣка, — а это не всѣмъ дано, но только избраннымъ. Да пусть даже пастырь обладаетъ способностью проникать въ тайники души человѣческой! Пусть онъ обладаетъ способностью изслѣдованія причинъ и слѣдствій болѣзни! Развѣ ему лишне будетъ то, что открыто другими? Развѣ онъ способенъ знать все? Человѣкъ тогда только можетъ обладать болѣе или менѣе обширнымъ познаніемъ, когда онъ собираетъ всѣ крупки истины, открытыя талантливими людьми.

Врачъ, какъ бы знаменитъ онъ ни былъ, никогда не брезгуетъ открытіями и познаніями другихъ врачей—малыхъ сравнительно съ нимъ. Онъ жадно хватается за все, что сдѣлано людьми въ области медицины, чтобы познать въ возможно большей степени средства для борьбы съ болѣзнями и возстановленія силъ страждущаго организма.

Да развѣ одинъ врачъ? Не то же ли дѣлаютъ историкъ, химикъ, естествоиспытатели, астрономы—и вообще люди науки? Вѣдь всякій знаетъ, что одинъ человекъ знать много не можетъ. Онъ можетъ дойти до чего-нибудь, но никогда не приобрѣсти ему того знанія, которое добыто человечествомъ во всей его совокупности. Почему же пастыръ долженъ составлять исключеніе изъ общей категоріи людей? Вѣдь не надѣленъ же онъ какими-либо особенными способностями, отрывающими ему всѣ горизонты. А между тѣмъ ему нужно знать много.

Вотъ предъ нами вырастаетъ мощная фигура о. Василія Фивейскаго. (См. рассказъ Л. Андреева. — «Васил. Фивейск»). Читаешь и поражаешься... Какая сила вѣры!... Какой жаръ религіознаго воодушевленія!.. Апостоль да и только... Прочтываешь рассказъ и поражаешься тѣмъ тягостнымъ впечатлѣніемъ, которое онъ производитъ. Что то чудовищное, мрачно-тяжелое заползаетъ въ душу. Васъ давитъ что то, какъ кошмаръ... Особенно тяжело дѣлается по прочтеніи этого разсказа человеку вѣрующему. Василій Фивейскій—это олицетвореніе вѣры и религіознаго воодушевленія, какъ кажется,—и, между тѣмъ, какъ жестоко и безсердечно разбита эта живая, горячая вѣра... Полно, да ужъ есть ли та сила, о которой Спаситель сказалъ, что она горами двигаетъ? Есть-ли то Существо, Которое управляетъ жизнью? Есть ли справедливость въ мірѣ?.. Многие—и очень многие отвѣтятъ на эти вопросы отрицательно. Пессимизъ неизбеженъ, развѣ Василій Фивейскій будетъ признавать человекомъ глубоко религіознымъ. А онъ большинствомъ признается таковымъ.

Представьте, что пастырь не читалъ Василія Оувейскаго, а немногіе или многіе изъ его пастыи прочли этотъ разсказъ. Но осмысливъ его, долготъ вѣрующіе усумнились и отшатнулись отъ вѣры. Пастырь, какъ вѣчный сторожъ „дому Израилеву“, не можетъ спокойно взирать на это отпаденіе. Его прямая обязанность такъ или иначе излѣчить недугъ сомнѣнія. Что же можетъ сдѣлать онъ? Регористическія фразы его пасомыхъ не удовлетворяютъ. Ссылки на историческихкихъ лицъ, дѣйствующихъ силою вѣры, признаются вымысломъ... „Вотъ была вѣра у Василія Оувейскаго, а что онъ сдѣлалъ выдающагося? Помогла ли ему въ чемъ-нибудь вѣра? спрашиваетъ пастыря сомнѣвающійся. Увы, пастырь, не знающій литературы и не желающій знать, долженъ умолкнуть предъ этимъ вопрошающимъ о вѣрѣ. Что онъ можетъ сказать? Скажетъ, что Василій Оувейскій лице измышленное?—Но вѣдь пастыря осмѣютъ за такой отвѣтъ. Развѣ здѣсь не ясно, что Леонидъ Андреевъ—самъ вопрошающій о вѣрѣ? Да развѣ не ясно и то, что живой типъ берется съ природы?..

А, между тѣмъ, пастырю, знакомому съ современною литературой, довольно легко дать отвѣтъ на этотъ вопросъ. Стоитъ поглубже, повнимательнѣе взглянуть въ жизнь Василія Оувейскаго, чтобы прійти къ заключенію, что онъ ужъ не очень то глубоко вѣрующій. Можно даже сказать, что онъ совсѣмъ не вѣрующій.

Василій Оувейскій постоянно сомнѣвается. Всѣ его дѣяствія направлены къ тому, чтобы убѣдиться въ томъ, дѣйствительно ли вѣра такая сила, каковою ее изобразилъ Спаситель. Возьмемъ послѣдній актъ его дѣятельности, стремленіе воскресить умершаго. Вслушайтесь въ слова Василія Оувейскаго, взгляните въ его фигуру въ тотъ моментъ, когда онъ повелѣваетъ умершему встать изъ гроба. Чѣмъ говоритъ онъ? Не вѣрую, о пѣтъ! Онъ полнъ сомнѣнія... Въ душѣ его нѣтъ ни капли вѣры. Онъ хочетъ убѣдиться въ томъ, что вѣра—сила. А кто сомнѣвается, кто хочетъ въ

чемъ-либо убѣдиться, тотъ во всякомъ случаѣ не вѣрующій. Вѣра и сомнѣніе, увѣренность и *желаніе имѣть увѣренность* — не одно и то же. Василій Ойвейскій хочетъ вѣрить, хочетъ обладать силою вѣры, но онъ не вѣритъ и потому не обладаетъ силою вѣры. Вся жизнь Василія Ойвейскаго — мучительный самообманъ. Онъ хочетъ вѣрить, хочетъ обладать силою вѣры, но ни въ одну минуту своей жизни не вѣритъ и потому не обладаетъ силою вѣры. Онъ гордый, самонадѣянный человекъ, но не истинно вѣрующій. Василій Ойвейскій это олицетворенное самолюбіе... — и только. Такой человекъ христіанскою вѣрою уже по самому характеру своему обладать не можетъ. Онъ можетъ быть великимъ человекомъ на любомъ поприщѣ, но только не на поприщѣ христіанской вѣры и дѣятельности. Здѣсь нужны люди сильные, но смиренныя, — люди унижающіеся, а не возвышающіеся, люди твердые, но не самообольщенные... Василій Ойвейскій — не таковъ. Этого типъ — пародія на людей, обладающихъ силою вѣры, — и пародія довольно низкой пробы, ибо обнаруживаетъ въ авторѣ, или его героѣ, мы не знаемъ, — ясное непониманіе того психическаго движенія, коему имя — вѣра. Вѣра сопровождается не гордостью и самоопианіемъ, а смиреніемъ, *сознаніемъ своей немощи и увѣренностію въ силу Божію, а не въ своей*, какъ у Василія Ойвейскаго...

Образованный и дѣльный пастырь всегда сумѣетъ разъяснить данное недомысліе вопрошающему о вѣрѣ, но необразованному пастырю — горе отъ такихъ вопросовъ.

«Отъ современной литературы идетъ запахъ гнили и печальность, а потому лучше не знакомиться съ ней», говорятъ критики литературы. Пусть литература издастъ такой запахъ! Дѣло пастыря, чтобы этого запахъ не задушилъ больного, а для этого ему нужно знать ту болѣзнь, которую слѣдуетъ лѣчить. Познать же ее онъ можетъ посредствомъ литературы; слѣдовательно, онъ долженъ изучать ее, если хочетъ быть на высотѣ своего положенія. Литература тѣмъ именно и хороша, что, соединяя типическія черты ог-

дѣльныхъ личностей, указываетъ болѣзнь, если и не общечеловѣческаго духа, то, по крайней мѣрѣ, значительнаго количества людей. А это очень важно. Болѣзнь всегда легче выяснить тогда, когда она сосредоточена въ одномъ мѣстѣ, не распространяясь по всему организму. Легче ее и изгнать тогда. Точно также и болѣзнь духа легче познать и изгнать тогда, когда знаешь определенно, чѣмъ страдаетъ и мятется онъ. Узнать же это легче всего изъ литературы, гдѣ собрано все то, что служитъ выраженіемъ идеаловъ современнаго общества. Пастырь же долженъ быть непременно современнымъ, въ противномъ случаѣ его не поймутъ и рѣчь его будетъ „гласомъ вопіющаго въ пустынь“. Смѣшно вѣдучи тому, что знаетъ человѣкъ и безъ учителя, еще смѣшнѣе защищать и опровергать то, на что не нападаютъ и что не утверждаютъ.

Взгляните на великихъ учителей Церкви—Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоуста и подобныхъ имъ пастырей, что они дѣлали? чѣмъ объясняется неотразимая убѣдительность ихъ рѣчей?—и вы увидите, что все это зависѣло отъ того, что они были современны. Они не гнушались никакимъ знаніемъ: изучали во всѣхъ деталяхъ языческую-классическую мудрость, были знакомы съ современными имъ науками, никогда не пренебрегали познаніемъ того, что проповѣдывали еретики,—и въ силу этого были неотразимы. Облеченные во всеоружіе знанія, они давали отвѣтъ каждому вопрошающему ихъ,—поражали еретиковъ, сопоставляя ихъ ученіе съ ученіемъ Христа и апостоловъ, опровергали язычниковъ ихъ же оружіемъ, доказывая несостоятельность ихъ ученія на основаніи соображеній здраваго разума, не признающаго истинною того, что противорѣчатъ здравому смыслу. Имъ не трудно было спорить съ язычниками, разъ они знали основы ихъ вѣроученія лучше, чѣмъ сами язычники; имъ не трудно было опровергать еретиковъ, такъ какъ они изучали ихъ ученіе во всѣхъ деталяхъ. Они не боялись того, что отъ классической мудрости шель запахъ разлагающагося

трупа, такъ какъ этотъ запахъ помогаль имъ въ борьбѣ съ тѣми, кто еще былъ увѣренъ, что трупа живъ. Они не боялись оскверненія, ибо были убѣждены, что „для чистаго— все чисто“.

Пусть и наши пастыри облечутся во всеоружіе знанія! Тогда они будутъ сильны и непобѣдимы.

Пастырь долженъ знать возможно больше, ибо это является непремѣннымъ условіемъ успѣха проповѣднической дѣятельности... Только тотъ, кто знаетъ потребности души человѣческой; только тотъ, кто знаетъ, какіе запросы предъявлены къ жизни и самому христіанству пытливымъ умомъ человечества; только тотъ, наконецъ, кто знаетъ болѣзни человѣческаго духа и средства для борьбы съ этими болѣзнями,—можетъ быть пастыремъ-учителемъ.

А. Ключевъ.

На современныя темы.

Рѣчь министра земледѣлія въ Гос. Думѣ раскрыла поразительную вещь: оказывается, что въ Россіи, которая до войны вывозила въ другія страны миллионы пудовъ зерна, теперь, когда вывозъ почти совершенно прекратился, можетъ не хватить хлѣба для содержанія войска, и не потому, что въ Россіи хлѣба нѣтъ, а потому, что его не хотятъ продавать и держать иногда даже еще не обмолоченымъ. Еще поразительнѣе то, что находятся люди, которые прямо внушаютъ крестьянамъ не продавать хлѣба. Если такія внушенія пріостекаютъ изъ опасній, что крестьянамъ самимъ можетъ не хватить хлѣба, то здѣсь имѣется основаніе, хоть и неправильное, но все же имѣющее нѣкоторую видимость правдоподобія. Но если это—пріемъ для дискредитированія „не пользо авшгося довѣріемъ“ правительства, то такой пріемъ борьбы, угрожающій вынудить къ преждевременному прекращенію войны, долженъ быть клеймленъ, какъ явная пзмѣна отечеству.

Во всякомъ случаѣ, получается въ высшей степени странное положеніе. Въдѣ русское крестьянство не менѣе, чѣмъ остальные русскіе люди, сознаетъ всю неизмѣримую, важность настоящей міровой борьбы, всю безусловную необходимость довести ее до побѣднаго конца. Крестьянство даже болѣе, чѣмъ какое либо другое сословіе, несетъ самую тяжелую, вызываемую войной повинность—повинность крови, отдавая лучшія свои силы въ ряды войска. А между тѣмъ то же крестьянство какъ будто не можетъ доставлять войску хлѣба, который не менѣе необходимъ, чѣмъ боевые снаряды. (Слѣдуетъ добавить, что для окончательной побѣды важно снабженіе продуктами питанія не только войска, но и всего населенія, главнымъ образомъ, конечно, городского, такъ какъ то или другое настроеніе тыла далеко не безразлично для хода войны). Очевидно, происходитъ какое то недоразумѣніе, которое необходимо какъ можно скорѣе разъяснить.

Кто же долженъ разъяснить крестьянамъ ту азбучную истину, что безъ обезпеченія войска и всѣхъ учреждений, работающих на оборону, продовольствіемъ вести войну вельзя?—Въ данномъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, ближайшимъ руководителемъ крестьянъ должно быть приходское духовенство. Конечно, у духовенства и безъ того очень много и болѣе прямыхъ обязанностей, но что же дѣлать, если въ громадномъ большинствѣ сель нѣтъ другого челоуѣка, который могъ бы замѣнить собою священника? А въдѣ дѣло идетъ о вопросѣ чрезвычайной государственной важности, потому что въ зависимости отъ такого или иного исхода войны опредѣлится вся дальнѣйшая судьба Россіи (лучше сказать — всего міра). Тутъ, правда, есть еще одно привходящее обстоятельство: въ большинствѣ случаевъ духовенству придется убѣждать своихъ прихожанъ не только словами, но и личнымъ примѣромъ, такъ какъ почти все сельское духовенство является производителемъ хлѣба. Между тѣмъ, положеніе духовенства и крестьянъ въ данномъ отношеніи далеко не одинаково: Крестьяне большей

частью обрабатываютъ свои поля личнымъ трудомъ, тогда какъ духовенству приходилось платить за обработку своихъ полей крупныя суммы, почему оно имѣетъ болѣе основанія ожидать и болѣе высокихъ цѣнъ за свой хлѣбъ, не говоря уже о томъ, что вообще экономическое положеніе духовенства во время войны еще болѣе ухудшилось и чуть ли не всецѣло базируется на доходахъ съ поля. Но—война требуетъ жертвъ. Въ то время, когда милліоны людей жертвуютъ самой своей жизнью, не поступиться для нихъ своими интересами, хотя бы и насущными, было бы непростительно. Кромѣ того, при установленіи твердыхъ цѣнъ на хлѣбъ, какъ ни какъ, стоимость рабочихъ рукъ принималась во вниманіе.

Н. Гумилевскій.

„Естественная проповѣдь“.

Кто знаетъ исторію новѣйшей проповѣди въ изложеніи покойнаго проф. В. Ѳ. Пѣвяцкаго, тому не надо доказывать, что проповѣдническая теорія у насъ въ Россіи знала и знаетъ вліянія нѣмецкой теоріи. Напр., безъ Шлейермахера ученые гомилеты не обходились.

Мы не хотимъ въ этомъ заимствованіи видѣть только отрицательную сторону. Кто бывалъ въ Германіи и слушалъ ея лучшихъ проповѣдниковъ, кому приходилось читать печатныя проповѣди нѣмецкихъ пасторовъ, тотъ согласится, что искусства тамъ много.

Независимо отъ условій военнаго времени, исключительно,—въ цѣляхъ познавательныхъ, мы обращаемъ вниманіе читателей на особый видъ новой церковной проповѣди,—на т. н. „естественныя проповѣди“ (Naturandachten). Характерной особенностью этого рода проповѣдей является то, что въ нихъ поучающая тенденція совершенно отступаетъ передъ глубоко прочувствованнымъ и ярко выраженнымъ настроеніемъ.

Другой чертой „естественной проповѣди“ надо признать ея несвязанность съ опредѣленнымъ текстомъ Слова Божія. Весьма известна давняя манера проповѣдниковъ разрывать въ проповѣди отдѣльныя положенія взятаго имъ текста. Эта манера, — теоретически, — обнаруживаетъ желаніе поставить проповѣдь въ тѣсную связь со Словомъ Божиимъ, сдѣлавъ ее проповѣдью именно Слова Божія. Такъ же надо смотрѣть на обычную манеру проповѣдниковъ приводить тексты для сообщенія имъ авторитета того же Слова Божія.

Но путь, кажется, ни одной идеѣ, которая не стояла бы въ противорѣчій съ жизнью, — точнѣе, — которой жизнь не поставила бы фактическихъ препятствій. Такъ бываетъ съ текстами Слова Божія.

Кому не известно, что практически построение проповѣди на основѣ текста, или ссылка на Слово Божіе, является очень удобнымъ средствомъ отказать отъ собственнаго идейнаго усилія, скрыть недостатки своего христіанскаго домысла?!

Между тѣмъ, важнымъ элементомъ проповѣди является ея жизненность. Кто проповѣдуетъ въ собственномъ смыслѣ, тотъ имѣетъ связь съ опредѣленнымъ явленіемъ окружающаго быта, искренно переживаетъ это явленіе въ христіанскомъ направленіи. Слово Божіе можетъ стоять на второмъ планѣ, хотя духъ его будетъ вѣять въ настроеніяхъ проповѣдника. Тогда можетъ получиться проповѣдь безъ текстовъ, сильная по настроенію, ярко выдвигающая какую-нибудь христіанскую идею, обращающаяся непосредственно въ сердце... Жизненная тема, раскрытая съ вдохновеніемъ, не можетъ не захватить человѣческаго сердца.

„Естественная проповѣдь“, по условіямъ своего происхожденія, не стѣняется традиціонными формами изложенія. Напр., она можетъ принять форму молитвы. Въ силу той же причины, „естественная проповѣдь“ отличается большою легкостью изложенія и простотою.

Приведемъ для примѣра образецъ „естественной проповѣди“, принадлежащій пастору Ф. Науману (1896 г.).

„О, Господа Иисусе! Какъ мало Тебя знаютъ люди! Они думаютъ, что Ты былъ въ родѣ проповѣдника, который говорилъ: „тише, тише, не кричите и предоставьте міру идти своимъ путемъ!“ Если бы люди читали Евангеліе, то они нашли бы тамъ, что Ты имѣлъ въ рукахъ бичъ и провозвѣщалъ горе. Мы владѣемъ Твоими словами, но не имѣемъ Твоего мужества, рѣшительной откровенности, божественнаго безкорыстія. Что сказали Ты тѣмъ, кто забралъ домъ вдовы. Когда я вспомню, какъ Ты говоришь предъ богатыми, то я думаю, имѣемъ—ли мы, боязливые люди, право называть себя Твоимъ именемъ? У Тебя огонь, сила, а у насъ—усталость, измученность. О, Господа, сидѣвшій съ мытарями, любившій бѣдныхъ, странствовавшій съ рыбаками, помогавшій слѣпымъ, больнымъ, не гордый предъ дѣтьми и вдовами,—дай намъ поучиться у Тебя! Мы сядемъ у ногъ Твоихъ и будемъ ощущать, что такое истинное христіанство. О, приди, Господи Иисусе!“

Г. Н.

Матеріальное обезпеченіе духовенства.

Какъ извѣстно, при св. Синодѣ была образована междуведомственная комиссія для обследованія и рѣшенія вопроса объ обезпеченіи духовенства казеннымъ жалованіемъ. 4 февраля с. г. комиссія эта закончила свои занятія, прійдя къ слѣдующимъ выводамъ¹⁾:

1) признать необходимымъ нынѣ же съ 1 января 1917 г. отпустить 125 милл. изъ средствъ Государственнаго казначейства въ воспособленіе приходскому и сельскому духовенству. Нормою годового оклада сего воспособленія изъ средствъ

¹⁾ „Колоколь“ 1917 г. № 3207.

казны признать 1800 руб. протоіереевъ и священникамъ, 1200 р. діакоу и 800 руб. причетнику. 3) Доходы, получаемые причтами отъ вѣчныхъ вкладовъ въ пользу причта, не вычитать изъ означеннаго въ ст. 2 нормальнаго оклада казеннаго воспособленія, какъ равно не вычитать и дохода съ земли, оброчныхъ арендныхъ статей и отъ законоучительства. 4) Отмѣнить взиманіе духовенствомъ платы съ прихожанъ за совершеніе обязательныхъ требъ и за выдачу метрическихъ выписей, а также всякія сборы натурой, — при условіи отпуска изъ казенныхъ средствъ 126 милл. руб. въ воспособленіе духовенству. Обязательными требоми считать: крещеніе, исповѣдь, напутствіе больныхъ, браки, погребеніе, а также выдачу метрическихъ выписей. 5) Мѣра объ отмѣнѣ платы за требосправленіе и причтовыхъ сборовъ можетъ быть приведена въ дѣйствіе при непремѣнномъ условіи ежегоднаго ассигнованія въ полной суммѣ 126 милл. приходскому духовенству, начиная съ 1 января 1917 года. Къ этому рѣшенію своему комиссія пришла послѣ всесторонняго обсуждения затажного и сложнаго вопроса объ улучшеніи матеріальнаго быта духовенства, имѣющаго полувѣковую давность. Оживленныя пренія привели всю комиссію, не исключая и представителей вѣдомствъ мин. финансовъ и государственнаго контроля, къ единодушному убѣжденію, что далѣе оставлять духовенство въ нынѣшнемъ крайне удрученномъ матеріальномъ положеніи нельзя, что ему безотлагательно необходимо воспособленіе изъ средствъ казны. Представители мин. финансовъ и контроля, признавъ необходимость пособія, расходятся съ большинствомъ членовъ комиссії лишь въ вопросъ объ общей суммѣ ассигнованія изъ государ. казначейства. Защищая интересы министерства финансовъ, безусловно стѣсненнаго по условіямъ военнаго времени въ средствахъ, находили несвоевременнымъ, съ финансовой точки зрѣнія, отказываться нынѣ же отъ дохода, освященнаго вѣками, т. е. отъ платы за требосправленія. Соглашаясь на ту сумму восспособленія, которая будетъ составлять

дополнение къ нынѣшнимъ доходамъ духовенства, представители вѣдомства высказались за необходимость зачета въ сумму восполнения исчисленныхъ самимъ духовнымъ вѣдомствомъ доходовъ духовенства отъ требосправлений 25 милл., а также доходовъ съ капиталовъ—2 милл., арендныхъ статей, идущихъ въ пользу духовенства въ общемъ дополнительно къ нынѣшнимъ получаемыхъ 19 милл. отъ казны, представитель мин. Фин. высказался за готовность вѣдомства ассигновать всего до 33 милл. съ тѣмъ, чтобы отпускъ производился съ 1 января 1918 г. постепенно, въ размѣрѣ 11 милл. ежегодно.

Какова будетъ дальнѣйшая судьба этихъ постановленій комиссiи, скоро ли они будутъ проведены въ жизнь, покажетъ будущее. Рѣшенiя комиссiи должны еще пройти цѣлый рядъ правительственныхъ и законодательныхъ инстанцій, пока они получатъ силу закона. Быть можетъ, еще долго придется духовенству ждать осуществленiя своихъ надеждъ, но во всякомъ случаѣ нашимъ труженикамъ на нивѣ Христовой прiятно будетъ даже хотя бы и то, что по вопросу объ ихъ материальномъ положенiи не только говорятъ и думаютъ, но и кое что дѣлаютъ, что долго стоявшiй безъ движенiя возъ, наконецъ, сдвинуть съ мѣста.

Въ числѣ членовъ комиссiи обратилъ на себя вниманiе горячiй защитникъ интересовъ духовенства, сельскiй iерей Полтавской губернiи о. Анатолий Троцина. Его доводы и разсужденiя неопровержимы, сильны своею жизненною правдою и глубокимъ пониманiемъ создавшагося положенiя. По вопросу объ отнѣнiи взиманiя платы за обязательныя требы о. Троцина далъ краткое, но рѣшительное заключенiе: „отъ имени всего духовенства заявляю, что необходимо отнѣнить плату за обязательныя требы“. Эта „купля—продажа“ въ св. дѣлѣ недостойна ни высоты совершаемыхъ духовенствомъ таинодѣйствiй, ни авторитета духовнаго пастыря, требосовѣтника, —этотъ способъ обезличенiя духовенства—видовые кандалы на плечахъ духовенства, а въ то же

время это — „проволочное заграждение“, раздѣляющее отъ насъ нашу паству, нашихъ духовныхъ дѣтей. Надо скорѣй убраться это заграждение, пока еще не поздно“

Особенно подробно и ярко о. Трощина перечислялъ то множество великихъ услугъ чисто государственнаго характера, которыя доселѣ наше духовенство безмездно оказывало всѣмъ министерствамъ и вѣдомствамъ. „Министерству путей сообщенія, пишетъ онъ, мы представляемъ семейные списки служащихъ, а ихъ много: семьи бываютъ въ 5—10 человѣкъ; нужно установить каждаго днп рожденія, вступленія въ бракъ, а иногда и день смерти; за это отъ министерства путей мы ничего не имѣемъ. Министерству внутреннихъ дѣлъ представляемъ статистическія данныя о родившихся, бракосочетавшихся, умершихъ отъ 1 года до 85, — это необходимо министерству для Высочайшаго отчета; приводимъ къ присягѣ всѣхъ сельскихъ должностныхъ лицъ, обнародываемъ распоряженія правительства и создаемъ необходимое настроеніе среди прихожанъ, и за трудъ этотъ духовенство отъ министерства ничего не имѣетъ, — даже ограничено сравнительно во многихъ правахъ. Военному и морскому министерствамъ мы даемъ призывные списки, списки подростковъ, когда требуется какая либо льгота по отбыванію воинской повинности; надутствуемъ призываемыхъ, вливаемъ въ нихъ бодрость духа своими проповѣдями, состоимъ членами вселенныхъ попечительствъ, приходскихъ совѣтовъ, оказываемъ посильную помощь нуждающимся семьямъ, содержимъ сельскіе лазареты наполовину за свой счетъ и мн. др. Министерству земледѣлія мы содѣйствуемъ въ развитіи опытныхъ и показательныхъ полей, сами имѣемъ эти поля. Министерству промышленности и торговли мы устраиваемъ потребительскія лавки; въ моемъ селѣ никогда бы ея не было, если бы я не принялъ на себя инициативы и руководства. Министру юстиціи мы даемъ безконечное множество метрическихъ справокъ: мировымъ судьямъ, сѣздамъ, окружнымъ судамъ, судебнымъ слѣдователямъ, мы выѣзжаемъ на вскры-

тие давнихъ могилъ, когда это требуется судебнымъ процесомъ, приводимъ къ присягѣ. Даже новому министерству народнаго здравія мы поставлены въ необходимость давать статистическія данныя о родившихся и умершихъ; въ этомъ дѣлѣ еще требуется отъ насъ и діагнозъ, отъ какой болѣзни и кто умеръ. Читаемъ брошюры о холерѣ и эпидеміяхъ, предупреждаемъ всякія инфекціонныя заболѣванія. А сами поставлены въ необходимость, по обязанностямъ службы и недостатку средствъ, пренебрегать всякими предосторожностями въ этомъ направленіи: у меня въ гостиной въ эту зиму все время 5 град. тепла, а въ столовой 4 град. Министерству народнаго просвѣщенія мы даемъ метрическія справки объ учащихся, занимаемыхъ за нищенскую плату въ школахъ; чрезъ церковныя школы содѣйствуемъ народному образованію. Министерство финансовъ всюду публикуетъ десятки тысячъ разныхъ мелкихъ кредитныхъ товариществъ, ссудо-сберегательныхъ кассъ и проч., а нигдѣ не говорится, что добрая ихъ половина открыта при участіи причтовъ, а этотъ фактъ я утверждаю смѣло. Все выходитъ, какъ будто дѣлается по мановенію руки министра финансовъ, а объ услугахъ духовенства вовсе не упоминается. Въ моемъ сель кредитн. товарищество возникло исключительно по моей инициативѣ. Что же духовенство имѣетъ за свой сверхдолжный трудъ отъ названныхъ министерствъ? Я утверждаю, что ничего. А за всякую невѣрную метрическую справку насъ караетъ уставъ консисторіи и уложенію о наказаніяхъ очень сильно. Работа наша требуетъ особой тщательности, мы не можемъ только подписывать бумаги, мы должны ихъ точно провѣрить. Сверхъ всей изложенной работы мы еще производимъ безчисленное множество церковныхъ сборовъ по всякимъ благотворительнымъ листамъ. Кромѣ затраты энергій, времени и труда, мы еще несемъ свои личныя средства на канцелярію: вотъ тѣ 2 коп. ежедневной субсидіи изъ суммы въ 96 руб., которая мнѣ пришлось получить на мою долю изъ 10 милліоновъ субсидіи 1916 года, отпущенныхъ для

духовенства, я трачу ихъ ежедневно на перо, сверхъ сего, я еще имѣю за свой счетъ разсылнаго, чтобы онъ отвозилъ на почту пакеты разнымъ вѣдомствамъ. Правда, почта у меня близко, а другимъ приходится посылать чужіе пакеты версть за 10—15. Было время, когда нужно было отказываться отъ монопольнаго милліарда, государственное казначейство вышло съ честью изъ сего затруднительнаго положенія; 125 милліоновъ, намѣченныхъ для духовенства, это не такая же сумма, которая могла бы повліять на равновѣсіе государственныхъ средствъ. Я кончаю такъ: за удовлетвореніе религіозныхъ нуждъ моихъ прихожанъ позвольте мнѣ получить съ ихъ совершенно добровольную плату, за служеніе Церкви и идеѣ христіанства позвольте получить плату въ будущей загробной жизни, а за служеніе всѣмъ министерствамъ, будьте справедливы—позвольте получить плату въ этой жизни, ничего не вычитывая изъ намѣченной суммы“.

Вопросъ объ обезпеченіи духовенства опредѣленнымъ содержаніемъ отъ казны или общества—вопросъ наболѣвшій, не новый. Его рѣшеніе въ положительномъ смыслѣ подсказывается намъ самою жизнью. Чиновникъ, мастеровой, приказчикъ, рабочій и др.—всѣ получаютъ за свой трудъ приличествующее имъ вознагражденіе; ихъ трудъ расцѣпляется по часамъ и по минутамъ. Почему то лишь объ нашемъ духовенствѣ думаютъ, что оно обязано во всякое время быть готовымъ къ точному исполненію самыхъ разнообразныхъ (помимо своихъ прямыхъ) возлагаемыхъ на него обязанностей и за всѣ свои труды получать въ лучшемъ случаѣ жалкіе гроши; у насъ создалось странное представленіе, что духовенство не имѣетъ права требовать себѣ вознагражденія и должно ждать лишь добровольныхъ подачекъ. Пора положить конецъ этой ненормальности нашего быта и создать такое положеніе, которое удовлетворило бы и духовенство и народъ. Безъ священника нельзя обойтись

народу; служеніе священническое отнимаетъ у посвятившаго себя ему все время; на постороннія занятія и добываніе себя хлѣба не остается времени, нѣтъ возможности, а жить на что-нибудь нужно. Въ то же время ясно сознается всѣми, что оплата всякій разъ каждой совершенной требы—явленіе непормальное, тягостное, оставляющее непріятный слѣдъ въ душѣ и священника и у мірянина. Слѣдовательно, эта оплата должна совершаться иначе, и лучшимъ выходомъ изъ создавшагося положенія при существующихъ условіяхъ и отношеніяхъ между Церковію и государствомъ есть вознагражденіе духовенства за обязательныя требы и разныя услуги государству въ видѣ опредѣленнаго жалованія изъ казны.

„Если перевести оплату деньгами, пишетъ одинъ современныхъ намъ Церковныхъ дѣятелей, безмездныхъ нынѣ трудовъ духовенства по веденію актовъ гражданскаго состоянія (метрикація) 100-милліоннаго православнаго населенія и другія услуги гражданскимъ вѣдомствамъ, то за одно это намѣченная сумма воспособленія 126 милл. окажется только справедливымъ воздаяніемъ за эти гражданскіе труды и услуги духовенства. Если же принять во вниманіе отѣну взиманія платы за обязательныя требы, то сумма воспособленія, намѣченная коммиссіей, окажется ни мало не преувеличенной. Нельзя упускать изъ виду того, что обязательныя требы имѣютъ не только церковный сакраментальный характеръ и освящающее вѣрнаго сына Церкви значеніе, но и одновременно онѣ являются—актами правового, гражданского положенія члена государства. Эти церковныя требы потому и называются „обязательными“, что совершенія ихъ требуютъ какъ церковныя установленія, такъ и гражданскіе законы, опредѣляющіе правовое состояніе лица; таковы, напр., крещеніе, погребеніе, а также и браки. Съ точки зрѣнія гражданской значимости церковныхъ обязательныхъ требъ, духовенство наше является дѣятелями государства, которому работали доселѣ за счетъ оплаты ихъ труда поручными дая-

ніями народа. Теперь ясно всѣми сознается, что эта „натуральная церковная повинность“ народа — пережитокъ старины глубокой, вредный анахронизмъ, унижающій авторитетъ духовенства, заключающій въ себѣ главный тормозъ на пути добрыхъ взаимоотношеній пастыря и паствы, — источникъ всякихъ недоразумѣній и осложненій между духовенствомъ и народомъ, удобная почва для произрастанія плевелъ всякихъ сектъ на приходскомъ полѣ и пр. Объ этомъ миссіонерскія коллегіи давно заявляли, но гласъ доселѣ оставался вопіющимъ въ пустынь... А между тѣмъ даже духовенство церковей славянскихъ малыхъ бѣдныхъ государствъ давно обезпечено довольнымъ содержаніемъ изъ казенныхъ средствъ. Въ сектантскихъ общинахъ наставники и пресвитеры получаютъ не поручное даяніе за свои службы, а опредѣленное жалованье отъ своихъ общинъ и миссій, въ томъ числѣ получались средства и отъ германскихъ разныхъ „трактатныхъ“ миссіонерскихъ обществъ. Въ Финляндіи не только протестантское, но и православное духовенство обезпечено опредѣленнымъ церковнымъ приходскимъ налогомъ. И только одно русское православное духовенство дожило до XX в., оставаясь въ столь же унижительномъ положеніи протягивающаго руку за подаваніемъ народа, прося оплаты за свой церковный и государственный трудъ“.

Въ заключеніе выскажемъ искреннее пожеланіе, чтобы завѣтная мечта духовенства о своемъ матеріальномъ обезпеченіи поскорѣе осуществилась въ самомъ благопріятномъ и желательномъ для него направленіи. Это сниметъ съ плечъ нашего пастыря бремя заботъ о прокормленіи своей семьи; это избавитъ его отъ постоянныхъ невеселыхъ думъ, — подчасъ вносящихъ разладъ въ его душу, но неизбежныхъ и доселѣ заставлявшихъ его не разъ проливать напрасныя слезы; это дастъ ему возможность посвятить свои мысли и заботы всецѣло тому высокому и святому дѣлу, въ которому призвалъ его Христосъ.

Владиміръ С.

Въ сумракѣ.

Куда бы вы ни пошли, въ какое общество ни заглянули бы, всюду вы услышите желчныя сѣтованія на неупорядочность, разруху російской дѣйствительности. Озлобленіе и негодованіе—вотъ тѣ состоянія, которыми пропитана наша жизнь. Точно отлетѣлъ отъ насъ обычный нашъ геній добродушія, благожелательства и того бодрящаго тепла, которое всегда отличало русское общество.

Не видать теперь „святой Руси“; выпарился русскій идеализмъ; на смѣну ему пришелъ злой, безпощадный кулакъ; мародеръ и отнимаетъ у васъ всякую вѣру въ возможность воскресенія родной страны, родного всегда безконечно добраго народа. Сумракъ, небывалый сумракъ окуталь русскую жизнь и, кажется, не взойдетъ уже солнце надъ нашей страной.

Такъ мыслишь въ отчаяніи. А если прибавить къ этому нашу русскую способность быстро впадать въ пессимизмъ, меланхолію, то вполне понятнымъ становится, почему кажется, что точно почва ускользаетъ изъ—подъ вашихъ ногъ.

Для подобнаго пессимизма суровая наша дѣйствительность даетъ слишкомъ много основаній. Между тѣмъ въ этой же дѣйствительности есть основанія и къ иного рода мыслямъ. Если внимательно всмотрѣться въ то, откуда идутъ на насъ страшныя напасти, то мы не можемъ не видѣть, что русскій человѣкъ не такъ ужъ повиненъ въ томъ, въ чемъ его обвиняють. Оказывается, русской жизнью во многихъ отношеніяхъ заправляетъ не русскій человѣкъ, а напр. евреи Добрые, Генцеры, Бабушкины, Рубинштейны. Пользуясь своими колоссальными капиталами, они вертятъ русской жизнью, смѣются надъ русской простотой, *отягивая ее въ свои комбинаціи*, перерабатывая ее въ томъ духѣ, въ которомъ гложутъ послѣдніе остатки русскаго идеализма. Такъ какъ у русскихъ, благодаря ихъ безвѣрному благодушію и несомнѣнной склонно-

сти въ лѣни, почти нѣтъ собственнаго капитала, а имѣющійся долженъ тянуться въ хвостъ того капитала, которымъ владѣеть всеяльное еврейство, то русская жизнь волей-неволей должна складываться не такъ, какъ хочетъ этого самъ русскій народъ, а такъ, какъ онъ не хочетъ; русская жизнь складывается такъ, какъ желаетъ этого Добрый, Геннеръ, Рубинштейнъ и тотъ милліонъ Ньюйорскіхъ евреевъ, которые ждуть-не дождутся ворваться въ русскія равнины и завладѣть безповоротно первой обѣтованной землей.

Въ тоже время и нашъ „братъ“ съ западной стороны, заматерѣлый въ іезуитскихъ тонкостяхъ, втирается въ нашу жизнь, разлагаетъ наши національныя ткани и, думая только объ „отбудованіи отчизны“, замазываетъ наши глаза „всеславянскою“ пленкой, изъ-за которой не видно, гдѣ кончаются подлинныя наши національныя интересы и гдѣ начинается наша національная опасность.

Когда-то извѣстный русскій національный талантъ Константинъ Леонтьевъ писалъ: „На Руси ничего русскаго не растетъ; растетъ одна Германія и кой кто изъ инородцевъ“. Мы расширили бы эти слова и углубили бы ихъ ярко обнаружившимся содержаниемъ: у насъ на Руси растетъ не только Германія, но и еврейство и польщизна. Съ мягкими, культурными ужимками эти два явленія русской жизни заползли и заползаютъ въ наше святое—святыхъ и используютъ его такъ, какъ хотятъ.

Вотъ почему, при наблюденіи того страшнаго сумрака, который сгустился надъ русской жизнью, у насъ теплится несомнѣнная надежда, что, по мѣрѣ того, какъ мы будемъ національно крѣпнуть, мы постепенно будемъ прогонять съ своего горизонта этотъ напосный сумракъ. Могучій народъ, не обдѣленный Господомъ Богомъ талантами, постепенно выпрямится, поднимется въ свой ростъ и въ состояніи будетъ идти не только туда, „аможе онъ не хочетъ“, но и туда, куда поведетъ его собственный, самобытный геній.

Если даже теперь, когда на насъ со всѣхъ сторонъ „силы вражія понахлынули“, послѣднія оказались не въ состояніи снять съ насъ голову, то въ будущемъ еще менѣе для этихъ силъ станетъ возможности завладѣть нами и окончательно погубить насъ. Наша исторія—не исторія народа, у котораго не было свѣтлыхъ страницъ, который бесплодно жилъ, не скопивъ никакого духовнаго капитала; наоборотъ, у насъ въ въ прошломъ заложены такія основанія, которыя не дадутъ намъ погибнуть. Больше того: какъ мечталъ нашъ великій Достоевскій, мы не только не погибнемъ, но и скажемъ «міру новое слово». Россія-страна невѣроятныхъ возможностей. Это теперь говорятъ всѣ. И это правда. Вчера, въ періодъ лихолѣтья, русскіе люди „измалодушествовались“, а сегодня эти люди, разорвавъ цѣпи еврейскаго кагала, польской sprawy или нѣмецкаго спрута, вѣрные завѣтамъ своего національнаго духа и своей національной исторіи, бодро и смѣло пойдутъ своей дорогой. У русскаго народа есть неискоренимыя великія дерзанія.

Будемъ же бодры, не будемъ малодушны, русскіе люди. Тяжелъ этотъ сумракъ нашей жизни. Но наши страданія, но издѣвательства надъ нами всѣхъ «благожелательныхъ» чужезядныхъ элементовъ расчитили путь для нашего теплаго, ласковаго солнца. Мы выстрадали свое мѣсто подъ этимъ солнцемъ и сгинуть мы не можемъ. Высокая своей одухотворенностью культура ждетъ насъ.

Д. Скринченко.

„Кому на Руси жить хорошо“.

Неудивительно, когда изголодавшійся и измотавшійся въ погонѣ за кускомъ хлѣба жалкій мужиченко завидуетъ „сытой“, по его мнѣнію, и «провольной» жизни духовенства, но странно и совершенно непонятно, когда подобную мысль высказываютъ люди, повидимому, образован-

ные и хорошо обеспеченные. Такихъ именно взглядовъ на привольную жизнь духовенства держится модный въ наст. время, руководимый М. Горькимъ, журналъ „Лѣтопись“.

Для иллюстраціи этихъ взглядовъ приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ статьи г. Сурожскаго—„По Дону. Путевыя впечатлѣнія“, помѣщенной въ ноябрьской книжкѣ журнала Лѣтопись.

„Всѣ мѣста въ каютѣ были заняты. Ъхало пять рясы и душъ десять станичниковъ. Часъ былъ ранній. Пассажиры только поднимались. Умывшись и помолившись кратко, отцы приступили къ чаепитію. По ихъ приготовленіямъ видно было, что духовнымъ отцамъ не плохо живется въ донскихъ приходахъ. У каждого было и маслице, и сахарокъ, и курочка, и рыбка, и яички. Матушки, собирая въ дорогу, снабдили всѣмъ вдоволь. Отъ свертѣевъ и яствъ на столѣ стало тѣсно. Правую сторону заняло духовенство; на лѣвомъ концѣ, потѣснясь, пріютились міряне. Ваня, молодой человѣкъ съ бритомъ лицомъ, въ пиджакѣ, едва успѣвалъ носить кнзятокъ.... Дверь въ это время раскрывается и въ каюту входитъ плотникъ, старикъ лѣтъ подъ 70, съ мудрявой бородкой и свѣжимъ красивымъ лицомъ. На немъ картузь, пиджакъ, сапоги бутылками. Двигается медленно, въ развалку. За нимъ съ салфеткой подъ мышкой идетъ Ваня.—Ну—ка, Ваня, горяченькаго мѣ.—Сію минуту. Старикъ садится у стола, крикаетъ, снимаетъ картузь, смотритъ на батюшекъ—Прямо, можно сказать, вселенскій соборъ, дѣлаетъ замѣчаніе вслухъ старикъ, разглядывая отцовъ, пѣлосе архіерейское служеніе. Батюшки молчатъ. Смотрятъ на старика испытующими глазами. Отъ всей его кряжистой фигуры вѣетъ скрытымъ недоброжелательствомъ къ духовнымъ отцамъ и отцы почувствовали это сразу.—Эхъ, крикаетъ старикъ, молиться у насъ есть кому, а живемъ мы все таки плохо. Должно быть молитвы не доходятъ. Все равно какъ для дѣла бываетъ рука легкая и тяжелая, такъ и уста для молитвы. Станичники съ острымъ любопытствомъ прислушива-

ются.—Зазвонилъ Звоновъ, срывается легкой смѣшкой, и чтобы подзадорить старика, спрашиваютъ:—Почему тяжелыя?—О земномъ слишкомъ много думаютъ. Мы первы строимъ, сажаемъ поповъ, а онъ сѣлъ и сейчасъ же за курочекъ, лошадку, земельку, глядь и молиться некогда за своими дѣлами.—Что же ты хотѣлъ, чтобы духовенство духомъ святымъ жило?—не утерпѣлъ батюшка въ рыжемъ подрысникѣ.—Зачѣмъ непремѣнно духомъ, по какъ сказано въ писаніи: идите и научите всѣ народы въ духѣ и силѣ. А у насъ вмѣсто ученія—лошадки, бычки. Да что тамъ говорить. Старикъ оцрокинулъ порожній ставанъ и сказалъ.—Вотъ я голога чайку понилъ и сытъ, а батюшки, небось курочку кушали. Бѣдствуетъ наше духовенство. Въ мясопустные дни курочекъ кушаетъ. Онъ всталъ и развалистой походкой вышелъ изъ каюты. Кто то изъ батюшекъ заговорилъ. — Обидно все таки. Какъ будто мы не такіе же люди. Вѣдь у насъ тоже и домъ, и семья. А доходы какіе? Едва концы съ концами сводились. И какъ все это достается? Точно милостыня: дали—спасибо, а не дали—и такъ сидишь. Всѣ видятъ коровокъ да лошадокъ, а не видятъ, какъ они достаются, какимъ трудомъ. Въ писаніи сказано: трудящійся да ястъ. А мы развѣ не трудимся? Долго еще плакались и вздыхали духовные отцы. Слова были жалкіе, а лица и фигуры говорили иное. По всему было видно, что батюшкамъ не такъ ужъ плохо живется въ богатыхъ донскихъ станцияхъ. Потомъ наплакавшись, соединились въ квартетъ и записали пульку. Сразу забылись всѣ огорченія и печали.

Ночью произошла безобразная сцена, въ которой козлами отпущенія снова оказались батюшки. Часа въ два ночи, когда уже всѣ спали, ввалился въ каюту Звоновъ и сталъ кричать.—Эй, вы черти, вставайте! Дайте мѣсто раненому. Раненый мерзнетъ на холодѣ, а вы тутъ спите въ теплѣ. А еще настыри, духовные отцы. Старикъ былъ, повидимому, въ большихъ градуссахъ. Онъ тащилъ за собой молоденькаго казачка, почти мальчика, съ обмотанной бѣлой тряпичцей ногой. Казачекъ упирался и бормоталъ растерянно:—Да не надыгъ, дѣдушка, ей—Богу, не надытъ, я думаю сюда можно, а тутъ второй классъ. Лице у него было жалкое и испуганное. Вся каюта проснулася. Сперва никто ничего не понималъ. Смотрѣли на безпокойнаго старика ошалѣлыми глазами, не находя въ свою защиту никакихъ словъ. Потомъ кто то всмотрѣлся въ казачка и сказалъ:—Да какой тамъ онъ раненый, онъ и на войнѣ не былъ, просто изъ больницы ѣдетъ. По Звоновъ не унимался. Стоялъ возлѣ

дверей, грузный, рѣшительный и отчитываль въ второй классъ.— Спать черти въ теплѣ, на позицію бы васъ. А еще пастыри! Раненому мѣста не дадутъ. Ищи правды. Брюхо отростили и знать ничего не хотятъ“.

Какъ видимъ, дорожныя впечатлѣнія г. Сурожскаго весьма любопытны, а главное—характерны. Пьяный иска- тель правды, хулиганъ и безобразникъ Звоновъ, не случай- ный и не единичный типъ. Господъ Звоновыхъ (вѣрнѣе вусто- звонныхъ) много, и они встрѣчаются не только въ каютахъ, но и въ редакціяхъ, гостиницахъ, казенныхъ присутствіяхъ, въ учительскихъ и т. п. Разница между ними только та, что одни изъ нихъ высказываютъ свои взгляды безъ вся- кихъ церемоній, а другіе въ видѣ анекдота газетной или журнальной статьи. Во всякомъ случаѣ, всѣ эти выходы и мелочныхъ, злобнозавистливыхъ господъ Звоновыхъ возможны только потому, что эти господа увѣрены въ полной безответ- ности нашего забитаго, униженнаго, молчаливаго духовенства. Другихъ господа Звоновы не затронуть, они знаютъ, что получать должный отпоръ.

№.

Библиографическая замѣтка.

*Православный Календарь на 1917 годъ изданія 3 к.
цѣна 30 коп.*

Календарь Издательскаго Совѣта при Св. Синодѣ вышелъ, не смотря на матеріальныя затрудненія времени, и въ настоя- щемъ году. Повидимому, спросъ на него имѣется, такъ что прошлогодніе разговоры о неудачномъ календарѣ издательскаго Совѣта были напрасными.

Мѣсяцесловъ Календаря стоитъ на уровнѣ Крестнаго Календаря и снабженъ, кромѣ того, богослужебными и назидательными замѣтками, у митр. Московскаго Филарета (по случаю ожидаемаго исполненія пятидесятилѣтія со дня кончины его, 19 ноября 1917 г.)

Въ Алфавитномъ перечнѣ чудотворныхъ иконъ Божіей Матери указаны не всѣ иконы,—иѣтъ, напр., Аксайской иконы.

¹⁾ Мѣсяцесловъ Календаря на 1917 годъ тщательно просмотрѣнъ и подвергнутъ исправленіямъ высокопреосвященнымъ Митрофаномъ, архіепископомъ Донскимъ.

Въ отдѣлѣ назидательнаго чтенія на первомъ мѣстѣ стоитъ статья о святителѣ Іоаннѣ (Максимовичѣ), митрополитѣ Тобольскомъ.

Дальше слѣдуютъ юбилейныя воспоминанія о Филаретѣ, митрополитѣ Московскомъ, о преосвященномъ Игнатіи Брянчаниновѣ.

Дальше идутъ статьи, посвященныя новому народному злу—(азартныя игры), и цѣлый рядъ некрологовъ.

Желательно сокращеніе отдѣльныхъ некрологовъ и увеличеніе количества лицъ, православную дѣятельность которыхъ слѣдовало бы отмѣтить. Нужны не только некрологи, но и юбилейныя замѣтки.

Хотѣлось бы видѣть въ Календарѣ выраженія вниманія не только къ Владыкамъ и городскимъ священникамъ, но также къ сельскому и вообще низшему духовенству.

Наконецъ, не мѣшаетъ озаботиться болѣе раннимъ выходомъ Календаря, а также—болѣе широкимъ распространеніемъ его въ продажѣ: въ Кіевѣ, напр., Календарь достать трудно.

II.



Редакторъ Протоіерей Платонъ Петровъ
печатать дозволяется. Кіевъ 14 Марта 1917 года.

Цензоръ Протоіерей Николай Гроссу

Кіевъ Тип. Акад. Общ. печат. изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго Меринговская, 6.

ГОДЪ

LVII.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ШЕСТЬ руб., съ пересылкою СЕМЬ
рублей.

№ 7

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1917 года 1-го апрѣля.

Содержаніе: I. Радость свѣтлаго Христова Воскресенія. С. П.—II. Таинство св. Причащенія. М. Дороновичъ.—III. Пастыри и паства.—IV. Кредитъ въ деревнѣ. С.—V. Отрадное явленіе. Свящ. № —VI. Изъ Епарх. Вѣдомостей. Н. Г.—VII. Что такое Церковь. Н. М.—чт. —VIII. Исканіе Лица Христова. Г. П.—IX. На современныя темы. Н. Г.

Радость Свѣтлаго Христова Воскресенія.

Христось Воскресе!

Воскресе!—какое всеобъемлющее по содержанію и значенію своему слово! По словамъ пѣсни церковной, нивѣ и небо и земля и преисподняя—весь міръ, видимый же и невидимый, наполнился свѣтомъ отъ блистанія славы Воскресшаго.

Какое блаженство, слушатели! И мы, по дару призванія благодати Божіей, не отчуждены отъ влущенія радости воскресенія Христова, но со всею церковію Его днесъ свѣтло торжествуемъ, пасху хваляще вѣчную.

Однако слово наше бессильно изобразить значеніе праздника достойно его величія: сердце больше чувствуетъ, чѣмъ могутъ сказать уста. Чистое и вѣрующее сердце нынѣ не столько поучается, сколько торжествуетъ, да и всѣ церковныя пѣсни въ Богослуженіи пасхальномъ располагаютъ насъ къ тому же,—то радостно-хвалебныя пѣсни, какъ бы—отзвукъ хвалы ангельской въ честь Побѣды ада и смерти.

Но да не лишитъ насъ такого высокаго настроенія попытка нашей мысли отвѣтить на вопросъ: что было бы съ нами, если бы этотъ всерадостный день не озарилъ славою трехдневный гробъ Господень?

Этотъ вопросъ, съ цѣлю уясненія величія для воскресенія Христова, занималъ нѣкогда мысль великаго апостола Воскресшаго—Св. Павла, и въ его сознаніи онъ разрѣшился отвѣтомъ самаго грустнаго свойства: если бы Христосъ не воскресъ, то суетна была бы вѣра наша, сказала апостоль. Да, тогда не было бы и луча спасенія для грѣшныхъ людей, Евангеліе было бы началомъ безъ конца, тьма грѣха и смерти царила бы надъ всѣмъ существомъ нашимъ.

Благоговѣйною мыслию, хотя отчасти, войдемъ и мы въ познаніе того свѣта духовнаго, который блистаетъ нынѣ отъ свѣтоноснаго гроба Голгооскаго—сего немолчнаго свидѣтеля смерти и воскресенія Бога Спасителя нашего.

Сущность дня Св. Пасхи состоитъ не въ томъ лишь, чтобы напомнить намъ о событіи воскресенія Христова; день этотъ есть торжество и основаніе всей нашей вѣры, надежды и жизни религіозной: онъ праздникъ всѣхъ праздниковъ и торжество всѣхъ христіанскихъ торжествъ. Раскроемъ эту истину.

Христосъ отъ самаго начала Своего общественнаго служенія воспитывалъ въ людяхъ вѣру въ Свое Божественное достоинство. Такъ Онъ училъ о Своемъ воплощеніи, что, пребывая вѣчно на небѣ, Онъ сошелъ съ неба, чтобы открыть безконечную любовь Бога Отца къ человѣку чрезъ

Себя—Единороднаго и Единосуцаго Сына Его, а сія любовь, по ученію Его, состоитъ въ открытіи на землѣ *новаго лѣта Господня пріятнаго*—или царствія Божія съ его дарами: прощеніемъ грѣховъ, правдою и радостію и блаженствомъ вѣчной жизни. Истину Своихъ словъ Онъ свидѣтельствовала въ проявленіемъ существенно—Божескихъ свойствъ, каковы: всевѣдніе, всемогущество, безгрѣшная святость и благодать. При этомъ, вѣру въ себя, какъ Богочеловѣка, Онъ ублажалъ, невѣріе осуждалъ, за маловѣріе упрекалъ; а нравственное ученіе Свое Онъ предлагалъ, какъ обязательное настолько, что въ день всеобщаго суда предопрѣдѣлилъ судить живыхъ и мертвыхъ по книгѣ Своихъ словесъ.

О такомъ достоинствѣ Своего лица Христосъ Спаситель говорилъ не прикровенно или образно или тайно, но говорилъ всенародно и положительно, такъ что никто изъ слушателей Его не могъ оставаться въ какомъ—либо раздумьѣ о смыслѣ Его свидѣтельства о Себѣ, такъ что ясно понимали смыслъ Его словъ самые враги Его. Что же касается апостоловъ, то они, будучи вѣрны Ему, не могли не преклониться предъ Его Божескимъ величіемъ, ибо видѣли во всемъ характеръ Его лица, ученія и жизни убѣдительное подтвержденіе составленнаго о Немъ понятія. Кромѣ того, приближеннѣйшіе къ Нему слышали явственно голосъ свыше, свидѣтельствовавшей: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, Того послушайте*. Такъ все убѣждало увѣровавшихъ въ Него, что они находятся въ присутствіи тихаго свѣта святыхъ славы безсмертнаго Отца Небеснаго.

Но вотъ нѣсколько часовъ неожиданно скорбныхъ, и вѣра апостоловъ, дотолѣ ясная, померкла; въ сознаніи ихъ совершается такой переворотъ, который дѣлаетъ ихъ достойными великаго сожалѣнія. Вотъ апостоль Петръ, который, за два—за три часа прець тѣмъ, почиталъ себя недостойнымъ принять услугу поучительнаго смиренія отъ своего Господа на тайной вечери, теперь, увидѣвъ Его связаннымъ и осужденнымъ, трижды отрекается отъ Него, клятвенно

за вѣрѣя, что не зналъ Его. Да,—онъ зналъ Иисуса, но все-
сильнаго, препрославленнаго, Которому Моисей и Илія слу-
жебнo предстояли на Оаворѣ, Который мертвецовъ не разъ-
 снова призывалъ къ жизни,—по слову Котораго, три дня на-
 задъ смоковница бесплодная въ одно мгновеніе изсохла, но
 когда либо безсильнаго Иисуса онъ дѣйствительно не видѣлъ.
 Послѣдовавшее затѣмъ осужденіе Христа на смерть, распя-
 тіе, смерть и погребеніе окончательно повергли учениковъ
 въ малодушное уныніе. Въ это время предсказаніе Спаси-
 теля о Себѣ—„когда Я буду вознесенъ на крестъ, всѣхъ
 привлеку къ Себѣ“, казалось, было далеко отъ исполненія.
 Крестъ Его привлечь къ себѣ толпу—но толпу ругателей, а
 ученики, кромѣ Іоанна, оставили Его. Оставили потому, что
 надежду свою на Него почитали не сбывшеюся: „а мы на-
 дѣялись было, что Онъ хотѣлъ избавить Израиля“, съ грустью
 разочарованія говорили они тогда.

Остановимся мыслію, слушатели, на этомъ моментѣ мрака
 и скорби. Тайна искупленія рода человѣческаго смертію Бо-
 гочеловѣка затмила своимъ величіемъ умственный взоръ апо-
 столoвъ, а безъ ихъ просвѣтленія тѣмъ паче мы и никто не
 были бы въ состояніи познать проявленіе необъятной любви
 Божіей въ смерти Богочеловѣка. Что же тогда? О! тогда
 гробъ Христа остался бы навсегда могилой и нашей вѣры
 и нашей надежды на Него, и теперь, б. м., кто либо опла-
 кивалъ гробъ Голгоескій, но не болѣе, какъ гробъ несбыв-
 шихся обѣщаній.

Но какъ мрачныя тучи могутъ на время задержать блескъ
 солнца, но не могутъ отнять у него силы свѣта; такъ и
 еже и прежде солнца, солнце, зашедшее иногда во гробъ,
 не осталось здѣсь сокрытымъ; узамъ смерти невозможно
 было удержать Ничальника жизни. Да и могъ ли оказаться
 въ свидѣтельствѣхъ о Себѣ лъстецомъ Тотъ, Кто на сіе ро-
 дился и пришелъ въ міръ, чтобы свидѣтельствовать истину?
 Воскресъ Христосъ силою Божества Своего; Онъ явился, по
 возстаніи изъ гроба, всѣмъ вѣрующимъ, съ несомнѣннымъ

знаменемъ побѣды надъ смертію. Воскресла и вѣра въ Него въ сердцахъ апостоловъ, и утвердилась въ нихъ до непоколеблемости. „Симонъ Іонинъ! вопрошаетъ Петра Воскресшій, любиши ли Мя паче сихъ? Ей, Господи, Ты вся вѣси, Ты вѣси, яко люблю Тя“, отвѣчалъ Ему Петръ, оставшійся потомъ вѣрнымъ Ему до конца жизни, которую отдалъ за Него на крестѣ. „Ты Господь и Богъ мой“, исповѣдуетъ Воскресшаго Ап. Тома, любопытною десницею осязавшій гвоздины язвы Его, и также умершій мученикомъ за Него, какъ и всѣ прочіе апостолы. *Сія вѣра апостольская все-ленную утверди. Таковъ по основному значенію сей день, его-же сотвори Господь.*

Пусть современные враги искупительнаго креста Христова объясняютъ событіе преславнаго воскресенія, какъ отвлеченную идею нравственнаго возрожденія, никогда-де не умирающую въ человѣчествѣ; пусть они безбожно клеветуютъ на апостоловъ, обвиняя ихъ въ припадкѣ мечтательнаго визионерства: самыя врата ада не одолѣютъ Св. Божіей Церкви. *Мы знаемъ, что Христосъ пришелъ въ міръ и далъ намъ свѣтъ и разумъ, чтобы мы познали Бога истиннаго и пребыли въ истинномъ Сынѣ Его, Господѣ нашемъ Иисусѣ Христѣ. Сей истинный есть Богъ и жизнь вѣчная. (1 Іван. 5, 20).*

С. II.

Таинство св. Причащенія. 1)

II.

Но часто невѣрующіе не хотятъ даже спорить. Нельзя представить себѣ,—говорятъ они,—какъ реальное и настоящее челоѳическое тѣло можетъ заключаться подѣ хрупкой оболочкой капли вина или крошки хлѣба. Это ученіе ничуть не чудесно: оно неразумно и неѣпо.

Если бы невѣрующіе захотѣли подумать, они могли бы отдать себѣ отчетъ въ томѣ, что Иисусъ Христосъ не сказалъ, что Его тѣло присутствуетъ въ Евхаристіи такимъ же образомъ, какъ наше присутствуетъ здѣсь, то есть, со своей внѣшней чувствуемой формою, вѣсомъ, цвѣтомъ и т. д.

Наша мысль, исходя изъ ума и раздѣляя съ нимъ его природу, неощутима и невѣсома въ нашемъ мозгу. Также точно мы можемъ себѣ представить, что тѣло Иисуса Христа теперь, когда оно прославлено и, слѣдовательно, одухотворено,—находится внѣ всякихъ законовъ протяженія, вѣса, цвѣта и т. д. Въ пасхальный вечеръ Онъ истинно прошелъ сквозь стѣны дома и вовсе не занималъ протяженія болѣе, чѣмъ въ Евхаристіи, такъ какъ прошелъ Онъ черезъ закрытыя двери. Это разсужденіе служитъ самымъ частымъ отвѣтомъ Божеслововъ на возраженіе невѣрующихъ, которые ее могутъ допустить, чтобы одно и то же тѣло и одна и та же кровь одновременно присутствовали въ тысячахъ различныхъ мѣстахъ. Прославленное тѣло Иисуса, обладая всѣми качествами духа, не подчиняется болѣе закону пространства. Наша собственная мысль, не раздѣляясь и не переставая цѣликомъ находиться въ насъ, можетъ быть въ одно и то же время въ ста различныхъ мѣстахъ. Подобно тому и даже еще болѣе полно и совершенно тѣло Иисуса Христа

1) См. № 6 Рук. для С. Паст.

можетъ быть въ одно время на небесахъ и на всѣхъ алтаряхъ вселенной, такъ какъ пространство значить для него еще менѣе.

Не будемъ смѣшивать непониманія съ противорѣчiemъ. Непониманіе есть простая темнота нашего ума, чисто отрицательное состояніе; не смѣшивайте его съ противорѣчiemъ, опредѣленную и положительную точку зрѣнія на не возможность предлагаемаго ему для обсуждения. Чтобы имѣть возможность доказать противорѣчіе, надо достаточно хорошо понимать два термина: *сужденіе и сравненіе*. Мы же очень мало знаемъ и не можемъ судить, что такое внутренняя природа, субстанція, сущность тѣлъ или природа пространства; все это вещи, о которыхъ физики и философы спорятъ, не приходя къ соглашенію. Съ еще меньшей полнотою охватываемъ мы путемъ сравненія, каково состояніе прославленныхъ тѣлъ. Мы не можемъ, слѣдовательно, утверждать, что есть противорѣчіе между существованіемъ обоихъ состояній. Это существованіе признаетъ вѣра. Мы не можемъ утверждать, что тѣло нашего Господа не можетъ существенно присутствовать въ хлѣбѣ. Здѣсь, безъ сомнѣнія, всегда есть тайна, чудо, и мы должны признать его.

Какъ мы, бѣдные мыслители, которые не знаемъ, по словамъ Паскаля, и послѣдняго слова изъ ничего, которые не знаемъ даже полной области распространенія земныхъ тѣлъ, мы, которые не видимъ въ желудѣ несомнѣнно существующаго въ немъ дуба, мы, разумъ которыхъ растерянно останавливается передъ атомомъ, — какъ (при всей ограниченности нашего ума) могли бы мы отбросить ученіе объ истинномъ присутствіи только потому, что оно превышаетъ наше пониманіе? Тогда обязательно-слѣдовало бы, чтобы Богъ въ Своихъ твореніяхъ бралъ за мѣрку наши умственные способности и не говорилъ и не дѣлалъ ничего превосходящаго наши незначительныя способности. Но это было бы верхомъ неразумія и гордости, скрываемыхъ подъ предлогомъ желанія быть разумными.

Богъ лучше насъ знаетъ природу и ея законы. Будемъ же вѣрить Его свидѣтельству, даже если мы не можемъ постигнуть, какъ совершаются утверждаемые Имъ факты.

Въ Евхаристіи есть нѣчто иное, чѣмъ то, что кажется съ перваго взгляда ¹⁾ Отецъ реформы-Лютеръ и тотъ признавалъ это. Онъ не прибѣгалъ, какъ это дѣлали Цвингли и Кальвинъ, къ мысли о символическомъ присутствіи: „Я хотѣлъ бы,—говорилъ онъ—найти человѣка, достаточно способнаго мнѣ доказать, что въ Евхаристіи есть только хлѣбъ и вино; онъ оказалъ бы мнѣ этимъ большую услугу. Я обливался потомъ, изучая этотъ вопросъ, и чувствую себя побѣжденнымъ,—текстъ Евангелія слишкомъ ясенъ“.

III.

Но Лютеръ придерживается ученія о пребываніи въ хлѣбѣ. Онъ утверждалъ, что послѣ освященія хлѣбъ и вино на самомъ дѣлѣ продолжаютъ оставаться хлѣбомъ и виномъ, только тѣло и кровь Господа нашего присоединяются къ нимъ и съ этого времени скрываются подъ ихъ видомъ.

Истинное ученіе Церкви совсѣмъ иное. Это ученіе о пресуществленіи. Иисусъ Христосъ хотѣлъ быть единственнымъ въ Своемъ таинствѣ, чтобы Его вѣрные, воздавая почести Его присутствію, ничуть не озабочивались бы веществомъ, недостойнымъ этого почета, и тѣмъ не навлекали на себя опасности смѣшать эти вещества съ Нимъ Самимъ въ своемъ поклоненіи и обоженіи. Это вещество не только должно дать Ему мѣсто, но и уступить свою самую внутреннюю, интимную сторону, глубину своего существа, свою сущность, которая превратится въ его собственную сущность. Это измѣненіе къ тому же не встрѣчается въ природѣ, гдѣ, на-

¹⁾ И въ самомъ дѣлѣ, сколько разъ въ природѣ и въ жизни приходится наблюдать, что, при одинаковыхъ внѣшнихъ свойствахъ, сущности очень различны; напримѣръ,—настоящее и фальсифицированное молоко, поддѣльное вино и чистый виноградный сокъ и т. д.

примѣръ, превращеніе дерева въ пепелъ, пищи въ человѣческое тѣло сопровождается измѣненіемъ сущности предмета, превращеніемъ и исчезновеніемъ внѣшнихъ формъ. Въ Евхаристіи внѣшняя форма, протяженіе, вѣсъ, вкусъ, цвѣтъ,—то, что Церковь зоветъ „качествами или внѣшностями“, то есть то, „что постигается органами внѣшнихъ чувствъ“, (въ противоположность „внутреннему чувству“, „вещи внутри насъ“, по другой терминологіи), то что схоластики звали „случайными признаками“, въ противоположность субстанціи и что современные философы называютъ „свойства“, въ противоположность „сущности“,—все это остается, но другая сущность, совершенно отличная, сущность тѣла и крови Иисуса Христа поступаетъ на мѣсто сущности хлѣба и вина. Голосъ Церкви по поводу ученія Лютера и его сторонниковъ таковъ: „Если кто-либо говоритъ, что въ святѣйшемъ таинствѣ Евхаристіи сущность хлѣба и вина пребываетъ вмѣстѣ съ тѣломъ и кровью Господа Нашего Иисуса Христа и если онъ отрицаетъ это чудесное и единственное претвореніе всей сущности хлѣба въ тѣло и всей сущности вина въ кровь, при сохраненіи однихъ лишь свойствъ хлѣба и вина, если онъ отрицаетъ претвореніе, которое вселенская Церковь по справедливости и какъ нельзя болѣе кстати зоветъ пресуществленіемъ,—да будетъ анаѳема“.

Слово „пресуществленіе“ совершенно ново, какъ многія другія слова, которыя обязаны своимъ появленіемъ желанію установить возможно большую точность. Но самое ученіе о пресуществленіи всегда было согласно съ ученіемъ Церкви, и оно очень точно, хотя и темно по смыслу, содержится въ словахъ Господа нашего при установленіи Имъ Евхаристіи.

Указательное мѣстоимѣніе „это“ (сіе) указываетъ, что именно Иисусъ даетъ Своимъ ученикамъ подъ видомъ хлѣба и вина. Если бы Иисусъ Христосъ присутствовалъ только „въ“ или „съ“ или „подъ“ сущностью хлѣба и вина, то Онъ не сказалъ бы просто: „это тѣло Мое“, но сказалъ-бы: „въ

этомъ хлѣбѣ, съ этимъ хлѣбомъ, подѣ видою этого хлѣба находится тѣло Мое“. Также поступилъ-бы Онъ по отношенію къ вину. Слово это, очевидно, указываетъ сущность скрывающагося подѣ осязаемыми качествами. Также учили Отцы и древнія литургія, гдѣ мы часто встрѣчаемъ выраженія вродѣ: „хлѣбъ дѣлается“ или „становится тѣломъ Иисуса Христа“.

Въ силу словъ освященія, хлѣбъ претворяется въ тѣло и вино въ кровь Иисуса Христа. Но Христа не дѣляютъ. Онъ живъ и безсмертенъ. Гдѣ находятся Его тѣло и кровь, тамъ находится душа и Божество.

Онъ находится весь подѣ видою хлѣба и вина. „Въ настоящій моментъ вы здѣсь находитесь всѣ, цѣликомъ. Съ перемѣщеніемъ вашихъ тѣлъ, вы будете находиться всѣ, цѣликомъ въ другихъ мѣстахъ. Собственная сила и прямое дѣйствіе воли, перемѣщающихъ васъ, обращаются къ вашимъ тѣламъ, и души ваши сопровождаютъ ихъ. То же происходитъ и со Спасителемъ. Благодаря собственной силѣ и прямому дѣйствію священныхъ словъ, Онъ прелагаетъ тѣло Свое въ хлѣбъ, кровь въ вино, и всетаки Онъ весь, Онъ цѣль тѣло, кровь, душа, Божество—подѣ двумя видами.

Болѣе того, Онъ весь въ каждой крошкѣ, мельчайшей частичкѣ каждаго вида, ибо невозможно предположить, чтобы при измѣненіи сущности хлѣба и вина въ тѣло и кровь Иисуса Христа какая нибудь частица ихъ, какъ-бы мала она ни была, при сохраненіи внѣшности хлѣба и вина не была всетаки плотью и кровью Иисуса Христа.

У евангелистовъ мы имѣемъ доказательство этой истины. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя повѣрить, что Иисусъ Христосъ отдѣльно освятилъ каждый изъ кусковъ хлѣба, который Онъ раздалъ Апостоламъ; наоборотъ, произнося только одинъ разъ слова формулы, Онъ освятилъ все нужное количество, хлѣба и затѣмъ распредѣлилъ этотъ хлѣбъ между всѣми.

Очевидно, что то же самое имѣло мѣсто и съ чашей, т. е. съ видомъ вина, такъ какъ Самъ Иисусъ Христосъ сказалъ: „Возьмите и раздѣлите между собою“.

„Тѣло и кровь Иисуса Христа прикрѣплены къ вѣщности хлѣба и вина въ томъ смыслѣ, что Спаситель какъ-бы скрытъ подъ этой вѣщностью, какому-бы измѣненію ее ни подвергали. Онъ переносится вмѣстѣ съ ними и съ ними же входитъ въ тѣло принимающаго причащеніе вѣрнаго и даже въ тѣло нечестивца, профанирующаго это тайяство. Только разница та, что Онъ нечувствителенъ и не подвергается ни одному изъ измѣненій, которые претерпѣваютъ вѣшнія формы. Если ихъ разбиваютъ,—Онъ не разбивается; огонь, вода, работа пищеваренія, измѣняющія эти вѣшнія формы, оставляютъ Его неповрежденнымъ. Онъ только перестаетъ быть пребывающимъ (или присутствовать) въ моментъ, когда даже сами вѣшнія формы перестаютъ быть формами хлѣба и вина“.

Перев. съ франц. М. Дороновичъ, подъ редакц. свящ. А. Введенскаго.

Пастыри и паства.

Обозрѣватели церковной жизни за послѣднее время отмѣчаютъ чувствующійся разладъ, какую-то ненормальность во взаимныхъ отношеніяхъ между пастырями и паствою. Въ жизнь духовныхъ отцовъ и ихъ дѣтей вкралась наблюдаемая въ нѣкоторыхъ приходахъ разобщенность, отчужденность другъ отъ друга. Надъ этимъ печальнымъ явленіемъ призадумываются и стараются объяснить его, найти изъ него тотъ или иной выходъ. Недавно появились въ печати двѣ статьи на эту тему—свящ. В. Никольскаго „На Шипкѣ все спокойно“ ¹⁾ и проф. П. Верховскаго „Познайте самихъ себя“ ²⁾.

¹⁾ „Колоколъ“ 1917 г. № 3199.

²⁾ „Церковь и жизнь“ 1917 г. № 2.

Оба автора согласны между собою въ обрисовкѣ создаваемаго положенія, оба ставятъ одинъ и тотъ же діагнозъ болѣзни, но средства врачеванія предлагаются ими разныя. Чтобы познакомить читателя съ ихъ взглядами по данному вопросу, приводимъ небольшія выдержки изъ указанныхъ выше статей.

„Тревогу навѣваетъ наблюденіе надъ жизнію русскаго пастырства, пишетъ о. Никольскій. Правда, съ вѣшной стороны, какъ объ этомъ говорятъ официальные отчеты, пастырскіе юбилеи, церковная печать и т. п., можно, дѣйствительно, сказать: на Шипкѣ все спокойно! Но чуткое ухо каждаго пастыря, его личный опытъ и наблюденіе подсказываютъ, что нѣтъ, далеко нѣтъ, чтобы успокоиться и самодовольно почить. Ужъ слишкомъ очевидно, слишкомъ опредѣленны штрихи, чтобы лелѣять розовыя мечты. Насколько въ допетровское время православное пастырство стояло высоко, настолько послѣ Петра оно унижено и обезличено. Вотъ почему пастырство въ настоящее время, какъ высшее, такъ и низшее, уже не имѣетъ того обаянія, ни того авторитета, какъ это было прежде“.

Приводя далѣе факты изъ жизни аристократіи и простонородья, иллюстрирующіе паденіе пастырскаго авторитета, о. Никольскій 'продолжаетъ: „на Шипкѣ“ не все, очевидно, спокойно. Чувствуется, что въ нѣдрахъ народнаго сознанія произошелъ какой-то сдвигъ. Совершилось «что-то», которое ясно говоритъ о томъ, что въ русскомъ обществѣ измѣнилось отношеніе къ духовенству. Было бы, конечно, большою поспѣшностью отсюда заключать, что вѣра въ народѣ гаснетъ. Нѣтъ, опытъ наблюденія убѣждаетъ насъ въ большой еще его религіозности. Онъ пока еще по-прежнему остается народомъ-богоносцемъ. Но въ его психологіи совершился какой-то сдвигъ. Въ религіозномъ сознаніи народа произошло рѣзкое разграниченіе пастырства отъ Церкви. Народъ, продолжая вѣрить Церкви, ея таинствамъ, почувствовалъ охлажденіе къ духовенству. Скажу больше: онъ становится къ

нему равнодушнымъ. Спрашивается, откуда же, и какъ объяснить это печальное явленіе? Суть дѣла здѣсь не въ Православіи, какъ таковомъ, а въ русскомъ духовенствѣ, его отношеніи къ жизни. Надо имѣть мужество сознаться, что русское пастырство далеко стоитъ отъ житейскихъ нуждъ народной жизни. Оно не успѣваетъ за жизнью. Жизнь обгоняетъ всѣ начинанія русскаго духовенства. Пока мы подумаемъ, соберемся, а жизнь уже—впередѣ насъ. Получается отсталость въ самомъ точномъ и буквальномъ смыслѣ этого слова. Въ самомъ дѣлѣ, возьмите трудъ мысленно пробѣжать русскую жизнь въ ея наиболѣе яркихъ моментахъ, и вы увидите, что русское пастырство—всегда позади. Выходитъ, что жизнь, это—какая-то лихая гоголевская тройка, съ крикомъ и шумомъ несущаяся мимо оторопѣлаго прохожаго,—этого типичнаго забитаго и запуганнаго русскаго пастыря. Какъ-то грустно дѣлается на душѣ, когда видишь, что самыя лучшія моменты въ жизни русскаго народа были встрѣчены несочувствіемъ духовенства. Упорный противникъ реформъ Петра, царевичъ Алексѣй, находилъ, говорятъ, поддержку въ своемъ духовникѣ. Свѣтлыя и лучшія начинанія Александра II-го встрѣтили молчаливое недоумѣніе митрополита Филарета. Въ группѣ недовольныхъ манифестомъ 17-го октября оказались и пастыри. Русскій народъ,—Илья Муромецъ, сиднемъ сидѣвшій 33 года,—оживаетъ. Какъ у тяжкаго больного, при выздоровленіи, пробуждается страстная жажда жизни, такъ у нашего народа родилось убѣжденіе, что и у него есть право на жизненномъ пиру занять себѣ должное мѣсто. Онъ увидѣлъ свое полное неустройство въ жизни и ему мучительно захотѣлось культурно пожить. Отсюда его думы, его мечты прочувствованы жаждой экономической и соціальной правды. А что же русскіе пастыри? Чго они?.. Русскій народъ въ устроеніи своей земной жизни остался заброшеннымъ и одинокимъ. Около него не оказалось пастыря, способнаго помочь ему упорядочить его экономическую жизнь. Посмотрите, какимъ широкимъ потокомъ разлилась кооперація по

Руси. И, однако, много ли пастырей, практически сочувствующих этому начинанию? А частный кредит?.. А отрубное хозяйство?.. А регулирование отдыха?!. Точно наводнение застало врасплох пастыря, и онъ, растерянный и испуганный, стоитъ посреди жизни, не зная, что предпринять. И тамъ, гдѣ пастыри пытаются подойти ближе, они чувствуютъ часто себя мало подготовленными. Вѣдь все ихъ образование, всё ихъ знанія чужды жизни. Исключительная отвлеченность программы духовной школы создаетъ лишь строгаго аскета или же безжизненнаго мечтателя. Русский пастырь чуждъ широкой практической освѣдомленности, и онъ стоитъ „чуждый работѣ другой“. Онъ не можетъ, поэтому, во многомъ быть полезнымъ обществу, и въ этомъ его горе... Вотъ—гдѣ начало того разлада между пастырствомъ и обществомъ, которое наблюдается въ послѣднее время“.

Теперь обратимся къ статьѣ проф. Верховскаго. «Если вникнуть, пишетъ онъ между прочимъ, въ психологію взаимныхъ отношеній духовенства и мірянъ, то станетъ яснымъ, что во взаимномъ охлажденіи, которое въ конечномъ результатѣ угрожаетъ полнымъ разваломъ церковной жизни въ Россіи, виновато, прежде всего, само духовенство... Я не буду говорить о ненормальныхъ правовыхъ условіяхъ, въ которыя наша церковная жизнь попала со времени Петровской реформы... Миѣ хотѣлось бы указать, какъ неправильно было поведеніе духовенства въ дальнѣйшія двѣсти лѣтъ, послѣ Петра, даже въ той области, которой менѣе всего могли коснуться какія—либо ненормальныя условія, а именно—во внутренней церковной жизни. Много зла сдѣлала Россіи церковная реформа Петра. Она уничтожила Церковь, какъ самобытный независимый юридическій институтъ, обратила духовенство въ служилое сословіе... Придавленная властью зависимое положеніе сдѣлало изъ пастырства чиновниковъ правительства, ради услугъ которому рускіе богословы исказили самое догматическое ученіе о Церкви, о

церковной власти, о таинствахъ, исказили самое христіанское ученіе о нравственности, защищая всё мерзости полицейской государственности, какъ какую—то правду Божию... Но, при всемъ томъ, государство не могло совершенно подавить жизнь Церкви. Напротивъ, по своему оно поддерживало Церковь, и она могла бы въ извѣстныхъ отношеніяхъ внутренно развиваться. На самомъ дѣлѣ, духовенство не проявило духа жизни и спокойно тянуло своею профессиональную ляжку, какъ бурлакъ тянетъ на Волгѣ чуждую ему баржу. Возьмемъ самый пульсъ церковной жизни—богослуженіе и молитву. Духовный Регламентъ требовалъ энергичной борьбы противъ многогласія, этой странной нелѣпности буква—обрядовѣрія нашихъ предковъ. И что же? Нѣтъ теперь многогласія въ старинномъ смыслѣ, но какъ часто пѣвчіе перебиваютъ чтеца, совершенно заглушая смысл читаемаго, діаконъ перебиваетъ хоръ, священникъ произносить возгласъ, когда еще храмъ полонъ звуками пѣнія. Съ другой стороны, въ нашихъ храмахъ наступило какое-то «скудогласіе»: наши литургіи и всенощныя, даже тамъ, гдѣ онѣ тянутся долго, потеряли свое содержаніе, скудны, трафаретны, фрагментарны. Къ святѣйшему и безконечно глубокому Евхаристическому канону, связанная мысль котораго какъ-то ускользаетъ отъ молящихся и никогда почти ему не разъясняется, присоединены многочисленныя повторенія однихъ и тѣхъ же прошеній въ ектеніяхъ, совершенно заслоняющихъ самую важную часть литургіи, отводящихъ ей очень небольшое время, особенно если прибавить «часы», монотонно отчитываемые наизусть съ мыслью не опоздать кончить ихъ одновременно съ проскомидіей. Всенощная механически склеена изъ отдѣльныхъ богослуженій, которыя, если есть усердіе, исполняются почти цѣлостью, но чаще—по кусочкамъ. Яркій примѣръ этихъ кусочковъ—манера чтенія каѳизмъ, на самомъ дѣлѣ—короткихъ безъ смысла извлеченныхъ отрывковъ изъ псалмовъ съ многократнымъ «аллилуіа»; во многихъ храмахъ читаются положенныя «двѣ» и «три»

каөизмы, по 2—4 начальныхъ стиха изъ разныхъ псалмовъ. Неужели за 200 лѣтъ наше духовенство не могло понять, что такимъ образомъ великое дѣло живого общенія челоуѣка съ Богомъ сведено къ ряду формулъ, непонятныхъ народу, вложить въ которыя свою молитву можетъ только глубоко-религіозный и богословски образованный челоуѣкъ? Мы осуждаемъ древнее жречество, ветхозавѣтный юдаизмъ съ его регламентаціей культа, съ внѣшнимъ законничествомъ. Осуждаемъ даже католиковъ съ латинскимъ ихъ языкомъ богослуженія для всѣхъ народовъ и звонками для возбужденія вниманія мірянъ. У насъ, въ сущности, происходитъ то же самое. Но можно ли требовать отъ народа, какъ интеллигентнаго, такъ и простаго, по горло занятаго жизненною борьбою, утомленнаго жизнью, чтобы онъ выставлялъ длинныя, малопонятныя, а потому скучныя службы ради одной формы. Современное богослуженіе поражаетъ своею безыдейностью, формализмомъ. Чѣмъ отличается воскресная служба отъ праздничной? Куда дѣвалпсь богатыя особенности каждаго праздничнаго дня? Усердно блюдутся ектеніи, хотя бы повторяемыя дважды въ одно богослуженіе, прошенія, повторяемыя много разъ; но нѣтъ канона, стихирь, сѣдалновъ. И я утверждаю, что духовенство должно, прежде всего, познать самого себя, понять, что это оно разогнало изъ храмовъ молящихся, оставаясь само равнодушнымъ къ религіознымъ запросамъ своей паствы. И въ свою защиту оно не можетъ сослаться на церковно-богослужебный уставъ. Послѣдній нигдѣ не предписываетъ искажать богослуженія, нигдѣ не запрещаетъ сообразовать его съ духовными нуждами вѣрующпхъ. Признаетъ же себя въ правѣ наша іерархія составлять новыя чинопослѣдованія и молитвы національно-политическаго содержания. Дѣло не въ этомъ, а въ глубокой инертности нашего духовенства, въ его мертвящей холодности къ самому существу религіозной жизни, въ ложномъ направленіи того, что есть въ духовенствѣ активнаго. Забыто свое прямое дѣло, стало механическою обязанностью. На первый планъ выступило то, что безъ духовен-

ства нельзя ни родиться, ни жениться, ни умереть, ни поступить въ школы; словомъ—духовенство стало „предметомъ первой необходимости“, но это—предметъ чужой, обходиться безъ котораго не стало бы печалью, если бы можно. Такъ будетъ, пока духовенство не вспомнить своего прямого дѣла. А такихъ грѣховъ, какъ заброшенность богослуженія, немало. Стоитъ напомнить формализмъ въ отношеніи къ постамъ, слабое развитіе церковно-приходской благотворительности, чтобы понять, что духовенство слишкомъ мало думаетъ о томъ, чтобы сообразовать свою дѣятельность съ чистыми и возвышенными идеалами христіанства“.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Кредитъ въ деревнѣ.

Ростъ кредитныхъ товариществъ у насъ, въ деревнѣ, съ каждымъ годомъ все увеличивается и увеличивается. Дѣятелямъ коопераціи, которыми, въ большинствѣ случаевъ, являются приходскіе священники и народные учителя, не мѣшало бы разобраться въ положительныхъ и отрицательныхъ сторонахъ ея!

Возьмемъ положительныя стороны товариществъ, какъ безусловно очень хорошія и симпатичныя—это 1) снабженіе крестьянина въ трудную въ денежномъ отношеніи минуту необходимыми средствами для покупки земли, живого и мертваго инвентаря, 2) ссуды подъ хлѣбъ, когда цѣны на базарѣ еще не устойчивы, 3) сельско-хозяйственные склады при товариществахъ, дающіе найщикамъ—крестьянамъ новѣйшія сел.-хоз. машины и орудія на доступныхъ условіяхъ.

Какъ будто кредитныя товарищества поднимаются все выше и выше и не попадаютъ имъ на пути препятствія. Но на самомъ дѣлѣ, препятствія эти есть и будутъ, если на кооперацію въ деревняхъ не будетъ обращено самое серь-

дуетъ получившия деньги безцѣльно и, когда приходитъ срокъ платежа, то самъ же распускаетъ слухи, что товарищество—де затѣгиваетъ своими деньгами „петлю на шею“ (мужьячки такъ говорятъ). Подобныхъ пайщиковъ не мало, если ближе къ нимъ присмотрѣться.

Винить тутъ крестьянина не приходится, т. к. онъ по своей некультурности все дѣлаетъ на авось и всегда надеется на какой-либо милостивый манифестъ, по которому всё его грѣхи сложатся. Если установить при каждой отдѣльной выдачѣ строгій опросъ пайщика, на что ему нужны деньги и дѣйствительно-ли ему нужно сдѣлать то или иное дѣло,—то подобные несимпатичныя отзывы о товариществахъ исчезнуть безслѣдно.

Бываютъ случаи, что у крестьянина завязывается свадьба, онъ, нисколько не думая о послѣдствіяхъ расплаты, идетъ въ товарищество и беретъ 100—150 р., которые тратятся совершенно безцѣльно. И если бы представители товарищества, выдающіе ссуды, опросили бы и узнали отъ заемщика, что деньги ему нужны именно на свадьбу, то подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ можно дать не 150 р., а 25 р. Это еще хорошо,—бываютъ же случаи, какъ упомянуто выше, что многіе берутъ просто потому, что даютъ, не спрашивая и не повѣряя, дѣйствительно-ли нужны деньги, которыя, въ большинствѣ случаевъ, и проходятъ зря.

Присматриваясь къ деревенской жизни, можно привести нѣсколько такихъ фактовъ, что когда крестьянинъ ищетъ выхода изъ труднаго положенія, идетъ въ товарищество и беретъ деньги, то топить окончательно себя, а выстѣ съ собою и другихъ. Случается же это такъ: приходятъ сроки платежей, а онъ отъ „кредита“ отлыниваетъ, 0% растеть,—поручителей нѣтъ, корову и телку, въ виду хорошей цѣны, продаетъ, а самъ—уходитъ работать „на—оборону“—дѣлать казармы;—заемщикъ—„на очереди—на межѣ“. А тамъ, послѣ войны, Богъ знаетъ что будетъ...

Нѣкоторые скажутъ, что строгій опросъ заемщика и контроль каждой выдачи есть насильственная опека надъ личностью. Но, зная нашу безпечность, а главное, некультурность нашего деревенца,—можно смѣло утверждать, что въ денежныхъ дѣлахъ нужна именно опека. У насъ не мало и интеллигентныхъ безпечныхъ людей, которые тоже берутъ только потому, что даютъ, а послѣ горько плачутъ..

С.

Отрадное явленіе.

Въ стѣнномъ календарѣ Сытина въ листѣхъ на 2 февраля с. г. сказано: „1917 г. 3 февраля исполняется 60 лѣтъ со дня смерти великаго русскаго композитора М. И. Глинки, творца „Жизнь за царя“, „Руслана и Людмилы и др.; но имя его до сихъ поръ совершенно не извѣстно широкому населенію. Русскій народъ по природѣ очень музыкаленъ, создалъ лучшую въ мірѣ народную и хоровую пѣсню, однако музыки не доморощенной, примитивной, а оркестровой, хорошей музыки не слышитъ, да и не можетъ слышать—негдѣ. Музыкальные и хоровые кружки, организованные при народныхъ домахъ, своими концертами могли бы заполнить этотъ пробѣлъ. А что въ самыхъ глухихъ углахъ возможно устроить это своими силами, показываетъ примѣръ одного села Мариупольскаго уѣзда, гдѣ священникъ съумѣлъ организовать военно-духовой оркестръ, часть котораго составлялась изъ односельчанъ, отслужившихъ военную службу въ полковыхъ музыкантахъ. Этотъ оркестръ въ короткое время заслужилъ большую славу во всей округѣ, создалъ для участниковъ его хорошій заработокъ и служить добродѣлю: приближаетъ хорошую музыку къ народу“.

Въ самомъ дѣлѣ—отрадное явленіе!

Вотъ самое вѣрное средство, чтобы отвлечь нашъ народъ отъ нежелательнаго времяпровожденія въ часы досуга (пьянства, картежной игры и т. п.). Нужно сказать, что въ городахъ есть очень много, хоть отбавляй, способовъ для разумнаго и полезнаго развлеченія; тамъ театры, музеи, библиотеки, сады, оркестры, яхтъ-клубы и просто клубы, кинематографы и т. п., трудно даже перечислить. А есть ли что либо подобное въ нашей деревнѣ!?—Ничего. Въ другихъ странахъ уже давно это создано, а мы знаемъ, что за границею и по селамъ организованы такіе способы развлеченія. напр., въ Галиціи. Попытки къ тому и у насъ начинаютъ проявляться, о чемъ уже было выше говорено здѣсь. А также въ „Приходскомъ Листкѣ“ въ прошломъ году сообщено было, какъ одинъ священникъ при содѣйствіи своей жены устроилъ въ селѣ хоровое пѣніе не только церковное, но и свѣтское.

Можетъ явиться вопросъ, совмѣстимо ли съ служебнымъ положеніемъ духовенства заниматься такими дѣлами?

По нашему мнѣнію, ничего дурнаго въ томъ нѣтъ. Извѣстно, что наши проповѣди, наши слова о ненормальныхъ развлеченіяхъ въ селлахъ говорились и теперь говорятся,—но результаты отъ того очень плачевны. Нужны не одни слова, но и дѣло. Здѣсь нужно сказать,—что и самому духовенству нужно имѣть полезныя и разумныя развлеченія. Онѣ и ему самому принесутъ пользу. Не потому ли и само духовенство предается нежелательнымъ развлеченіямъ, какъ картежная игра, что оно не имѣетъ возможности пользоваться болѣе разумными и полезными развлеченіями. Мнѣ кажется, что если бы духовенство обратило серьезное вниманіе на организацію вокально—музыкальныхъ хоровъ и оркестровъ, то оно много бы сдѣлало въ этомъ дѣлѣ, какъ оно проявило свою дѣятельность въ организаціи кооперативовъ.

Нужно жить не для себя только, но и для других: у духовенства въ домѣ есть рояли и т. п. музыка, — нужно и прихожанамъ нашимъ предоставлять, по возможности, то, въ чемъ они такъ нуждаются. Поэтому не порицать слѣдуетъ того Мариупольскаго священника за то, что онъ въ своемъ приходѣ организовалъ оркестръ, а ставитъ его въ примѣръ всѣмъ намъ.

Свящ. Ѵ.

Изъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

Изъ области чудеснаго.

Отрицатели библейскихъ чудесъ часто ссылаются на отсутствіе чудесъ въ настоящее время. Но такія указанія опровергаются самою жизнью. Въ „Арханг. Еп. Вѣд.“ сообщается о слѣдующемъ чудесномъ событіи, происшедшемъ въ прошломъ году на островѣ Вайгачѣ. Сынъ самоѣда Ивана Тайборея Филиппъ, 13 лѣтъ, ѣхалъ на собакахъ со своимъ пятилѣтнимъ братомъ Прокопіемъ по льду около берега. На пути имъ попалась трещина во льду съ отвѣсными краями, шириною въ аршинъ и глубиною болѣе сажени. Филиппъ хотѣлъ перепрыгнуть черезъ трещину, неся на себѣ брата, но уронилъ послѣдняго, и тотъ сталъ погружаться въ воду. Всѣ усилія Филиппа спасти брата были тщетны, такъ какъ достать его было невозможно. Вдругъ Филиппъ увидѣлъ около разсѣлины неизвѣстно откуда взявшагося старца, босого, но въ ризѣ и съ крестомъ на груди. Старецъ наклонился къ утопающему Прокопію, взялъ его за край одежды и вытащилъ на ледъ. Прежде чѣмъ изумленный Филиппъ успѣлъ заговорить со старцемъ, тотъ исчезъ такъ же внезапно, какъ и появился. Когда Филиппъ, поспѣшно возвратившійся съ братомъ домой, рассказалъ о случившемся, отецъ его отправился немедленно на мѣсто происшествія и, осмотрѣвши всѣ слѣды, оставшіяся кругомъ трещины на

снѣгу, убѣдился, что здѣсь произошло чудо. Печорскимъ уѣзднымъ исправникомъ отъ Ивана Тайборя оффициальнымъ порядкомъ отобрано надлежащее показаніе объ этомъ чудесномъ событіи.

Къ вопросу объ обезпеченіи духовенства.

Вопросъ объ обезпеченіи приходскаго духовенства до сихъ поръ остается самымъ большимъ въ нашей церковной жизни. Кореннымъ образомъ этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ только отпускомъ изъ государственнаго казначейства достаточныхъ суммъ на этотъ предметъ. Но ка же такого коренного разрѣшенія не послѣдовало, приходится обращаться къ разнаго рода палліативнымъ средствамъ. Между прочимъ, нѣкоторые изъ такихъ средствъ указываетъ священникъ Вл. Ивановъ въ „Ставр. Еп. Вѣд.“

О. Ивановъ говоритъ, что духовенству для улучшенія своего матеріальнаго положенія слѣдуетъ съ большимъ вниманіемъ обратиться къ сельскому хозяйству. Физическій трудъ достоинъ такого же уваженія, какъ и умственный; его не чуждались Христосъ и апостолы. Правда, у духовенства много всякихъ дѣлъ и обязанностей; но большая часть ихъ падаетъ на осень и зиму, а лѣтнее время—время полевыхъ работъ—является для духовенства наиболѣе свободнымъ. Чтобы быть наиболѣе доходнымъ, хозяйство должно быть по возможности всестороннимъ и полнымъ, но можно сосредоточиться и на какой либо отдѣльной области его. Во многихъ мѣстахъ хорошій доходъ можно получать отъ пчеловодства. Авторъ указываетъ, что въ его приходѣ два учителя имѣютъ образцовыя пасѣки и, при наличности тридцати ульевъ, получаютъ около 700 рублей доходу, оставляя для домашняго обихода 10—12 пудовъ меда. Въ другихъ мѣстахъ можно выгодно заниматься огородничествомъ или садоводствомъ; между прочимъ, у насъ теперь прилагаются заботы о разведеніи лѣкарственныхъ растений.—Особенно въ

настоящее время, при современной дороговизнѣ всѣхъ продуктовъ, подобныя занятія могутъ дать болѣе или менѣе порядочное обезпеченіе. Конечно, при этомъ необходимо, чтобы дѣло велось рационально и планомерно, съ примѣненіемъ выработанныхъ наукою приѣмовъ, а не диллетантски.

Интеллигенція и церковныя реформы.

„Орловскія Еп. Вѣдомости“ отмѣчаютъ, что наибольшій интересъ къ церковнымъ реформамъ, въ частности къ приходскому вопросу, проявляютъ свѣтская печать и свѣтское общество, между тѣмъ какъ въ общемъ интеллигенціи наша стоитъ далеко отъ церковной жизни. У интеллигентскихъ—„богоискателей“ установилась иная точка зрѣнія на религію, чѣмъ у Православной Церкви: центръ тяжести ихъ заботъ и помысловъ сосредоточивается въ области земныхъ, мірскихъ интересовъ, такъ что и самая религія разсматривается, какъ орудіе земного благоустройства. Отсюда и намѣчаемыя интеллигентами церковныя преобразованія часто имѣютъ въ виду цѣли далеко не чисто—церковныя. Поэтому къ церковно-реформаторскимъ проектамъ интеллигентовъ нужно относиться съ большою осторожностью.

Справедливость приведенныхъ соображеній подтверждается, напр., слѣдующимъ фактомъ. — Въ № 11—12 (1916 г.) „Трудовъ Кіевск. Имп. Дух. Академіи“ проф. Н. Н. Глубоковскій помѣстилъ статью, посвященную памяти недавно умершаго друга Россіи и Русской Церкви англичанина Вил. Дж. Биркбека. Проф. Глубоковскій передаетъ много фактовъ, показывающихъ, насколько живо покойный Биркбекъ интересовался всѣмъ, что касалось русской церковной жизни. Между прочимъ, послѣдній въ 1916 г. присутствовалъ къ Москвѣ на одномъ собраніи, гдѣ обсуждался приходскій вопросъ, и глубоко возмутился, когда собесѣдники заявили, что „церковный приходъ для нихъ совершенно безразличенъ, но чрезъ него они желаютъ вести политическую агитацію и привить парламентскіе навыки къ рус-

скому крестьянству, пока чуждому подобныхъ интересовъ".— Церковнымъ дѣятелямъ нужно имѣть въ виду, какія цѣли иногда скрываются подъ личиною заботъ объ оздоровленіи церковной жизни.

Н. Г'

Что такое Церковь.

Передъ нами довольно внушительная книга А. В. Карташева „Реформа, реформація и исполненіе Церкви“ (изд. 1916 г.). На ней, между прочимъ, останавливаетъ свое вниманіе извѣстный писатель Мережковскій въ газетномъ фельетонѣ „Исполненіе Церкви“ („Русск. Сл.“ № 297, 1916 г.). Посмотришь и подумаешь, какія все громкія, кричащія темы, интересные вопросы, но что подъ ними содержится?! Странныя разсужденія! Говоря о книгѣ Карташева, Мережковскій высказываетъ и свои сужденія о Церкви. Повторяемъ, странныя эти разсужденія, хотя мы уже должны привыкнуть ко всѣмъ „странностямъ“ и „выходкамъ“ въ духѣ непріязненныхъ къ богословію Д. Мережковского, В. Розанова и др.

„Какая идея,—разсуждаетъ Мережковскій,—для современныхъ среднекультурныхъ идей, самая невмѣстимая, непредставимая, какъ четвертое измѣреніе не представимо для обитателя трехъ измѣреній? На этотъ вопросъ можно отвѣтить: идея Церкви, свободнаго и любовнаго соединенія людей въ Богѣ. Въ самомъ дѣлѣ, что такое Церковь для среднекультурнаго человѣка нашихъ дней? Въ лучшемъ случаѣ—великолѣпный археологическій памятникъ, а въ худшемъ—неубранный хламъ, или тотъ снѣгъ на днѣ оврага весною, который не хочетъ таять, когда все уже растаяло. Стоитъ упасть лучу на дно оврага, и снѣгъ растаетъ; стоитъ просвѣтить темныя души, и Церковь исчезнетъ“!

„Что такое христіанство и Церковь,—говоритъ Карташевъ въ своей книгѣ,—объ этомъ твердыхъ понятій въ об-

ществѣ почти не существуетъ. Тутъ страна „полуоткрытая“, а, можетъ-быть, и вовсе не открытая, новая Америка, ожидающая новаго Колумба“...

И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечемъ,
И сердце трепетное вынулъ,
И уголь, пылающій огнемъ,
Во грудь отверстую водвинулъ.

Вотъ что надо сдѣлать съ современнымъ человѣкомъ, чтобы онъ понялъ, что такое Церковь... Въ Церкви изсякло пророчество. Она обезкрылѣла... Въ Церкви осталась... радость примиренія съ тлѣннымъ и преходящимъ образомъ міра сего, но радости творческаго разрушенія и созиданія въ ней нѣтъ. И люди идутъ въ Церковь поплакать въ горѣ или радости, творить же идутъ въ открытыя поля“...

„Въ Церкви должно воскреснуть пророчество,—продолжаетъ Карташевъ,—духомъ пророческимъ дышетъ сейчасъ все человѣчество—внѣ-церковное и внѣ-религіозное... Безъ религіи человѣчество перестраиваетъ землю, созидаетъ новый міръ и чувствуетъ, что здѣсь съ нимъ, въ этомъ творческомъ порывѣ, благодать будущаго. Не изсякъ источникъ пророчества. Надо его слить со встрѣчнымъ церковнымъ томленіемъ о пророчествѣ, чтобы и тамъ оно загремѣло о томъ же, о чемъ гремитъ въ человѣческихъ душахъ... Тогда смутныя чаянія человѣчества и молитвенное устремленіе Церкви сольются во-едино въ чудесномъ исполненіи“ и т. д.

Странныя разсужденія!—должны мы сказать по поводу этихъ рѣчей Карташева объ „исполненіи“ (?) Церкви... Громкія, кричащія, даже красивыя, фразы, въ коихъ много мистическаго, сектантскаго элемента: все туманно и загадочно... Да, все это намъ хорошо извѣстно въ нашемъ сектантствѣ и никакого «открытія» тутъ Церкви нѣтъ, а, наоборотъ, сокрытие истины и глубокое заблужденіе относительно идеи Церкви... Что такое Церковь? Въ чемъ ея назначеніе или „исполненіе?“

«Религіозныхъ чаяній челоувѣчества,—говорить Карташевъ,—не могутъ удовлетворить никакія реформы Церкви, а также никакое недвижимое стояніе на камнѣ Петровомъ». . Для „исполненія“ Церкви необходимо возрожденіе въ ней пророчества и пр. Да что же такое, спрашивается, *Церковь* и о какой собственно церкви говоритъ Карташевъ? О Церкви ли исторически данной (земной, воинствующей), или о грядущей, пророческой, чаемой (небесной, торжествующей)? Карташевъ ищетъ или чааетъ чего-то *новаго* въ Церкви, но въ какой же? Мы живемъ сейчасъ въ Церкви земной, православной, воинствующей: въ ней *все дано* и предназначено для нашего *спасенія*: всѣ силы, какъ говоритъ апостоль, и всѣ благодатные дары, „яже къ животу и благочестію“... Что еще намъ нужно? Чего *новаго* еще искать намъ? Наше спасеніе: вѣдь вотъ—главное назначеніе Церкви, отчего она получаетъ и свое опредѣленіе и „исполненіе“.

При чемъ же тутъ и для чего „пророчество“, о коемъ хлопочетъ Карташевъ, не зная какъ-будто, что *пророчество* есть даръ Божій, который дается избраннымъ отъ Бога въ *нужные моменты исторіи* Церкви, а не является произволеніемъ челоувѣческимъ?! Церковь имѣетъ строгое Божественно-провиденціальное устроеніе. „Созижду Церковь Мою и врата адовы не одолѣютъ ея!“— „Нѣтъ,—справедливо замѣчаетъ Мережковскій,—камень Петровъ никакою бурей пророческой не сдвинется. И чѣмъ неподвижнѣе, незыблیمѣе, тѣмъ святѣе, вѣрнѣе своему назначенію, ибо назначеніе Церкви Петровой (*Христовой*)—не творить, а хранить и передавать сотворенное. Въ передаваніи, въ *преданіи*—вотъ въ чемъ святость этой Церкви, а не въ пророчествѣ. Пронести чрезъ всѣ вѣка и народы ликъ Христовъ неизмѣняемымъ—развѣ это мало? Безъ церкви исторической мы бы даже и не знали, что такое Христось“ ..

Соглашаемся съ послѣдними словами... Если же мы знаемъ, что такое Христось, то должны знать и знаемъ, что такое Церковь. Напрасно Мережковскій—Карташевъ

утверждаютъ, что объ этомъ въ обществѣ твердыхъ понятій не существуетъ, что это—„страна неоткрытая“ и пр. Для насъ нѣтъ нужды въ *точномъ* опредѣленіи понятія идеи Церкви (догматич., нравств., историч.); важно знать *назначеніе* Церкви, а сіе ни отъ кого не сокрыто... Церковь есть особенное и единственное на землѣ бытіе, котораго нельзя съ точностью опредѣлить никакимъ понятіемъ изъ мірской жизни. Большинство опредѣлений Церкви начинается такъ: „Церковь есть общество, учрежденное, объединенное“ и т. д. Но, вѣдь, главнѣйшее опредѣленіе общества заключается въ его *назначеніи*, въ его цѣли, а объ этомъ ничего или почти ничего не говорится въ обычной формулировкѣ догмата о Церкви. Въстрѣчается опредѣленіе Церкви какъ *тѣлѣ* Христа, но и оно недостаточно опредѣленно... Если разсматривать истину Церкви съ точки зрѣнія ея *назначенія* (нравственная идея догмата Церкви), то пужно сказать такъ: *для спасенія* или, что то же, для духовнаго усовершенствованія человѣка необходимы три условія: самъ человѣкъ, Богъ и Церковь. Мы знаемъ, что то *царство Божіе*, которое принесъ на землю Спаситель нашъ, не есть освященіе только личной жизни человѣка, чрезъ непосредственное воздѣйствіе на него существа Божія, но и основаніе на землѣ *новаго бытія*, новаго *начала*, чрезъ которое только и входитъ въ общеніе съ человѣческой личностью нашъ Господь. Это бытіе, это начало есть Церковь. Въ притчахъ Христовыхъ это *новое бытіе* (Царство Божіе) изображается какъ заквашенное хозяйкой *тѣсто*, которое должно постоянно *возрастать*, какъ дерево, привлекающее всѣхъ подъ свою сѣнь, какъ виноградная лоза, въ которой стволъ есть Христосъ, а вѣтви— всѣ вѣрныя и пр.

Видъ Церкви Христовой не можетъ быть духовнаго совершенствованія, нравственнаго *возрастанія* и спасенія для человѣка, это понятно для всякаго... Церковь предназначена для нашего спасенія, и мы должны принадлежать къ Церкви, слушать ея ученіе, повиноваться ея установленіямъ и пр.

Но вот тут-то и является препятствие для многихъ свободолюбивыхъ людей, которые не желаютъ подчиняться Церкви. Такие люди часто выдаютъ себя за ревнителей и поборниковъ Церкви, скорбя объ ея якобы „разрухѣ“, громко заявляя о грозящихъ ей опасностяхъ и пр. Но когда Церковь устами пастырей своихъ, какъ чадолюбивая мать, зоветъ на путь правды, добра, молитвы, напоминая о твердомъ храненіи уставовъ церковныхъ, они считаютъ все это предразсудкомъ, отсталостью отъ современности, проповѣдуютъ полную распущенность и разнузданность, матеріализацію христіанства, выражаютъ недовольство существующей Церковью и мечтаютъ о какой-то *новой*, грядущей церкви, подобно Мережковскому и Карташеву. Для нихъ не существуетъ христіанскаго догмата о Церкви, для нихъ какъ будто вовсе отпадаетъ идея спасенія въ Церкви, да они во все и не думаютъ ни о какомъ спасеніи... (М. Ц. В.).

Н. М.--чъ.

Исканіе Лица Христова.

(*Н. Тимковскій*, Исканіе. Разсказъ въ сборникѣ подъ названіемъ «Женихъ», 1916).

Художникъ Варооломеевъ задался высокой цѣлью—показать людямъ Лицо Христа. Вотъ его думы.

«Люди прикованы какими—то дьявольскими цѣпями къ землѣ, къ этой липкой, вязущей глинѣ. Для нихъ не существуетъ ни солнца, ни неба.. Кишатъ въ тѣснотѣ и обидѣ, душатъ другъ друга, пожираютъ... Точно какая—то бездушная сила скомкала всѣхъ своей желѣзной лапой. Я слышу ее въ недобромъ уличномъ гомонѣ, въ фабричныхъ гудкахъ, въ тяжеломъ дыханѣ надсадившейся клячи, въ крикахъ и столахъ надорванной человѣческой груди»...

«Если нельзя противопоставить этому иной силы, божеской или человѣческой; если нѣтъ ничего сильнѣе камен-

ныхъ стѣнъ, которыми обставленъ со всѣхъ сторонъ человекъ. то не стоитъ ни работать, ни жить. Если же есть такой рычагъ, если существуетъ сила, способная сдвинуть эту тяжесть, то мы должны отдать себя на служеніе ей»...

„Я вѣрю въ существованіе такой силы.. И хочу, чтобы въ моемъ Христѣ, въ Его глазахъ, отразилась эта божественная сила“...

Художникъ употребляетъ неимоверныя усилія, чтобы придать Лику Господа черты призывныя, возвышающія душу. Но ему не достаетъ самаго главнаго,—сожалѣнія къ человеку въ его ничтожествѣ, любви къ нему. Человѣческая грязь, житейская пошлость мутитъ душу идеалиста, и онъ оказывается скорѣе мизантропомъ, чѣмъ проповѣдникомъ. Смотрите, какія тяжелыя, сильно бьющія, но ее зовущія, фразы бросаетъ онъ въ презираемыхъ имъ людей: «Мы точно свиньи, волочимся по грязи, барахтаемся въ ней. тогда какъ рядомъ съ нами есть чистый, прекрасный, широкій путь“... „Зачѣмъ мы тычемся въ навозъ, когда надъ нами есть свѣтлое небо? Вѣдь надо только поднять голову кверху,—и тотчасъ же мерзкой покажется намъ наша грязь!..“

Тяжелыми словами обличенія иногда бываетъ переполнена и церковная проповѣдь. Она, однако, не всегда доходить до сердца человека. Горечь переполняетъ душу проповѣдника, заставляетъ ее мучиться, и это ведетъ къ новымъ обличеніямъ. У Слушателя уже нѣтъ надежды на радость-миръ, сходящій съ небесъ. Лишь Христовъ,—свѣтлый, влекущій къ Себѣ—затѣняется, уходитъ, и душѣ больно.

Г. П.

На современные темы.

Совершившійся у насъ государственный переворотъ возлагаетъ на всѣхъ русскихъ людей чрезвычайно отвѣтственную обязанность—принять посильное участіе въ выборахъ въ преднамѣченное учредительное собраніе, которое должно будетъ опредѣлить основы нашего государственнаго строя. Насколько неизмѣримо велика задача учредительнаго собранія, настолько же важно, чтобы въ составъ его вошли люди, вполне отчетливо и правильно понимающіе истинные интересы и нужды нашего отечества. Для того, чтобы рѣшенія учредительнаго собранія были подлиннымъ голосомъ народа, необходимо, чтобы народъ производилъ выборы съ достаточнымъ пониманіемъ предстоящей ему задачи и всей ея неизмѣримой важности. А такъ какъ народъ нашъ, въ значительной своей массѣ, не обладаетъ достаточнымъ просвѣщеніемъ особенно въ вопросахъ политическихъ, то, очевидно, ему многое нужно выяснить, и дѣло этого выясненія лежитъ, конечно, и на тѣхъ лицахъ, которыя, по самому положенію своему, являются ближайшими руководителями народа, т. е. на приходскомъ духовенствѣ.

Прежде всего народу должна быть выяснена величайшая отвѣтственность предстоящей ему задачи. Вѣдь отъ того или иного состава учредительнаго собранія будетъ всецѣло зависеть государственный строй Россіи, а отъ этого строя—вся ея дальнѣйшая судьба, ея процвѣтаніе и разстройство, а можетъ быть, даже и гибель. Въ силу этого, необходимо отнестись къ выборамъ со всей серьезностью. Во время выборовъ предполагается полная свобода агитаціи, и потому слѣдуетъ ожидать примѣненія всякаго рода мѣръ для собранія какъ можно большаго количества голосовъ за тѣхъ или другихъ кандидатовъ. Возможны всякаго рода прельщенія: и путемъ прямого подкупа, и разнаго рода обѣщаніями,—напр., передѣла земли, и т. п. Поэтому нужно разъяснить, что, кто будетъ подавать свой голосъ за того или другого кандидата

не по искреннему убѣжденію въ томъ, что послѣдній будетъ отстаивать дѣйствительные интересы Россіи, а по какимъ либо своекорыстнымъ побужденіямъ, тотъ возьметъ на свою совѣсть вину, подобную винѣ Іуды—Хриstopродавца, и будетъ измѣнникомъ своей родинѣ. Нужно указать и на то, что въ такомъ великомъ дѣлѣ нельзя слѣпо вѣрить всякому неизвѣстному человѣку, какъ бы заманчивыми ни казались его обѣщанія, потому что въ данномъ случаѣ нельзя быть гарантированнымъ и отъ прямого обмана.

Необходимо обратить самое серьезное вниманіе и на слѣдующую сторону дѣла. Подача голосовъ будемъ прямая, т. е. каждый избиратель долженъ будетъ называть прямо избираемаго имъ депутата, (или депутатовъ) учредительнаго собранія, и получившій большинство голосовъ будетъ признанъ избраннымъ. Стало бытъ, для того, чтобы имѣть надежду на то, что избранъ будетъ желательный депутатъ, каждый избиратель *обязательно* долженъ подавать свой голосъ только за такое лицо, которое можетъ собрать много и другихъ голосовъ; для этого единомысленнымъ избирателямъ необходимо предварительно сговориться, чтобы голосовать за однихъ и тѣхъ же лицъ,—иначе ихъ голоса раздробятся, и указанные ими кандидаты получатъ по малу голосовъ. Въ самомъ дѣлѣ, при всеобщемъ голосованіи, особенно, если въ немъ будутъ участвовать и женщины, количество избирателей во многихъ губерніяхъ опредѣлится въ нѣсколько сотъ тысячъ. Слѣдовательно, если выборы будутъ производиться прямо отъ губерній, то будутъ имѣть надежду быть избранными только тѣ кандидаты, которые получаютъ свыше ста тысячъ голосовъ. Если же выборы будутъ производиться отъ уѣздовъ, то и въ такомъ случаѣ для избранія потребуются тысячи, а въ большихъ уѣздахъ и десятки тысячъ голосовъ. (Членовъ учредительнаго собранія едва ли будетъ болѣе тысячи; стало бытъ, одинъ членъ будетъ приходиться приблизительно на 160,000 населенія, изъ какового числа, при участіи въ выборахъ и женщинъ, избирателей будетъ не менѣе 20) ¹⁾.

Понятно, что о выборѣ каждымъ избирателемъ или даже цѣлымъ селомъ своего излюбленнаго кандидата при такихъ условіяхъ не можетъ быть безусловно никакой рѣчи. Очевидно, для того, чтобы собрать потребное число голосовъ, извѣстныя политическія партіи выпускаютъ списки своихъ кандидатовъ, и каждый избиратель, не желающій, чтобы его голосъ пропалъ даромъ, долженъ будетъ голосовать за списокъ той партіи, программу которой онъ считаетъ наиболѣе правильной. Само собою понятно, что придется внимательно обсудить и самыя эти партійныя программы и выяснить, какая изъ нихъ можетъ наиболѣе способствовать благостоянію и процвѣтанію нашего отечества; а для этого, кромѣ здраваго смысла, необходимы еще и точныя знанія—юридическія, соціальныя, а въ особенности историческія.

Конечно, пока еще точно не установленъ самый процессъ производства выборовъ, подробностей этого важнаго дѣла указать нельзя. Поэтому настоящая статья и органичивается указаніемъ основныхъ положеній.

Н. Гумилевскій.

Редакторъ Протоіерей Платонъ Петровъ

печатать дозволяется, Кіевъ 24 Марта 1917 года.

Цензоръ Протоіерей Николай Гроссу

Кіевъ Тип. Акц. Общ. печат. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мирлиговская 6.

ГОДЪ

LVII

Руководство для

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ШЕСТЬ руб., съ пересылкою СЕМЬ
рублей.

№ 8

Подписка принимается въ редак-
ци журнала, при Киевской духов-
ной Семинаріи.

1917 года 15-го апрѣля.

Содержаніе: I.—Личность и общество. Пр. А. М—скій.—II. Пастыри и паства (Продолженію). Вл. С.—III Сила молитвы. Свящ. В. Діомидовъ.—IV. Кружокъ ревнителей Православія. Свящ. М. Степановъ.—V. Библиографическая замѣтка.—VI. Молитва на войнѣ.—VII. Ошечатки.

Личность и общество.

Каждый частный разговоръ въ настоящую минуту начинается и кончается—войной. Естественно, конечно, что въ виду грозныхъ тучъ, собирающихся на горизонтѣ, у насъ нѣтъ почти иного интереса, почти другихъ мыслей, кромѣ тревожныхъ гаданій о томъ, „что день грядущій намъ сулитъ“?

Но кто дерзнетъ взять на себя объясненіе событій, нами переживаемыхъ, или поднять таинственную завѣсу будущаго въ произвольныхъ догадкахъ? Предадимся въ волю Божию, твердо и мужественно взглянемъ на лицо надвига-

ющейся бури, не теряя надежды на то, что, какъ въ видѣннн пророка Иліи, Господь пройдетъ и' „въ сильномъ вѣтрѣ, раздирающемъ горы, сокрушающемъ скалы, и въ землетрясеніи и въ огнѣ, но что послѣ огня очистительнаго наступитъ вѣяніе „тихаго вѣтра“, въ которомъ мы ясно услышимъ глаголь Божій и внутреннимъ окомъ узримъ домостроительство нашего спасенія.

Мы свидѣтели тяжелой, но великой эпохи. Отъ сотворенія міра не было борьбы народовъ въ томъ громаднмъ масштабѣ, въ которомъ она происходитъ теперь. Это касается не только неслыханнаго количества армій, растянувшихся на тысячеверстные фронты, приспособленій техники, превзошедшихъ самую смѣлую фантазію прежнихъ поколѣній и перенесшихъ сраженія съ плоскости материка въ подводную глубь океановъ, въ подземныя пространства и въ воздушныя сферы: сражаются двѣ культуры, два вида цивилизаціи, двѣ расы, два вида цѣнностей. Послѣ этой войны Европа, а можетъ быть и весь міръ, станетъ инымъ. Будетъ ли онъ лучше или хуже, но къ старымъ порядкамъ существованія онъ не вернется никогда. Чаянія всѣхъ народовъ окрашиваютъ будущее въ разнообразные цвѣта, соотвѣственно ихъ завѣтнымъ желаніямъ. Германія мечтаетъ о всемірномъ владычествѣ; другія страны о братскомъ единеніи разоруженныхъ европейскихъ державъ; союзы, организаціи и партіи о соціальныхъ, эвономическихъ, научныхъ и религіозныхъ переворотахъ. И какъ бы разно ни представляли мы себѣ будущую новую эру, у всѣхъ одно упованіе—послѣ умиранія—воскресеніе! Воистину хаотическіе дни творенія, но вѣруемъ—Духъ Божій носится надъ бездною!

Но мы не только лишь свидѣтели этихъ переворотовъ. Намъ оказана Творцемъ высокая честь быть участниками міровой драмы—если же участниками, то и въ ограниченной мѣрѣ творцами-сотработниками Его творчества, и въ этомъ случаѣ на

насъ лежитъ отвѣтственность будущаго, ибо въ немъ вырастутъ плоды нашего настроенія и нашей дѣйствительности. Какъ же это можетъ быть?

Со страницъ учебниковъ исторіи мы усвоили понятіе, что жизнь страны совершается гдѣ то помимо насъ и судьбы ея предначертываются въ недосягаемыхъ намъ областяхъ. Въ древніе, въ средніе вѣка, дѣйствительно, было такъ. То были эпохи вождей, предводителей, императоровъ, полководцевъ, которые или сами бывали олицетвореніемъ своего народа, типомъ его души и чаяній, или народъ, неравный съ ними по развитію, не имѣлъ при нихъ голоса. Новая исторія выдвинула новый факторъ, новое лицо, такъ называемаго третьяго сословія. Третье сословіе не есть принадлежность одной только Франціи. Во всѣхъ европейскихъ государствахъ оно выросло постепенно изъ почвы земли и количественно, умственно и нравственно вырабатывалось въ то, что у насъ въ Россіи называется интеллигентнымъ обществомъ. За послѣднія десятилѣтія общество пріобрѣтало все болѣе правъ, все отвѣтственнѣе задачи—въ земствѣ, въ печати, въ Думѣ. Для всѣхъ ясно, насколько важна роль общества въ настоящую роковую минуту нашей исторіи. Кто же составляетъ общество, какъ не всѣ мы, интеллигентные сыны и дочери Россіи? Каждый и каждая изъ насъ, занимающіе то или иное, хотя бы и самое скромное общественное положеніе на всѣхъ путяхъ умственнаго, нравственнаго и экономическаго развитія нашей родины, входимъ въ составъ этого необъятнаго по своей величинѣ и сложности организма. Но какъ всякій организмъ живетъ своими клѣточками, такъ и общество живетъ мириадами отдѣльныхъ личностей, питающихъ его своей творческой способностью. Вотъ, поэтому,—путь, черезъ который каждый изъ насъ входитъ въ соприкосновеніе съ жизнью всей страны.

Оглядывая самихъ себя, естественно, необходимо, полезно обмѣрить взглядомъ своего противника, всмотрѣться

въ духовный обликъ воюющаго съ ними народа. Писатель Мережковскій въ одной недавно имъ написанной статьѣ (Распятый народъ), указывая на тотъ фактъ, что Германія заслужила проклятіе всего культурнаго міра и подъ ея смертнымъ приговоромъ подписались почти всѣ европейскіе народы, говоритъ, что ея погибель, предрѣшенная въ принципѣ и оспариваемая временемъ, вытекаетъ изъ двухъ ея преступленій,—именно: созданія ею двухъ ложныхъ боговъ—сверхъ человѣка и сверхъ народа.

Творцемъ теоріи сверхъ человѣка, какъ извѣстно, былъ Ницше. Этотъ писатель, отрицая все основаніе христіанской цивилизаціи и находя, что ея истина не увеличиваетъ, а сокращаетъ наслажденіе жизнью, предлагалъ всю энергію и весь умъ обратить на познаніе прекрасныхъ „иллюзій“ вселенной. Сверхъ-человѣкъ есть тотъ, который, перешагнувъ черезъ устарѣлыя предрасудки и поправъ слабыхъ, достигнетъ наивысшаго напряженія физическихъ и психическихъ силъ. Между мыслью отдѣльнаго выдающагося ума и средой, въ которой онъ живетъ, есть невидимая связь. Ницше былъ въ одно и то же время и выразитель настроенія своей эпохи, и руководитель ея теченія. Онъ воплотилъ затаенную мысль современнаго язычества, представилъ ее ярко и выпулко передъ толпой, и толпа повѣрила въ это ученіе, какъ въ новаго бога. Германство въ своемъ цѣломъ, въ своемъ откровенно провозглашенномъ лозунгѣ *Deutschland über alles*, въ поправаніи законовъ правды во имя силы и своего все-свѣтлаго владычества есть то же Ницшеанство, только въ увеличенномъ видѣ. Но какимъ же образомъ именно тѣ двигатели, которые имѣютъ въ рукахъ дальнѣйшій ходъ исторіи, довели народъ до его нравственной смерти? Они это сдѣлали, получивъ ложное, порочное и губительное направленіе. Давно извѣстно, что ложные культы имѣютъ къ истинѣ весьма опасную близость. Въ исходной точкѣ между линіями истины и лжи—едва замѣтная грань, расширяющаяся по мѣрѣ удаленія. Исторія религій подтверждаетъ этотъ общій законъ.

Человѣкообожествленіе и народообожествленіе находятся въ тонкой параллели съ христіанствомъ. То же основаніе развитія личности и общества положено подѣ строеніе христіанской Церкви. Богочеловѣкъ—Господь Іисусъ—возрождаетъ человѣчество въ отдѣльной личности, царское достоинство которой предназначено къ „почести вышняго званія“, къ „причастію Божескаго естества“, а собраніе этихъ единицъ составляетъ Церковь, Апокалипсическую Невѣсту Агнца. Добрый Пастырь называетъ Своихъ овецъ по имени. Апостоль въ своихъ посланіяхъ постоянно подчеркиваетъ особья служенія, особья дарованія, особые пути. Въ пророческомъ видѣніи Іоаннъ Богословъ слышитъ обѣтованіе, данное одному изъ ангеловъ Церквей: „побѣждающему дамъ бѣлый камень и на камнѣ написано новое имя, котораго никто не знаетъ, кромѣ того, кто получаетъ“. А наряду съ этимъ въ томъ же видѣніи передъ Престоломъ собраны во едино многіе народы, число которыхъ невозможно перечестъ, каждый, думаемъ, имѣющій задачи, на него возложенныя Творцемъ. Такъ эти основы проводятся черезъ все Откровеніе красными нитями.

Такимъ образомъ, наше участіе и творчество въ переживаемой нами міровой драмѣ вовсе не воображаемая схема, но реальная истина бытія. Активно или пассивно, но мы существуемъ, и самымъ фактомъ своего существованія вовлечены въ стремленіе кипучаго вала, который несетъ къ берегамъ потусторонняго міра. При этомъ сознаніи становится страшно. Въ сердцѣ смутно пробуждается чувство отвѣтственности. Что дѣлать? Какъ использовать въ лучшемъ смыслѣ свои силы и въ лучшемъ смыслѣ отвѣтить передъ судомъ Божиимъ и передъ судомъ лѣтописцевъ за, хотя бы невольное, участіе въ переворотахъ, которымъ суждено начать новую эпоху въ жизни Европы? Для отвѣта на эти вопросы мы не найдемъ лучшаго критерія, болѣе прочнаго и всеобъемлющаго, какъ христіанское Откровеніе. Слова эти, быть можетъ, будутъ встрѣчены съ затаеннымъ сомнѣ-

ніемъ. Евангеліе и Апостольскія посланія кажутся настолько далекими отъ современной жизни, что найти въ нихъ откликъ на насущныя потребности времени представляется почти невозможнымъ. Причина этихъ затрудненій объясняется тѣмъ, что въ Евангеліи ищутъ того, чего тамъ нѣтъ. Ни Евангеліе, ни вообще христіанство не даетъ и никогда не давало готовыхъ плановъ и программъ. Предметъ христіанства—не столько то, что человѣкъ дѣлаетъ, сколько то, что человѣкъ есть въ своей внутренней сущности. Христіанство какъ бы настраиваетъ психическій инструментъ человѣческой души, обрабатываетъ его отдѣльныя части, дѣлаетъ его способнымъ на высшую гармонію, но оставляетъ его творцомъ собственныхъ мелодій. Вѣдь и для организаціи Церкви намъ не дано почти никакихъ указаній. Въ одной изъ притчъ она представлена подъ образомъ сѣти—гибкой, принимающей одни формы и очертанія съ волною пучины, она улавливаетъ добрыя и худыя рыбы: никакихъ правилъ ловцамъ человѣкомъ. Вся забота о томъ, чтобы она была „безъ пятна и безъ порока“.

(Окончаніе слѣдуетъ).

П а с т ы р и н а с т в а .

(Продолженіе.)

Оба автора, какъ видно, усматриваютъ причину охлажденія взаимныхъ отношеній и расхожденія пастырей съ паствой въ самомъ духовенствѣ; но по вопросу: что является этой причиной? ихъ мнѣнія расходятся. О. Никольскій утверждаетъ, что причиной является више—культурная отсталость духовенства, не могущаго при современнымъ пробужденіи народа быть его руководителемъ. Русскій пастырь не имѣетъ практическихъ знаній; онъ мало „полезенъ“ обществу; онъ не въ силахъ помочь упорядочить экономическую жизнь народа; онъ слишкомъ много живетъ жизнію

духа, а не плоти. Вотъ что, по мысли о. Никольскаго, является корнемъ разлада между пастырями и паствою. Проф. Верховской высказываетъ совершенно иной взглядъ. Онъ видитъ корень разлада въ холодности духовенства къ самому существу религіозной жизни, въ ложномъ направленіи того, что есть въ духовенствѣ активнаго, въ нежеланіи многихъ представителей духовенства, увлекающихся мірскими интересами, дѣлать свое прямое дѣло. Вотъ два діаметрально—противоположныхъ мнѣнія. Съ какимъ изъ нихъ согласиться? Полагаемъ, что отвѣтъ здѣсь, безъ долгихъ размышленій, можетъ быть только одинъ: заключеніе проф. Верховскаго болѣе близко къ истинѣ.

По мысли о. Никольскаго, пастырь долженъ быть руководителемъ въ развитіи экономической жизни народа. Осуществимо ли это вообще? Конечно, нѣтъ. Для этого пастырь долженъ получить спеціальное образованіе, если онъ не хочетъ оказаться въ положеніе „кустара“, долженъ посвятить матеріальнымъ заботамъ все свое время, забыть и забросить свои прямыя пастырскія обязанности. Но если такъ, то отъ него можно съ одинаковымъ правомъ потребовать быть также специалистомъ и руководителемъ и въ другихъ областяхъ жизни, а не только въ экономической. Очевидно, здѣсь получается какая—то несуразность, взваливаніе на плечи одного человѣка того, чего онъ не въ силахъ поднять. Самое большее, что можетъ здѣсь пастырь сдѣлать, это сочувствовать и по мѣрѣ возможности содѣйствовать всѣмъ культурнымъ начинаніямъ, а для этого не требуется быть специалистомъ, нужно быть только образованнымъ человѣкомъ. Задача и назначеніе пастыря Церкви Христовой на землѣ быть, прежде всего, не культуртрегеромъ, а своего рода рулевымъ, который направлялъ бы дѣло вѣшняго благополучія народа на путь согласія со св. Евангеліемъ. Этимъ и должна опредѣляться степень его участія въ разныхъ экономическихъ предпріятіяхъ. Возлагать же на него отвѣтственность за то, что онъ не отдается устройству экономиче-

ской жизни народа и считать это причиной разлада между нимъ и паствой,—какъ то не вяжется съ здравымъ смысломъ. И если мы внимательно присмотримся къ жизни, то увидимъ, что паства совсѣмъ не за это отворачивается отъ своихъ пастырей. У насъ есть много пастырей общественниковъ, которые пооткрывали у себя разныя финансовыя товарищества, кооперативы и пр., но что выиграла отъ этого духовная жизнь ихъ паствы, насколько они этимъ духовно сблизились съ паствой? Этимъ они оказали ей только матеріальную услугу, но не болѣе. Такой путь сближенія съ паствой весьма шаткій, могущій привести пастыря совсѣмъ не туда, куда онъ долженъ идти самъ и вести свою паству. Вѣдь ни препод. Серафимъ ни о. Іоаннъ Кронштадтскій и другіе, какъ напримѣръ недавно скончавшійся въ г. Казани пастырь молитвенникъ и проповѣдникъ о. Николай Воронцовъ, не были кооператорами, экономистами, а народъ шелъ къ нимъ толпами, и у нихъ не было никакого разлада съ паствою. Считать же главнымъ средствомъ поддержанія любви и уваженія къ пастырю его внѣшнюю экономическую дѣятельность значить, по нашему мнѣнію, расписываться въ своемъ полномъ духовномъ банкротствѣ.

Въ доказательство своихъ сужденій о внѣшней отсталости духовенства, о. Никольскій ссылается на исторію, приводитъ имена духовныхъ лицъ, не сочувствовавшихъ нѣкоторымъ культурнымъ начинаніямъ. Не касаясь вопроса, какъ велика здѣсь доля правды, мы уважемъ хотя бы на яраго воспѣвателя Петровскихъ «реформъ» арх. Теофана Прокоповича. Неужели онъ, топтавшій ради лакейскаго угодничества въ грязь рясу вмѣстѣ съ авторомъ Церкви, былъ истиннымъ пастыремъ, отъ котораго паства не сторонилась? Вѣдь съ кѣмъ ни поговоришь, о немъ всѣ вспоминаютъ съ недобрымъ чувствомъ въ душѣ. Слѣдовательно, дѣло не въ сочувствіи моднымъ вѣяніямъ времени. Исходной точкой дѣятельности пастыря должно быть то «вѣчное и святое», чему онъ призванъ служить на землѣ. Если обратимся къ

окружающей насъ дѣйствительности, то увидимъ, что симпатинъ вѣрующихъ, какъ нами уже отмѣчено выше, болѣе на сторонѣ пастырѣй—молитвенниковъ и подвижниковъ, нежели на сторонѣ пастырѣй—финансовыхъ дѣльцовъ и модныхъ крикуновъ. Въ печати и на словахъ неоднократно приходилось выслушивать осужденія по адресу послѣднихъ, что они, оставляя въ забросѣ свое пастырское дѣло, увлекаются сторонними для Церкви интересами.

Намъ кажется, что лучшее рѣшеніе поставленнаго выше вопроса даетъ намъ св. Писаніе. Когда св. Апостолы начали устраивать Церковь Христову на землѣ, они нашли для себя, какъ для служителей слова, неудобнымъ предаваться матеріальнымъ заботамъ. Они собрали вѣрующихъ и сказали имъ: не удобно намъ, оставивши слово Божіе, служить трапезамъ (т. е. заботиться о матеріальномъ благѣ вѣрующихъ). Выберите изъ своей среди людей, извѣстныхъ своею праведностію и мудростію, и поручите имъ это дѣло; мы же въ молитвѣ и служеніи слова пребудемъ (Дѣян. 6, 2—7). Такимъ образомъ, Апостолы, не запрещая христіанамъ пешихъ о трапезахъ и благословляя это дѣло, говорятъ, что для сего должны быть особыя лица; пастыри же должны стоять выше заботъ о тѣлесныхъ благахъ, должны пребывать въ служеніи слова. Вотъ правильное рѣшеніе вопроса, согласное съ духомъ Евангельскаго ученія, что здѣсь, на землѣ, мы только странники и пришельницы, что здѣсь мы должны главнымъ образомъ готовиться къ жизни вѣчной. Земная жизнь съ ея заботами и соблазнами слишкомъ влечетъ человѣка къ себѣ, заставляетъ его углубляться въ земную суегу, въ заботы о тѣлѣ, объ удобствахъ жизни. Неужели пастырь долженъ еще содѣйствовать этому? Его долгъ—направлять взоръ человѣка отъ земли къ небу, къ Богу, ко всему вѣчному и святому. Это слѣдовало бы помнить тѣмъ, (слава Богу, немногимъ) нашимъ пастырямъ—общественникамъ, которые, слишкомъ увлекаясь заботами о матеріальномъ благѣ своей паствы и игнорируя заботы о спасеніи душъ, ду-

мають, подобно Великому Инквизитору, удержать паству въ оградѣ Церкви предложеніемъ ей вещественнаго хлѣба вмѣсто духовнаго. Разныя кооперативы и финансовыя комбинаціи, когда ими занимаются для пользы ближнихъ, конечно, дѣло прекрасное и похвальное, но не смотря на всю его симпатичность, прямое участіе въ немъ какъ—то не къ лицу священнику, руководителю духовной жизни народа. Такимъ образомъ, если въ нѣкоторыхъ приходяхъ мы замѣчаемъ отчужденіе между пастыремъ и паствой, то для ослабленія этого печальнаго явленія, согласно съ высказаннымъ мнѣніемъ проф. Верховскаго, необходимо, чтобы пастырь прежде всего обратилъ вниманіе на духовную сторону своей жизни и жизни пасомыхъ, на болѣе тщательное исполненіе своихъ прямыхъ пастырскихъ обязанностей. Не нужно забывать, что міряне естественно хотятъ видѣть въ лицѣ своего пастыря человѣка, стоящаго на высшей ступени нравственнаго совершенства (сравнительно съ ними), у котораго интересы духовныя господствовали бы надъ интересами плоти.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ по поводу того пункта, въ которомъ о. Никольскій и проф. Верховской сходятся. Оба автора склонны считать виновникомъ разлада между пастыремъ и паствой духовенство. Правда, о. Никольскій пытается отчасти свалить вину на духовную школу, на ея отсталость и отвлеченность отъ жизни. Но, повидимому, въ этомъ пунктѣ онъ очень ошибается. Теперь въ духовныхъ семинаріяхъ, помимо наукъ богословскихъ, философскихъ, историческихъ, литературы, математики и языковъ, читаются лекціи по медицинѣ, по коопераціи, по пчеловодству и сельскому хозяйству, преподаются искусства: живопись и музыка, нѣкоторыя ремесла, какъ столярное и переплетное и т. д. Можетъ быть, авторъ не высказалъ бы такого сужденія, если бы сообразилъ, что вѣдь добрая половина нашихъ священниковъ безъ законченнаго семинарскаго образованія. Стало быть, ссылка о. Никольскаго

на школу отпадаетъ и остается одно обвиненіе. По нашему мнѣнію, согласиться съ о. Никольскимъ и проф. Верховскимъ въ признаніи духовенства, особенно сельскаго, виновникомъ создавшагося мѣстами положенія можно лишь съ весьма существенной оговоркой. Если хотите, да, отчасти виновато духовенство, но это не прямая его вина. Когда священникъ, въ заботахъ о прокормленіи своей семьи, весь день, не разгибая спины, какъ простой хлѣборобъ, шагаетъ по полю за сохою, то согласитесь сами, что тутъ не до отдѣлки чтенія въ храмѣ, не до проповѣдей и сектантовъ. Мы знаемъ хорошо обеспеченныхъ католическихъ жсендзовъ и протестантскихъ пасторовъ. Не; тревожимые думою о хлѣбѣ насущномъ, о завтрашнемъ днѣ, они могутъ читать, слѣдить за литературой богословской и свѣтской и работать надъ своимъ образованіемъ; они имѣютъ время обдумать и приготовить къ праздничному дню приличную проповѣдь и т. д. Когда нашъ пастыръ будетъ обеспеченъ достаточнымъ и опредѣленнымъ вознагражденіемъ за свои труды, тогда только онъ будетъ въ силахъ взяться за забытую имъ по недостатку времени книгу, тогда только можно будетъ требовать отъ него точнаго и аккуратнаго исполненія пастырскихъ обязанностей, тогда только онъ будетъ отвѣтствененъ за упадокъ религіозной жизни въ приходѣ, за разладъ, если таковой окажется, между нимъ и паствою.

Есть еще одно обстоятельство, отмѣчаемое вскользь обоими авторами, которое значительно смягчаетъ вину духовенства. Это—все крѣпящее послѣдствіе Петровскихъ реформъ въ Церкви—униженность и обезличенность духовенства. Вѣдь насколько раньше прислушивались къ голосу духовенства, настолько съ нимъ теперь не считаются, даже въ вопросахъ чисто церковной, внутренней жизни. О духовствѣ перестали думать, какъ о дѣятельной силѣ; существуетъ лишь призракъ чего—то, что раньше влияло на жизнь, осталась лишь ширма, изъ за которой дѣйствуютъ силы, имѣющія мало общаго съ Церковію. Чрезмѣрная и

унизительная опека надъ духовенствомъ сильно подрываетъ его авторитетъ въ народѣ. Въ то время какъ католическое, протестантское и другихъ исповѣданій духовенство у насъ значительно гарантировано отъ постороннихъ вмѣшательствъ въ свои духовныя дѣла, наше духовенство безъ особаго „разрѣшенія и указанія“ не можетъ шагу ступить подѣ страхомъ всевозможныхъ каръ и прещеній. Отсюда создалось положеніе, что всякій коллежскій регистраторъ и урядникъ считаютъ себя начальствомъ священника. Таково положеніе внизу, таково оно и на верхахъ. Поэтому нигдѣ безотвѣтныя темныя вліянія не находятъ для себя такой благодатной почвы, какъ въ нашемъ „вѣдомствѣ“. Но можно—ли ииить въ этомъ священника? Намъ кажется, здѣсь налицо нѣчто болѣе сильное, что парализуетъ волю каждаго священника въ отдѣльность, что дѣлаетъ его безсильнымъ. Это утвердившіяся годами условія существованія, породившія сухой канцеляризмъ, разрозненность и разобщенность съ вытекающимъ отсюда безсиліемъ. Правовое состояніе нашей Церкви, начало коему положено Петромъ двѣсти лѣтъ тому назадъ, дѣлало напрасными и часто рискованными всякія попытки духовенства поднять авторитетъ служителей Церкви въ глазахъ народа. Въдѣ достаточно было какой нибудь Петроградской барынь или салонному прорицателю въ лаптяхъ сказать словечко, какъ всѣ благія начинанія любого церковнаго дѣятеля, а вмѣствъ съ ними и онъ самъ, летѣли вверхъ тормашками. Пр. ф. Верховскій пытается разграничить дѣятельность пастыря на чисто—духовную, въ каковой пастырь будто—бы ничѣмъ не связанъ, и внѣшне-правовую, но такое разграниченіе, допустимое въ теоріи, терпитъ полный крахъ на практикѣ. Все это приводитъ насъ къ мысли о томъ, что нуженъ церковный соборъ съ самыми широкими полномочіями, нужно довѣрчивое и благожелательное отношеніе къ Церкви, какъ къ самостоятельному живому организму, сильныхъ міра сего; нужна реорганизація церковной жизни по ся канонамъ, а не по министерскимъ циркулярамъ. Церковь

и государство—двѣ силы разнаго порядка; благо народное требуетъ, чтобы между ними былъ свободный союзъ, а не господство одного изъ нихъ надъ другимъ. Тогда только исчезнуть униженность и обезличенность духовенства, которое не чувствуетъ теперь въ своей внѣшне—церковной дѣятельности подъ собою почвы, не имѣетъ нужной опоры въ лицѣ, лишенной возможности дѣйствовать и закабаленной высшей церковной власти. Когда духовная власть получить возможность устроения церковной жизни въ свои руки, когда рухнетъ искусственно созданная стѣна между пастырями и паствою, тогда только можно будетъ говорить объ отвѣтственности духовенства за разладъ съ паствою. Эти двѣ причины: матеріальное и правовое положеніе православнаго духовенства, будучи тѣсно связаны одна съ другою, значительно ослабляютъ нынѣ (нравственно и юридически) его виновность въ наблюдаемомъ отчужденіи между паствою и ея пастырями.

Владиміръ Садовничій.

СИЛА МОЛИТВЫ.

Невѣрующіе и сектанты часто издѣваются и кощунствуютъ надъ нашими молитвами, не понимая часто смысла и силы нашихъ гимновъ. А между тѣмъ—наши молитвы часто являются не только точкою опоры для малодушныхъ, но и источникомъ физическаго могущества и храбрости. Вотъ характерный въ этомъ отношеніи случай изъ недавняго прошлаго.

Поручику 127 Путивльскаго полка Парнасову приказано было съ ротой солдатъ во что-бы то ни стало выбить нѣмцевъ изъ оконовъ. Но нѣмцы, предвидя наступленіе, открыли по нашимъ окопамъ убійственный огонь. Объ атакѣ нечего было и думать: нѣсколько храбрецовъ, пытавшихся вылѣзти изъ оконовъ,—нѣмецкій огонь сразилъ въ одно мгновеніе.

А по телефону все время звонятъ, приказывая немедленно идти на непріятельскіе окопы.

Поручикъ командуетъ въ атаку, но ни одинъ солдатъ не поднимается... а по телефону приказъ за приказомъ...

Что было дѣлать?

Положеніе становилось отчаяннымъ...

И вотъ,—когда всякія человѣческія средства оказались безсильными,—поручикъ Парнасовъ пустилъ въ ходъ такую силу, какую обычно мы игнорируемъ въ своихъ солдатахъ.

Выскочилъ изъ окоповъ, онъ могучимъ баритономъ зацѣлъ молитву:

—„Спаси, Господи, люди Твоя“...

Рота подхватала молитву и съ пѣніемъ бросилась на нѣмецкіе окопы.

Это было незабываемо-трогательное зрѣлище: люди забыли про опасность и видимо повергли въ недоумѣніе нѣмцевъ...

Преодолевъ нѣсколько рядовъ толстой (въ палецъ) проволоки, наши храбрецы выбили нѣмцевъ и захватили ихъ окопы.

И чудно!

Пробѣжавъ подъ убійственнымъ огнемъ сотни шаговъ,—рота потеряла до смѣшного ничтожное количество людей: трехъ тяжело раненыхъ и до двухъ десятковъ—съ легкими пораненіями.

Убитыхъ не было ни одного.

А у насъ находятся безумцы, которые кричатъ: зачѣмъ молитвы, къ чему храмы! Несомнѣнно и тутъ не обошлось безъ нѣмецкаго вліянія: они двѣсти лѣтъ учили насъ презирать свою вѣру.

Но, слава Богу! Нѣмецкій гипнозъ начинаетъ проходить и мы, я увѣренъ, послѣ войны начнемъ строить Россію на новыхъ началахъ. И не забудемъ—какую роль сыграла въ этой войнѣ вѣра народная.

Довольно подь нѣмецкую дудку плясать: пора понять великую цѣнность нашихъ національныхъ сокровищъ, ибо всякій въ правѣ о насъ сказать словами поэта:

„Сами не знаете, чѣмъ обладаете„! (В. Е. В.)

Свящ. В. Демидовъ.

Кружокъ Ревнителѣй Православія.

(Наблюденія и замѣтки).

Идея учрежденія приходскихъ кружковъ ревнителѣй Православія имѣетъ свою исторію.¹

Ревнителѣи Православія появлялись тамъ, гдѣ начиналось колебаніе въ вѣрѣ, отпаденія отъ Православія; гдѣ возникала борьба и начинались совращенія въ иновѣріе или невѣріе. Въ XVII вѣкѣ въ Западной Руси возникала сильная пропаганда іезуитовъ, начались значительныя совращенія въ католичество—тогда и появились кружки ревнителѣй—церковныя братства, спасшія русскій народъ отъ измѣны Православію. Исторія Руси отводитъ нынѣ на своихъ страницахъ почетное мѣсто дѣятельности южно-русскихъ и западно-русскихъ братствъ, признавая за ними значеніе оплотовъ не только Церкви, но и національности русской, и государственности. Уставы этихъ братствъ и приемы ихъ дѣятельности къ настоящему времени уже изучены и могутъ служить для насъ образцомъ организаціи нашихъ современныхъ кружковъ ревнителѣй Православія (см. напр., Малышевскій—„Западная Русь въ борьбѣ за вѣру и народность“, изд. Московской Синодальной типографіи, ц. 60 коп., Крыжановскій, Собраніе сочиненій, томъ 2-й (статьи о Западной Руси въ XVI вѣкѣ), продается въ Московск. Синодальн. типографіи, ц. 2 р.; Епископъ Евдокимъ, „По церковно-общественнымъ вопросамъ. Забытый братскій уставъ“. Сергіевъ-Посадъ, 1914 г., ц. 1 р.).

Западно-русскія церковныя братства, послужившія образцомъ для современныхъ намъ кружковъ ревнителей православія, свою дѣятельность направляли въ противовѣсъ пропагандѣ іезуитовъ и стремились парализовать успѣхи католическихъ миссіонеровъ примѣненіемъ ихъ же средствъ: католики вводили общее пѣніе въ костелахъ, и братства ввели общее пѣніе въ храмахъ; католики распространяли свои молитвенники и религіозныя книжки, и братства занялись усиленною издательскою дѣятельностію; католики обратились къ учрежденію приютовъ и школъ, стремясь захватить въ свои руки юныя поколѣнія, — то же самое дѣлали и братства.

Такъ и создалась практическая работа приходскихъ братствъ въ трехъ направленіяхъ: 1) въ дѣлѣ улучшенія постановки церковнаго богослуженія, 2) въ издательской и литературной дѣятельности и 3) въ организаціи приходской благотворительности и приходской школы.

Учредители братствъ и создатели указанной практической церковно приходской работы должны были призвать на помощь себѣ и организаторскія силы, и денежныя средства. Организаторы приходскихъ братствъ должны были принадлежать къ числу людей, готовыхъ и къ литературной дѣятельности, и къ общественному объединенію и сплоченію. Кромѣ того, чтобы выступать въ защиту православія, имъ нужно было любить свою родную Церковь, цѣнить ее и хорошо знать ея вѣроученіе, уставы и богослуженіе. Учредитель приходскаго братства долженъ былъ обладать и твердою волею, и постоянствомъ характера, далекимъ отъ какой-либо склонности къ измѣнѣ вѣрѣ и преданіямъ своихъ отцовъ.

Всѣ эти уроки прошлаго должны быть памяты и хорошо знакомы всякому современному учредителю приходскаго кружка ревнителей.

Лучшія условія для учрежденія кружка ревнителей — тотъ приходъ, въ которомъ уже есть свое приходское учрежденіе — церковно-приходское попечительство, церковно-при-

ходская школа, общество трезвости или богадѣльня. Всѣ прихожане, участвующіе въ одномъ изъ этихъ приходскихъ учрежденій естественно явятся первою ячейкою, вокругъ которой можетъ быть организованъ и кружокъ ревнителей: кружокъ не упраздняетъ собою ни одно изъ прежнихъ, обычныхъ, приходскихъ учрежденій, но дополняетъ ихъ и помогаетъ имъ. Изъ членовъ приходскаго попечительства или общества трезвости можетъ составиться и совѣтъ приходскаго кружка ревнителей, который и начертаетъ собою планъ практической работы ревнителей Православія.

Среди членовъ обычныхъ приходскихъ организацій и могутъ оказаться люди, которые придутъ на помощь кружку или своими организаторскими способностями и вліяніемъ на другихъ, или же—своими средствами и литературными трудами.

Теоретически все это становится понятно, но практически выполнимо не легко. Много труда потребуется отъ священника, прежде чѣмъ ему удастся организовать въ приходѣ практическую работу кружка ревнителей, главнымъ образомъ, въ виду новизны дѣла и въ виду непривычки къ нему народа.

По опыту своей приходской службы могу свидѣтельствовать, что легче всего собранія кружка ревнителей устраиваются тамъ, гдѣ въ приходѣ уже заведены воскресныя вечерни съ акаѳистами и бесѣдами, или вѣтбогослужебныя бесѣды и чтенія съ общенароднымъ пѣніемъ. Народъ, пріученный къ воскреснымъ бесѣдамъ и общему пѣнію, легко привыкнетъ и къ участию въ кружкѣ ревнителей, для практической работы котораго и требуется, именно, прежде всего организація общенароднаго пѣнія и бесѣдъ.

Первый шагъ въ организаціи кружка—молитва, а не засѣданіе или собраніе. Если народъ не пріученъ къ общецерковному пѣнію, то нужно сначала устроить спѣвку со школьниками, сначала по каждой школѣ отдѣльно, а потомъ собравши всѣ школы вмѣстѣ. Пѣніе школьниковъ—дружное

и громкое, легче всего захватить народъ, непривычный къ общему пѣнію, и приучить его къ пѣнію за всеобщую — „Богородице Дѣво“ и „Буди имя Господне“, „Хвалите имя“, „Воскресеніе Христово“, „Взбранной Воеводѣ“; за литургією — „Во царствіи твоємъ“, „Святый Боже“, „Вѣрую“, „Отче нашъ“; за акаѳистами — тропаря («Заступнице усердная», „Правило вѣры“), заѣвовъ на молебій и на акаѳистѣ. Когда вводится общее пѣніе, то священникъ или одинъ изъ клириковъ выходитъ изъ алтаря и движеніемъ руки показываетъ ритмъ пѣнія, при чемъ лучше пѣть медленнѣе и неторопливѣе.

Когда народъ приучится къ общему пѣнію, то наиболѣе усердные участники общаго пѣнія и дадутъ собокъ лучшихъ практическихъ работниковъ въ кружкѣ ревнителей.

Припоминаю уроки моей жизни.

Изъ семинаріи я унесъ любовь къ церковному пѣнію и духовнымъ книгамъ не потому, что о пользѣ того и другого мнѣ говорили на урокахъ, но потому, что хорошіе монахи — ректоръ и инспекторъ часто удѣляли намъ — семинаристамъ свое время: собирали насъ пѣть по обиходу, читать какую-нибудь статью духовнаго журнала и говорить о приходѣ и Церкви. Эти немудренныя, незатѣйливыя, маленькія собранія меня очень заинтересовали и привлекли поступить приходскимъ священникомъ.

Я поступилъ въ глухой, заброшенный въ дремучихъ казенныхъ лѣсахъ, приходъ.

Въ селѣ была приличная каменная церковь, хорошее училище. Приходъ былъ большой, и кромѣ сельской школы было еще двѣ школы въ деревняхъ. Дѣла — службъ, требъ, уроковъ въ школахъ было много, но въ это время какъ разъ начались газетные и журнальные толки о возрожденіи прихода, объ организаціи приходскихъ братствъ, и я рѣшилъ учредить у себя въ приходѣ общество трезвости.

Въ одинъ зимній воскресный день я замѣтилъ, что въ церкви собралось много народу, и произнесъ короткое слово

о томъ, что въ приходѣ учреждается общество трезвости. Желающіе дать обѣтъ трезвости приглашаются записаться въ книгу, сдѣлать посильный денежный взносъ на учрежденіе приходской бібліотеки трезвости, послѣ чего имена всѣхъ вступившихъ въ общество будутъ вписаны въ особый памятникъ.

Съ этого воскресенья я началъ прибавлять къ литургіи пѣніе „Высшую небесъ“, а на эктеніи при этомъ поминалъ имена записавшихся.

Записалось въ общество трезвости человекъ десять. Денегъ собрали рублей пять и выписали маленькіе антиалкогольные журналы. На этомъ у меня дѣло и остановилось.

Нужно было устраивать чтенія, не было ни книжекъ, ни волшебнаго фонаря, ни средствъ на покупку ихъ. Писалъ я въ комитетъ попечительства народной трезвости, писалъ и въ земскую управу, обѣщали прислать и фонари, и картины, и книжки, но не прислали ничего.

Нужно было привлекать и еще членовъ въ общество. Слушали меня и въ селѣ, и въ деревняхъ внимательно, одобряли и соглашались со мною, но записываться и давать обѣтъ трезвости откладывали и медлили, по-просту говоря, вѣжливо отказывались.

Тогда я не зналъ, что допустилъ нѣсколько ошибокъ при учрежденіи общества трезвости: слишкомъ поспѣшилъ съ учрежденіемъ общества, не подготовивъ къ нему прихожанъ; не нашелъ предварительно того жертвователя и тѣ средства, при помощи которыхъ можно было бы сразу устроить и бібліотеку, и народныя чтенія; не зналъ, что лучшими членами общества трезвости могутъ быть школьники и дѣвушки—подростки, еще никогда не пившіе ничего хмельного; не зналъ того, что каждому члену общества нужно выдавать въ благословеніе образъ и обѣтную грамоту, которая должна быть повѣшена на стѣнѣ, рядомъ съ образами, и этимъ служить и для другихъ живымъ призывомъ въ общество.

Мое первое дѣтище—приходское общество трезвости остановилось на первыхъ десяти членахъ и не развивалось дальше.

Въ довершеніи неудачи мои влирики—и діаконъ, и псаломщикъ оказались горькими и самыми безшабашными пьяницами. Они поняли мое приходское общество трезвости, какъ орудіе, направленное лично противъ нихъ, и повели лично противъ меня борьбу—жаловались, писали доносы, составляли эти доносы отъ имени крестьянъ на обычные для сельскихъ доносчиковъ темы: священникъ запросилъ большую плату за требоисправленіе, отказывался немедленно исполнять требы... Мнѣ надоѣло, наконецъ, отписываться и жить подъ угрозою дальнѣйшихъ жалобъ. Я описалъ епархіальному Преосвященному свое положеніе и попросилъ о переводѣ.

Мнѣ дали хорошій, небольшой приходъ, расположенный на берегу прекрасной судоходной рѣки. Церковь была престяжная, величественная.

Въ новый приходъ я пріѣхалъ съ рѣшеніемъ—никакихъ приходскихъ обществъ и братствъ не учреждать, такъ какъ я не умѣю ихъ организовать. Сослуживцы мои—священникъ на діаконской вакансіи и престарѣлый псаломщикъ—были людьми идеальной исправности и порядочности, и мы не только зажили дружно, но стали друзьями и искренно полюбили другъ—друга.

Сговорившись между собою, мы начали дѣлать небольшія и нехитрыя дѣла: каждому младенцу при крещеніи выдавали именной образокъ съ подписью священника, уговорили прихожанъ—каждую деревню порознь—написать на стѣнахъ приходской церкви живописную икону или соорудить отдѣльный, аналойный образъ. Это скромное дѣло наладилось у насъ безъ большихъ хлопотъ: деньги между односельчанами собирали охотно благочестивыя старушки, и скоро у насъ въ селѣ появился для работъ собственный живописецъ. А когда онъ не успѣвалъ исполнить срочный за-

казъ, то намъ писали образа и въ сосѣдномъ женскомъ монастырѣ, куда мы и ходили нѣсколько разъ крестнымъ ходомъ за новосооруженными и освященными въ монастырѣ образами.

Свящ. М. Степановъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Библиографическія замѣтки.

„*Вѣра и Знаніе*“. Рѣчь д-ра Грунера, профес. теоретической физики въ Бернскомъ университетѣ. Переводъ С. К. Евграфова. Ц. 30 коп. Чистый доходъ отъ изданія назначается на образованіе фонда для пособія воспитанникамъ Пензенской учительской сем.—дѣтямъ лицъ, пострадавшихъ отъ войны.

Эта небольшая брошюрка имѣетъ въ себѣ однако значительное содержаніе. Въ ней профессоръ физики съ чрезвычайной простотой и ясностью доказываетъ первенствующее значеніе *вѣры* въ жизни человѣка. Прежде всего *вѣра* необходима для самаго знанія и даже для знанія научнаго. Только благодаря довѣрію къ показаніямъ нашихъ внѣшнихъ чувствъ мы можемъ получать познанія о внѣшнемъ мірѣ. Основныя положенія науки также опираются на *вѣру*. Всѣмъ извѣстно, какое центральное положеніе въ наукѣ занимаетъ законъ причинности, а между тѣмъ онъ самъ есть продуктъ нашей *вѣры* въ извѣстный, твердо опредѣленный міропорядокъ. Съ особенной настойчивостью Грунеръ подчеркиваетъ несостоятельность механическаго міросозерцанія, которое неудачно пытается объяснить всѣ явленія жизни механическими законами матеріальнаго бытія. Въ заключеніе авторъ приходитъ къ выводу о безусловной необходимости для жизни современнаго человѣчества *вѣры* въ живаго Личнаго Бога и во Христа, какъ единственной основы истиннаго міросозерцанія.

Рѣчи профессора Грунера предпослано небольшое предисловіе переводчика, въ которомъ онъ, отмѣчая все возрастающую потребность нашего свѣтскаго образованнаго общества въ рѣшеніи религіозныхъ вопросовъ, указываетъ на особенную важность этихъ вопросовъ въ настоящее время безпримѣрной борьбы народовъ.

Брошюру можно выписывать изъ канцеляріи Пензенской учительской семинаріи. (И. Е. В.)

II Архимандритъ Григорій. „Въ борьбѣ за трезвость“.
Тридцать бесѣдъ противъ пьянства. Москва 1916. Стр. 1—136. Цѣна 1 руб.

Новоизданная книга о. Архимандрита Григорія представляетъ собою весьма цѣнный вкладъ въ сравнительно еще небогатую въ Россіи противоалкогольную литературу. Здѣсь вкратцѣ собрано все, что православный пастырь можетъ и долженъ сказать въ защиту трезвости и въ обличеніе пьянства съ церковнаго амвона.

Бесѣды о. Архимандрита изложены языкомъ общедоступнымъ, дышатъ полной убѣжденностью и искренностью. Видно, что сердце ревностнаго пастыря—трезвенника переболѣло и перестрадало за всю „пьющую Русь“. Въ пьянствѣ русскаго народа авторъ видитъ корень и источникъ всего зла, всѣхъ страданій и неурядицъ какъ частной—семейной, такъ и общественной и государственной жизни. „Чернымъ, грязнымъ, ядовитымъ пятномъ легло на святую Русь позорное игло пьянства, сдѣлавшись воистину всероссійскимъ горемъ. Стонетъ матушка—Русь подъ тяжкимъ бременемъ пьянства, такимъ тяжкимъ, тяжелѣе котораго еще не было на Руси“. Такъ говоритъ авторъ въ первой своей бесѣдѣ, сравнивая бѣдствія отъ пьянства съ татарскимъ погромомъ, бѣдствіями лихолѣтя во время самозванца, съ нашествіемъ Наполеона и проч. Все перенесла св. Русь, отъ всѣхъ своихъ ранъ излечилась, но отъ этой пьяной бѣды до сихъ поръ не можетъ избавиться. „Страшно становится за Русь святую пра-

вославленную, за ея безславіе и позоръ предъ всѣмъ міромъ...“ Бесѣды автора расположены по особому плану, намѣченному во второй бесѣдѣ, носящей названіе „Наше преображеніе“. Авторъ устанавливаетъ здѣсь положеніе, что „пьянство есть величайшее преступленіе противъ Бога, Церкви, жизни своей и близкихъ“. Въ дальнѣйшихъ шести бесѣдахъ авторъ подробно раскрываетъ и доказываетъ это положеніе: 1) „Пьянство—смерть для души“. 2) „Пьянство—смерть для тѣла“ 3) „Пьянство—смерть для семьи“. 4) Пьянство—смерть для общества и государства“. 5) „Пьянство—бѣдствіе для церкви“. 6) «Пьянство—грѣхъ смертный». Въ дальнѣйшихъ своихъ бесѣдахъ авторъ какъ бы призываетъ себѣ на помощь всѣхъ древнихъ святыхъ трезвенниковъ: св. Іоанна Предчету, Апостола Іоанна Богослова, св. муч. Моисея Мурина, св. муч. Вонифатія, препод. Марію Египетскую, какъ покровителей трезвости, и задушевными, трогательными разсказами о ихъ святой жизни убѣждаетъ всѣхъ, находящихся во власти „зеленаго змія“, къ духовной борьбѣ съ этимъ врагомъ (Бесѣды 9—16).

Далѣе въ восьми бесѣдахъ авторомъ излагаются взгляды на порокъ пьянства знаменитѣйшихъ отцовъ и вселенскихъ учителей Церкви: Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоуста, препод. Антонія и Θεодосія Печерскихъ, святителей—Димитрія Ростовскаго, Тихона Задонскаго. Въ двухъ бесѣдахъ излагается исторія жизни ветхозавѣтныхъ трезвенниковъ: св. пророка Даниила, св. трехъ отроковъ, Самсона и Самуила. Въ послѣднихъ пяти бесѣдахъ авторъ вдумчиво и назидательно рѣшаетъ вопросы о томъ, какъ съ прекрасными душевными задатками, благодаря легкомысленному отношенію къ яко-бы „невинному“ употребленію спиртныхъ напитковъ въ молодости, дѣлаются потомъ горькими пьяницами, говоритъ далѣе о томъ, что залогъ человѣческаго счастья—въ трезвости, и что отрезвить русскій народъ можетъ и сильна только св. Православная Церковь, а отнюдь не самозванные „трезвенники“, въ родѣ извѣстныхъ

сектантовъ—„братцевъ“. Церковь можетъ достигнуть этого посредствомъ „Братствъ трезвости“, къ органиціи которыхъ авторъ, въ послѣдней своей бесѣдѣ, и призываетъ всѣхъ ревнителей трезвости.

Горячо рекомендуемъ книгу о. Архим. Григорія всѣмъ собратіямъ—приходскимъ пастырямъ, какъ и для церковныхъ поученій о трезвости, такъ и для широкаго распространения среди приходскаго православнаго населенія. Такія книги нужно распространять въ народѣ всѣми возможными способами, особенно черезъ школы, въ видѣ подарковъ лучшимъ ученикамъ (П. Е. В.).

Пр. В. Садовскій

Молитва на войнѣ.

(Е. Чириковъ, Въ передовомъ отрядѣ. В Муйжель, Съ желѣзомъ въ рукахъ, съ крестомъ въ сердцѣ). Какъ страшно все на войнѣ! Какъ не похоже многое тамъ на жизнь въ тылу! Вотъ, на примѣръ, одна изъ картинокъ, переданная перомъ извѣстнаго писателя Е. Чирикова.

„Въ четырехъ—пяти верстахъ—бой, а здѣсь—никакого вниманія! Дымить кухня, около которой мурлычатъ солдаты, не торопясь прохаживаются офицеры, спокойно говорятъ о какомъ—то молебствіе и объ обѣдѣ. Сегодня здѣсь—полковой праздникъ, молебствіе и торжественное награжденіе Георгіями отличившихся солдатъ дивизіи“.

„На дворѣ парадъ, молебствія съ водосвятиемъ. Недурной хоръ изъ любителей—военныхъ. Вообще, въ полкахъ прекрасное пѣніе—не рѣдкость. Умиленно звучитъ голосъ полкового священника, смиренно несутся крогія слова молитвы къ Богу, грустно—покорно поетъ хоръ «Святителю, Отче Николае, моли Бога о насъ!», а орудія, какъ нарочно, грохаютъ залпами, и ружья словно торопятся. И контрастъ

кратко—молитвеннаго настроенія съ близкой борьбой на смерть оставляетъ странное, удивительное впечатлѣніе, котораго не передать словами..

Кончился молебенъ, началось пожалованіе Георгіевъ. Герои съ гордыми, довольными лицами, по командѣ, выдвинулись впередъ, и полковникъ собственноручно навѣшивалъ имъ ордена. О, стоило посмотрѣть на лица солдатъ въ этотъ торжественный моментъ ихъ жизни! Точно причащались!

— Господа! Просимъ съ нами откушать! Никогда еще я такъ не обѣдалъ! Рамы окопъ и стекла дрожать отъ канонады, а люди спокойно ѣдятъ, произносятъ тосты, острятъ и шутятъ. Невольно отлетаетъ всякая тревога, очень быстро свыкаешься съ положеніемъ и начинаешь чувствовать вкусъ курицы, приготовленной по—кавказски.. Рядомъ со мной оренбургскій казакъ, начальникъ сотни, очень тихій и не замѣтный человѣкъ. Почему его здѣсь такъ любятъ, этого скромнаго Матвѣя Ивановича? Оказывается, что онъ однажды спасъ штабъ дивизіи отъ непріятеля! Въ критическій моментъ вскочилъ на коня безъ шапки и оружія и, увлекши своихъ молдочовъ, лихой неожиданной атаккой выручилъ весь штабъ!

За ваше здорье, Матвѣй Ивановичъ!

Позвольте привести маленькій эпизодъ войны, переданный писателемъ В. Муйжелемъ („Съ желѣзомъ въ рукахъ, съ крестомъ въ сердцѣ“). Графъ В., М.—П., находившійся на перевязочномъ пунктѣ и нашедшій у раненаго солдата недоставленное въ окопы важное распоряженіе, повезъ послѣднее подъ пулями (которыя уложили или ранили троихъ посланцевъ—солдатъ) по назначенію, доставилъ распоряженіе офицеру въ окопахъ, и у нихъ завязался небольшой разговоръ. „Ну что-жь,—спрашиваетъ офицеръ,—доѣхали благополучно?“—„Иска ничего... Не знаю, какъ на обратномъ пути будетъ“..—слегка пожимая плечами, улыбнулся

графъ.— „Такъ. Ну, во всякомъ случаѣ, спасибо вамъ... Большое спасибо, это очень важно, что вы привезли. Спасибо!“—еще разъ повторилъ полковникъ, крѣпко пожимая руку неожиданнаго гонца. „Храни васъ Богъ!“ Онъ помолчалъ еще секунду, не выпуская руки графа и глядя на него свѣтлыми утомленными глазами, и опять чуть—чуть улыбнулся: „Вы не удивляйтесь: мы все върующими стали.. Кто прежде никогда и лба не крестилъ—все молитвы припомнилъ“.

Опечатки.

Въ № 5 „Рув. для д. с. п.“ вѣрались досадныя опечатки, искажающія смыслъ которыхъ необходимо исправить:

Напечатано:	Нужно:
167 стра-ца. 9 стр. свер.—людей . .	модой.
170—24—пародная —	нервная.
179—7—праздникомъ—	подриздникомъ.

Редакторъ Протсіерей Платонъ Петровъ.